

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Х.М. БЕРБЕКОВА»**

На правах рукописи

ОШРОЕВА КАРИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА

**ЭТАЛОННЫЕ СРАВНЕНИЯ
КАК ФРАГМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
(на материале кабардино-черкесского,
английского и русского языков)**

10.02.19 – теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
доцент **Битокова С.Х.**

НАЛЬЧИК–2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ	
ИССЛЕДОВАНИЯ СРАВНЕНИЯ	13
1.1. Сравнение – основа познания. Структура сравнения	13
1.2. Сравнение, тождество, подобие, метафора	24
1.3. Сравнение как языковая категория	33
1.4. Понятие «признак».	
Признак в структуре лексического значения слова	41
1.5. Косвенная номинация и языковая картина мира	54
Выводы	71
Глава 2. ЭТАЛОНЫ СРАВНЕНИЙ: РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ПРИЗНАКОВ	
2.1. Категоризация и эталонные сравнения	73
2.2. Тематическая классификация эталонов сравнений	76
2.2.1. Натуромерные эталоны сравнений	78
2.2.2. Артефактные эталоны сравнений	87
2.2.3. Антропомерные эталоны сравнений	89
2.3. Признаки в эталонных сравнениях	93
2.3.1. Эталоны сравнений: общие черты	93
2.4. Классификация признаков эталонов в сравнениях	98
2.4.1. Сущностные признаки эталонов сравнений	100
2.4.2. Характерные признаки эталонов сравнений	108
2.4.3. Приписанные признаки эталонов сравнений	124
Выводы	134
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	136
БИБЛИОГРАФИЯ	141

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено изучению механизмов конструирования компаративных сочетаний в кабардино-черкесском, английском и русском языках.

Сравнение один из важнейших способов познания действительности, лежащий в основе формирования научной картины мира и конструирования наивных представлений о ней. Компаративы (эталонные сравнения, устойчивые сочетания – термины, используемые в работе как синонимичные) образуют достаточно обширный пласт номинативных средств в любом языке и давно являются предметом самого пристального внимания лингвистов.

Достаточно большое количество работ посвящено исследованию структуры и семантики сравнения, ее межъязыковой вариативности, стилистической маркированности, этноспецифичности используемых элементов, соответствия однословным наименованиям и т.д. (Жилин 1963; Кунин 1969; Сологуб 1985; Шмелева 1988; Копыленко, Попова, 1989; Пашковская 1997; Лебедева 1999; Дмитриева 2000; Огольцов 2001; Подхомутников 2003; Абрамова 2004; Новикова 2006; Трегубчак 2008; Замай 2008; Бойко 2009; Кыржинакова 2010; Ван Ливэнь 2014 и др.).

Исследования, посвященные когнитивному анализу компаративных сочетаний, обращение к внутренним механизмам их появления через анализ *Tretium comparationis* – связывающей *цель* и *базу*, стали появляться относительно недавно (Прохорова 2006; 2012а; 2012б; Заруднева 2007; Гольдберг 2007; 2012; 2013; Денисова 2009, 2010; Петкелите 2011; Bitokova 2019; Битокова 2020; Малых 2012; 2014; Сторчак 2018 и др.)

Актуальность исследования. Новая когнитивно-дискурсивная парадигма выдвигает в качестве основных задач изучение того, как формируется значение языковой единицы (*meaning construction*) и как это значение объективируется в

языке (*meaning representation*). Следовательно, принцип экспланаторности [Кубрякова 1995; 2004] становится основным ориентиром в исследовании языка. Именно такой подход позволяет понять когнитивные механизмы мышления, внешним проявлением которых являются языковые структуры. Это трудно объективируемые соответствия не могут не существовать, так как антропоцентричность естественного языка предполагает присутствие носителя языка в его системе, структуре, функционировании и эволюции [Рябцева 2005: 10].

Изучение того, почему и как сознание человека объединяет два слова для уточнения, детализации признаков одного из них, какой языковой ресурс при этом используется, входит в разработку актуальных задач современной когнитивистики – категоризация и концептуализация действительности [Lakoff 1987, 1999; Кубрякова 2004; 2009; Болдырев 2001].

Обращение к единицам косвенной номинации, каковыми являются исследуемые компаративы, вписывается в актуальную проблему реконструкции языковой картины мира, в которой единицы косвенной номинации играют важную роль. Их изучение также актуально в плане исследования соотношения закономерности и случайности в ассоциативном мышлении человека.

Объектом рассмотрения в работе являются устойчивые компаративные сочетания, построенные по логической модели: 1) *Comparandum* – понятие, требующее разъяснений; 2) *Comparatum* – понятие, разъясняющее исходное понятие; 3) *Tertium comparationis* – основополагающий третий компонент, связывающий разъясняемое и разъясняющее понятия.

Предмет исследования – всесторонний анализ семантики элементов и признаков, объединяющих *Comparatum* – база сочетаний и *Comparandum* – цель устойчивых сочетаний.

Целью работы является формирование корпуса компаративов, выявление и систематизация признаков, актуализирующих устойчивые сочетания, на основе анализа их включения в ядро лексического значения, или его периферию.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) определить категорию *сравнение* и отграничить ее от смежных понятий – тождество, метафора;
- 2) раскрыть роль эталонных сравнений в формировании языковой картины мира;
- 3) сформировать корпус устойчивых компаративов исследуемой модели;
- 4) провести тематическую классификацию имен, служащих *базой* сочетаний;
- 5) выявить признаки, формирующие *Tertium comparationis* и провести их классификацию с учетом характера их отражения в структуре лексического значения слова.

Для решения поставленных задач необходимо было выработать некоторый объективный прием для формализации и последующей систематизации скрытых, неочевидных признаков, объединяющих *базу* и *цель* сочетания. Мы исходим из того, что толкование значения слова происходит на основании признаков, присущих денотату. Традиционно, набор этих признаков ограничивается представлением логико-предметного содержания слова. Если следовать принципам классической (Аристотелевской) категоризации, этот набор неизменен и присущ всем членам категории без исключения [Скребцова 2011: 84]. Однако многие лексикографические источники включают в некоторые словарные статьи информацию прагматического свойства или, даже энциклопедического характера. Это напрямую отражает когнитивный, прототипический подход к категоризации, учитывающий человеческий фактор в осмыслении мира и его организации в категории. Прототипическая теория категоризации имеет мощное эмпирическое основание, учитывающее многие особенности человека, как создателя и пользователя языка. Поэтому естественным образом в словарное толкование включается информация энциклопедического характера.

С целью условного разграничения логико-предметного содержания и экстралингвистической информации, представленной в словарных статьях слов,

мы опираемся на теорию структуры лексического значения слова, разработанной известным семасиологом М.В. Никитиным [Никитин 1988; 2001; 2007]. Ее основные положения представляются нам наиболее подходящими для решения задач нашего исследования. Согласно интроспективному методу допускается опора на знание мира и предмета исследования, но признается целесообразным опора на объективные методы для получения достоверных результатов.

Структура значения слова представляет собой совокупность признаков, свойственных классу объектов, или отдельному объекту как типичному представителю этого класса. Вслед за М.В. Никитиным мы признаем, что в структуре признаков выделяется инвариантная часть, содержательное ядро лексического значения – *интенционал*. Она, как правило, соответствует *понятию* об объекте. Другая составляющая структуры значения по терминологии М.В. Никитина – *импликационал* – периферия. Она формируется второстепенными признаками, которые отражают ассоциации и стереотипы, связанные с данным объектом, сложившиеся в языковом коллективе [Никитин 1983: 26–27]. Периферия признаков дополняется комплексом оценочных значений: социальных, групповых, индивидуальных. *Интенционал* формирует логико-предметную компоненту значения, является обязательным, его знание входит в знание языка.

Периферийное содержание *импликационала* складывается из энциклопедической, аксиологической, прагматической и иной информации. Ее границы разнятся от человека к человеку, во многом детерминируются конкретной ситуацией общения, но есть некоторый общий для всех носителей языка объем периферийных признаков, фиксированный в их когнитивной базе.

Методологической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых в следующих областях:

– *теория познания*: В.И. Бартон 1978; Л.С. Выготский 1982; А.А. Ивин 1999; Э. Кассирер 2000; С.Д. Кацнельсон 2001; Крипке 1982; Р.И. Павиленис 1983; И.Г. Рузин 1994;

– *лексическая семантика*: Н.Д. Арутюнова 1999; Ю.Д. Апресян 1974; Е.Г.Беляевская 2003; Л.М. Васильев 2000; И.М. Кобозева, 2000; М.А. Кронгауз 2001; В.Г. Гак 1998; В фон Гумбольдт 1985, 2001; В.В. Красных 2002; Дж. Лайонз 1978; Ю. Найда 1983; М.В. Никитин 1983, 1988, 1997; Г.Н. Складневская 2004; Е.В. Урысон 2003; Ч. Филлмор, 1983; Э.Г. Бендикс, 1983 и др.;

– *фразеология*: Н.Н. Амосова 1963; А.Н. Баранов, Д. О. Добровольский 2008; С.Б. Берлизон 1973; М.Л. Ковшова 1996; М.Л. Копыленко 1995; Л.А. Лебедева 1999; В.П. Москвин 2007; В.М. Огольцов 2010; В.М. Мокиенко 2003; Ю.П. Сологуб 1985; В.Н. В.Н. Телия 1977, 1980, 1996, 2004 и др.;

– *когнитивная лингвистика*: Н.Ф. Алефиренко 2005, 2011; С.Х. Битокова 2009; Н.Н. Болдырев 2001, 2006, 2017; А. Вежбицкая 2001; В.З. Демьянков 1994, 2001; А.В. Кравченко 2004; Н.А. Кобрина 2000; Е.С. Кубрякова 1996; 2004; Дж. Лакофф 1999, 2002, 2004; В.А. Маслова 1997; З.Д. Попова, И.А. Стернин, 1999; R.W. Gibbs, 2003, 2006; A. Ortony 1993; G. Lakoff, M. Johnson 1999; Z. Kovecses 1995; G. Miller, 1993; E. Rosch, 1978, 1999; F. Ungerer, H.-J. Schmid, 2006; A. Wierzbicka, 1996 и др.

В работе мы следовали основным принципам, выработанным в современной лингвистике. В первую очередь, это взаимосвязанность и взаимообусловленность языка и мышления. Во-вторых, получение доступа к когнитивным структурам возможно через исследование «поведения» языковых единиц. Мы также исходили из того, что язык является средоточием культуры этноса и межпоколенным транслятором культуры. Учитывалась приоритетность когнитивной семантики в разработке идей когнитивной науки вообще и когнитивной лингвистики в частности.

Эмпирическую базу исследования составили устойчивые компаративные сочетания, отобранные из доступных лексикографических источников кабардино-черкесского, русского и английского языков (список включен в библиографию). Источником материала для кабардино-черкесского языка послужила так-

же выборка из литературных источников (34 автора, список включен в библиографию). Общее количество исследованных компаративов составило 980 единиц. Мы оговариваем, что предметом специального интереса является кабардино-черкесский язык, для которого английский и русский выступают в качестве фоновой поддержки. Сущность и особенности языкового явления всегда выступают четче и рельефнее при его исследовании сквозь призму другого языка.

Сравнение в работе трактуется, как устойчивое, если оно образовано по логической трехчастной схеме *что* сравнивается, *с чем* сравнивается, *на основании чего* сравнивается. Для нас принципиально важна устойчивая внутренняя структура. На языковой поверхности она может быть представлена рядом синонимичных пар: *тема, основание, база*, – что сравнивается; *эталон, цель*, – с чем сравнивается; *признак, модуль* – основание сравнения и различные языковые средства, объединяющие *признак с базой и целью*.

Чрезвычайная продуктивность данной трехчастной модели обусловила использование в качестве материала исследования не только традиционные фразеологические сочетания, включенные в словари, но и индивидуально-авторские сравнения, не зафиксированные в словарях. При этом мы руководствовались рядом причин. Они строятся по одинаковой модели, отмечены принципиальным сходством создания коммуникативно-прагматического потенциала значения. Широкое распространение интернет-коммуникации способствует быстрому продвижению в языке нового и окказионального. И в скором времени *случайное* оказывается традиционным и устойчивым.

Языковые и речевые сравнения не разделяются и по другим причинам, а именно - методологическим. Когнитивная лингвистика постулирует холистический подход к интерпретации языковой способности и процессов восприятия и порождения текста человеком [Скребцова 2011: 26]. К тому же сейчас лингвистический анализ не ограничивается просто описанием «поведения» языковых единиц. Его цель заключается в выявлении общих когнитивных закономерно-

стей появления и функционирования языкового факта, поэтому нецелесообразно деление сравнений на речевые и языковые.

Методы исследования. Для достижения поставленной цели и решения сформулированных задач в работе используется метод сплошной выборки устойчивых сравнений из доступных лексикографических источников и литературных произведений известных авторов; семасиологический и ономазиологический методы, метод компонентного и контекстологического анализа для выявления и систематизации признаков, репрезентирующих эталоны сравнения; а также метод интроспекции для интерпретации когнитивной основы сочетаний.

Гипотеза исследования заключается в том, что признаки, лежащие в основе формирования устойчивых сочетаний, не могут быть однородными по той роли, которую они играют в формировании логико-предметного содержания значения слова и его периферийных признаков. Представляется, что периферийные признаки наиболее востребованы в создании эталонных сравнений. Высказывается также предположение, что онтологическая «разобщенность» *базы* и *цели* не позволяет объективировать признаки, объединяющие их.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые:

- 1) компаративные сочетания кабардино-черкесского языка стали объектом комплексного диссертационного исследования;
- 2) представлена подробная тематическая классификация элементов, образующих *базу* сочетаний;
- 3) предложена интерпретация признаков (*Tertium comparationis*) в терминах структурной организации значения слова – интенционал и импликационал;
- 4) проведена систематика признаков, формирующих устойчивые сочетания;
- 5) выявлены культурно-значимые параллели исследуемого материала в кабардино-черкесском, английском и русском языках.

Теоретическая значимость диссертации определяется возможностью использования результатов исследования в дальнейшей разработке приоритетных

для когнитивной лингвистики задач – категоризации и концептуализации мира; реконструкции языковой картины мира, в развитии представлений о познании мира через мыслительную операцию сравнения.

Практическая ценность работы состоит в том, что представленный в ней эмпирический материал, может найти применение в практике преподавания кабардино-черкесского и английского языков. Результаты работы представляют ценность и для ряда теоретических дисциплин: теория и практика перевода, межкультурная коммуникация, сопоставительная типология, когнитивная семантика. Эмпирический материал может быть использован в лексикографической практике при составлении толковых и переводных словарей.

Положения, выносимые на защиту:

1. Эталонные сравнения являются особым видом категоризации мира, суть которой заключается в новом осмыслении известных или новых фрагментов действительности. Эталонные сравнения представляют собой разнообразные как по составу, так и по механизму образования сочетания. *База* (основание) компаративов входит в базисный уровень категоризации мира и представлена натуромерными, артефактными и антропомерными именами.

2. Актуализация компаративных сочетаний должна удовлетворить принципу «согласования» признака с элементами содержания его *базы* и *цели*. Принцип «согласования» обусловлен стереотипами обыденного сознания носителей языка, которые формируются в определённых природно-географических условиях, моделируются особым укладом жизни и менталитетом языкового коллектива.

3. Признаки, объединяющие *базу* и *цель*, могут быть включены в ядро значения слова, образуя его обязательную составляющую. Отражая сущностные элементы логико-предметного содержания значения, они являются мотивированными, получают определение – *сущностные* признаки (10% от общего числа компаративов).

4. Признаки, входящие в периферию компонентов значения слова, находящихся в разной степени удалённости от ядра, формируют самую многочисленную (80 %) – *характерную* группу признаков. В основе конструирования этих сочетаний лежат мотивированные признаки, сцены и сценарии, объединяющие комплексы признаков.

5. *База и цель* части словосочетаний не обнаруживает связывающего их признака на основе анализа всего комплекса онтологических связей между ними (10% от общего числа компаративов). Факт их существования обосновывается *приписанными* языковым коллективом признаками. Обращение к фактам истории, культуры и прецедентным феноменам проливает свет на появление подобных сочетаний.

Апробация результатов исследования.

Содержание диссертационного исследования обсуждено на кафедре английского языка КБГУ им. Х.М. Бербекова, доложено на международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспектива – 2013» (Нальчик, 2013); на VII международной научной конференции «Актуальные проблемы общей и адыгской филологии», посвященной 90-летию проф. З.И. Керашевой (Майкоп, 2013); на III международной конференции «Язык, культура, этикет в современном полиэтническом пространстве» (Нальчик, 2013); на международной конференции «Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации» (Владикавказ, 2015); на международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы кавказоведения в XXI веке», посвященной 165-летию Ч.Э. Ахриева (Назрань, 2015).

Основные положения работы опубликованы в 14 научных статьях, из которых пять статей – в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ; одна статья на английском языке в журнале, включенном в международную наукометрическую базу Web of Science (WoS).

Теоретические и практические материалы диссертации внедрены в научно-исследовательскую практику и учебный процесс в ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

Структуру работы определяют поставленная цель и сформулированные задачи. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии и источников практического материала.

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СРАВНЕНИЯ

Данная глава посвящена изучению теоретических вопросов, связанных с категорией сравнения. Являясь одной из древнейших форм познания действительности, сравнение лежит в основе других форм, появившихся позднее, с эволюцией сознания человека. Рассматриваются смежные понятия – аналогия, тождество, метафора, обсуждается логическая структура сравнения, формы ее языкового оформления в кабардино-черкесском, английском и русском языках. Учитывая, что актуализация сравнения возможна при наличии признака, объединяющего его элементы, в четвертом параграфе главы представлено обсуждение понятия *признак*. В последней части главы показана системообразующая роль единиц косвенной номинации в формировании языковой картины мира.

1.1. Сравнение – основа познания. Структура сравнения

Современная антропоцентрическая парадигма, в русле которой проводятся исследования языка последние десятилетия, ставит в центр своего внимания человека – творца и пользователя языка. Новая парадигма предполагает изучение научных фактов исходя из их значимости для человека, его жизнедеятельности, развития и совершенствования. Исследователи подчеркивают, что в контексте современной антропоцентрической парадигмы, человек занимает центральную позицию в анализе различных явлений. Он становится главным ориентиром исследований, проводимых в различных областях знания. Человек сам оказывается вовлеченным в этот анализ и во много определяет тенденции, перспективы и конечные цели [Кубрякова 1995].

Новый подход к изучению языка обусловил появление когнитивной лингвистики, нацеленной на исследование таких важнейших категорий мышления

как категоризация, концептуализация, восприятие, память и т.д. Основная задача когнитивной лингвистики заключается в объективации сложного процесса, который проходит языковая единица до ее превращения в языковой знак. Это процессы восприятия, формирование представлений, концептуализация и категоризация, накопление знаний, их хранение и т.д. [Кубрякова 1995; 2004; 2012; Болдырев 2001; 2006; 2015; Маслова 2008]. Ученые подчеркивают, что доступ к мышлению, когнитивным структурам, мы получаем через язык, который является своеобразным «окном в мир» для нашего мышления.

Язык является основной формой отражения окружающего мира, и соответственно, основным средством приобретения нового знания о мире [ЛЭС 1990: 604–606]. С одной стороны, результаты познавательной деятельности человека закрепляются в языке в виде знаков различной структурной организации. В этом проявляется первичное означивание предметов, явлений, процессов и действий, всего, что было выделено сознанием человека в результате освоения окружающего мира. С другой стороны, язык лежит в основе мыслительных процессов. С его помощью человек познает бесконечный и разнообразный мир.

Мышление человека обеспечивается двумя взаимосвязанными фундаментальными мыслительными процессами, без которых невозможно бытие человека, – категоризация и концептуализация. Не владеющий ими человек не может ориентироваться в пространстве, выполнять элементарные команды, анализировать свою деятельность. Он будет потерян в этом мире.

Концептуализация важнейшая мыслительная операция, благодаря которой человек структурирует окружающий его мир, осмысливает поступающую по перцептивным каналам информацию. Результатом этого процесса является формирование представлений о мире, складывающихся в различные виды концептов: концепты-схемы; концепты-фреймы и т.д. Значительная часть концептуального содержания, фиксированного в сознании человека, проявляется в

языке в виде языковых значений. Они способствуют хранению информации, ее обработке и дальнейшему использованию [Болдырев 2001].

Процесс познания начинается с первых дней появления человека на свет. На первом этапе это ближайшее окружение: родители, его основное место пребывания – детская кроватка, игрушки и т.д. По мере взросления круг познаваемых объектов расширяется, появляются новые знания, хранящиеся в памяти. Познаваемый мир проходит через перцептивные каналы в виде определенных внешних раздражителей.

Роль чувственного восприятия в познании окружающего мира, в формировании концептуальной системы человека нашла отражение в трудах известного когнитолога современности Дж. Лакоффа. Он является разработчиком теории воплощенного (embodied) реализма. Она также известна как теория экспериенциализма [Lakoff 2002]. Ученый считает, что его теория занимает промежуточное положение между известными философскими направлениями эмпиризма и рационализма. По мнению ученого в человеческом мозге взаимодействуют в равной степени врожденные и приобретенные способности. Дж. Лакофф считает, что врожденные способности представлены топографическими картами зрительного поля, тем как соотносятся центр и периферия в поле восприятия. Он также полагает, что врожденными являются и другие способности, а именно механизмы, определяющие ориентацию человека в пространстве, двигательные возможности, а также регулирование перцептивных каналов, воспринимающих внешние раздражители [Lakoff 2002: 248].

Перцепция включает в себя достаточно широкий диапазон различного рода процессов, затрагивающих многие стороны физической и интеллектуальной организации человека. Как отмечается в «Словаре когнитивных терминов» [КСКТ 1997: 17], перцепция начинается с элементарного осознания человеком его местонахождения, определения своего участия в процессах бытия здесь и

сейчас. Далее элементарные ощущения переводятся в сферу обобщения и формирования представлений об отражаемом объективном мире.

Наша перцептивная система представлена пятью органами чувств: зрение, слух, осязание, обоняние и вкус. Зрительный канал обеспечивает нас информацией о параметрических и цветовых характеристиках объекта, его дистанцировании. Слуховой канал воспринимает звук в доступной для уха человека громкости. Три других канала перцепции – осязание, обоняние и вкус – предполагают физический контакт с объектом. Они играют не равнозначную роль в процессе познания. Зрению и слуху отводится ведущая роль, так как значительный объем информации поступает по этим каналам. К тому же они отмечены большей объективностью. Вкус и обоняние менее значимы в силу их меньшей востребованности и большей доли субъективности.

Какие бы каналы не были включены для получения информации, в основе ее переработки лежит базовая процедура установления сходства между объектами, другими словами – *сравнение*. Сравнение обеспечивает и процедуру категоризации. Новый объект познания должен быть сопоставлен, с хранящимися в памяти человека объектами, для отнесения к одной из групп объектов. Это процедура проводится с опорой на выявление сходных и отличительных признаков и свойств объектов.

Сравнение представляет собой многоаспектное понятие. В первую очередь, это ментальная операция, играющая значительную роль в познании окружающей действительности.

С точки зрения философии категория познания предполагает деятельность, суть которой заключается в субъективной интерпретации объективного мира предметов, состояний, явлений и т.д., их систематизацию и хранение [Кириленко 2004: 287]. Как только человек появляется в этом мире, начинает контактировать с ним в самых разнообразных формах, включается процесс познания окружающей действительности. Способы и формы познания меняют-

ся сообразно возрасту человека, его опыту, целям и задачам, которые стоят перед ним. Следует разграничивать наивное, или обыденное познание и научное познание. Наивное познание направлено на решение прагматических задач повседневной жизни. Действительность интерпретируется человеком с ценностной точки зрения. Научное познание нацелено на достижение истины в интерпретации мира. При этом одно не отрицает другое. Результаты наивного понимания мира часто используются в качестве отправной точки в разработке научных понятий и категорий.

Знакомство человека с окружающим миром предполагает определение сходных и отличительных черт предметов и объектов. Поток разнообразной информации ежесекундно воздействует на человека. Благодаря своим перцептивным каналам, человек способен ориентироваться в потоках информации, окружающей его. Ощущения, которые создают внешние раздражители, приводят к образованию представлений. Они накапливаются в памяти человека, формируют его знания. Это упрощенный формат сложной цепочки перевода внешнего воздействия в знания о мире. Не вдаваясь в сложные вопросы, связанные с ним, отметим, что на каждом этапе интеллектуального освоения мира лежит ментальная операция сравнения.

Важную роль сравнения в познании отмечали представители различных наук: философы, психологи, педагоги, лингвисты. Исследователи подчеркивали, что единственный путь понимания предметов, – это сравнение. Человек не располагает иными способами узнать что-либо [Ушинский 1968]. Важность сравнения подтверждается, как говорят некоторые лингвисты, его органической встроенностью в мыслительные процессы. Подчеркивается значимость сравнения в формировании языковой системы [Потебня 1997].

По мнению философов, универсальность сравнения доказывается тем, что ни один предмет не может оставаться единичным. Он должен быть включен в категорию сходных предметов на основании логических критериев, или объек-

тивных природных целей и целесообразности [Кассирер 2000]. Сравнение признается абсолютной категорией. Оно помогает «навести порядок», т.е. структурировать окружающую действительность. Подобно органайзеру, где вещи располагаются в отведенном для них месте и в определенном порядке, так и мир предметов получает свое место в определённой категории.

Сравнение, присутствующее в нашей повседневной жизни, неразрывно связано с мыслительной операцией категоризации. Она представляет собой классифицирующую деятельность сознания по включению объектов в категорию сходных с ним объектов. Категоризация может проходить в двух форматах. В первом случае это неосознанный процесс выведения признаков сходных с признаками объектов какой-либо категории. Он протекает ежесекундно, человек не в состоянии фиксировать его. В другом случае, при наличии конкретной практической или научной задачи, человек классифицирует некоторые фрагменты действительности сообразно поставленным целям. Это осознанный процесс категоризации, занимающий определенное время. Оно зависит от объема поставленных целей и когнитивных способностей человека. Категоризация предполагает одновременную оценку объектов. Она позволяет установить характер отношений между вещами окружающего мира.

Некоторые исследователи отмечают, что в основе сравнения лежит чувственно-наглядная форма отражения окружающего мира. Сравнивая предметы и объекты, человек выделяет то, что их объединяет и то, что их отличает. Сравнение позволяет установить сходство между известными предметами и теми, что еще не знакомы человеку. Метод сравнения позволяет уподобить абстрактные сущности конкретным, структурировать их и, таким образом, сделать понятными для сознания человека. Обыденное познание мира сопровождается образной его характеристикой и прагматической оценкой [Лебедева 2013:4].

Следует отметить, что человек неосознанно прибегает к операции сравнения при возникновении затруднения выразить свою мысль полно и точно.

Неудачные попытки однословного именованя, например, человека, его поведения или внешности, либо какой-либо ситуации, как правило, заканчиваются сравнением. Оно помогает человеку четко оформить содержание своих мыслей, при необходимости образно.

Специалисты в области психологии отмечают, что понимание какого-либо объекта предполагает его сравнение с другими объектами, схожими с ним в наибольшей степени. Необходимо одновременное проведение процедуры отграничения, т.е. выявление признаков и свойств, по которым данный объект отличается от ему подобных. Только в результате такой ментальной процедуры возможно выделение значимых свойств и признаков объекта, и, соответственно, возможно его понимание. Понимание есть результат установления признаков и свойств объекта.

Психологическую составляющую сравнения впервые отметил И.М. Сеченов, выдающийся отечественный физиолог и основоположник материалистической психологии [Сеченов 1973]. Ученый подчеркивал, что информация, которую человек воспринимает органами чувств, а также результаты его мыслительной деятельности, могут соединяться в его сознании ассоциативно. При этом продуктом его мыслительной деятельности могут быть целостные картины мира, его фрагменты, отдельные признаки и свойства, эпизоды впечатлений и т.д. Из этого следует, что в его трактовке сравнение является одним из способов восприятия мира через его признаки и свойства.

Сравнение может быть сложным, развернутым, разветвленным – сравнение-образ, оно может быть создано на основе различия. Между тем, выделяя и даже усиливая какой-то признак, сравнение неспособно провести реакцию «смыслового» синтеза – создать новую целостную информацию, образовать новый концепт.

Способность сравнивать изначально разобщенные сущности является мощным стимулом появления новых гипотез и открытий в науке. В его основе лежит умозаключение по аналогии. Оно рассматривается, как попытка распро-

странить сходство несходного в процессе научного поиска [Ивин 1999: 174]. Логическая операция «аналогия» выходит за рамки прямого сравнения и основывается на принципе фиктивности «как если бы». Аналогия предполагает поиск сходства, подобия признаков и свойств у разных предметов. На основании этого человек получает знание о признаках одних предметов через установленное сходство с другими предметами. Допуск подобия мощный двигатель познания и науки, так как именно он способствует рождению самых неожиданных идей.

Ученые часто прибегают к сравнению несравнимого, выстраивая при этом образные сценарии, используя развернутые сравнения, делая непонятное прозрачным и понятным. В связи с этим очень показательным является пример, который приводит видный отечественный ученый С.Д. Кацнельсон для иллюстрации сложного лингвистического понятия – пропозициональной структуры. Для уяснения ее сути ученый прибегает к известному развлечению, популярному на курортах, в зонах отдыха. Речь идет о ярких декорациях, изображающих лихих наездников, крепких парней с накачанной фигурой или уточнённых красавиц. Их главная особенность – в декорациях нет лица. Вместо лица – вырезанная часть декорации. Любой желающий может вообразить себя героем, подставить свое лицо в вырезанную часть декорации и ты – герой. С.Д. Кацнельсон резюмирует, что подобно тому, как надо подставить свое лицо в декорацию, чтобы картинка сложилась, так и в пропозициональной структуре есть вакантные места для соответствующих актантов [Кацнельсон 76: 470]. Очевидно, что интерпретация сложного термина семантики становится прозрачной, когда пропозиция толкуется как готовая схема, в которую говорящему необходимо подставить нужные слова.

Можно привести яркие примеры открытий в науке, совершенные по принципу аналогии. Достаточно вспомнить, что падающее яблоко позволило И. Ньютону сформулировать закон гравитации; в открытии М. Менделеева, сделавшем прорыв в науке (установление периодической закономерности элементов), исходным пунктом было то положение, что принципы механики Ньютона можно аналогичным образом применить и в химии. К. Франклин, исполь-

зуя умозаключение по аналогии, пришел к тому выводу, что молния есть электрическое явление; к значительным результатам привело применение аналогии и в разработке волновой механики, принцип работы нервной системы человека был положен в основу создания цифровых технологий и т.д.

Аналогия имеет определенную познавательную ценность. Человек получает вероятное знание, которое помогает предвидеть направление развития явления или события.

Метафора во многом схожа с аналогией. Она так же, как и аналогия, предполагает сходство, подобие, но совершенно иное сходство – оно дополняется образностью. Метафора пренебрегает законы логики, нарушает границы несовместимого, совмещает онтологически отдаленные друг от друга предметы ради создания нового образа. Образная метафора выполняет функцию вторичного наречения предмета, который уже имеет название в языке. Цель ее создания состоит в дополнительной квалификации именуемого объекта, в придании ему экспрессивности и выразительности. Метафора оказывает воздействие на слушателя, включает его воображение, дает ему возможность домысливать, достраивать, совмещенные в одном имени понятия, генерировать новые смыслы, делать собственные выводы.

Сравнение лежит в основе познания человеком мира. Оно обуславливает структурирование конкретных фрагментов действительности, и придает наглядность абстрактным сущностям. Сравнение обеспечивает формирование и функционирование других когнитивных способностей человека. Использование сравнения в принципиально схожей структуре в бытовом и научном языке свидетельствует о взаимосвязи сравнения в бытовом и научном мышлении.

Однако как не велико значение сравнения в процессе познания, оно не может дать исчерпывающего знания исследуемого явления. Это всего лишь первая ступень «лестницы», ведущей к постижению сущности предмета или явления, которая изменчива и степень ее полноты предопределяется уровнем развития науки. Познать явление – это определить ее внутреннюю сущность.

Итак, посредством операции сравнения, осуществляется важнейшая процедура *категоризации*, действующая параллельно с концептуализацией.

Далее обратимся к структуре сравнения. Логическая структура сравнения, которая является единой для всех языков, включает в себя следующие составляющие:

- 1) понятие, которое предполагает разъяснения – *comparandum*;
- 2) понятие, которое используется для пояснения – *comparatum*
- 3) третий элемент, связывающий разъясняемое и разъясняющее понятия – *tertium comparationis* [Потебня 1914: 130].

Некоторые исследователи выделяют пять компонентов в структуре сравнения:

- 1) процесс сравнения, который выполняет человек;
- 2) объект, который подвергается сравнению;
- 3) объект, с которым производится сравнение;
- 4) основание для сравнения;
- 5) результат сравнения, в ходе которого устанавливается отношение тождества или сходства [Кондаков 1975; Иванова 1994].

Трехчастная схема дополняется, как видно, еще двумя составляющими: непосредственно сам процесс сравнения и результат сравнения, на основании которого устанавливается тождество или сходство объектов.

Другой ученый Г.Л. Денисова, рассматривая сравнение как когнитивный механизм, определяет его следующим образом:

- тема сравнения – представление о сравниваемом;
- эталон – представление о том, с чем сравнивают;
- модуль – представление о признаке, являющемся основанием сравнения [Денисова 2010: 43].

Г.Л. Денисова отмечает, что рассмотрение сравнения как когнитивного механизма позволяет выделить этапы сравнения:

1) активирование области, отражающей характеристику темы, через признак-модуль;

2) определение признака-модуля через связь с эталоном [Там же].

Существуют еще другие термины, обозначающие элементы трёхчастной структуры. Некоторые из них, на наш взгляд, слишком общие, осложнены многозначностью (например: *выражение*, *содержание*). Более того, они имеют закреплённые в теории языка значения. Например, для обозначения эталона сравнения, того, с чем сравнивается, предлагается использовать термин *выражение*. Этот термин вызывает устойчивую ассоциацию с некоторым речевым произведением, речевым актом. Равно как и термин, *содержание* представляется не совсем удачным для обозначения объекта сравнения.

В современной англоязычной терминологии понятие, требующее разъяснений, называется *целью*, а понятие, которое выполняет эту функцию, именуется *базой* [Gentner et al. 2001: 130]. *База*, или источник является аналогом, из которого заимствуются какие-то свойства, или структура-интерпретатор. Так, для русского человека в компаративе *сладкий как мед* базой служит имя *мед*, а *целью* является уточнение признака *сладкий* через его отсылку к продукту питания, у которого, по мнению носителей русского языка, данный вкусовой признак выражен наиболее ярко.

Приведенная терминология Gentner et al. *база цель* дополняется еще термином *модус* сравнения, обозначающий признак, объединяющий *базу и цель*. Этой терминологией, ввиду ее лаконичности и прозрачности, мы пользуемся в работе.

Итак, сравнение формирует основу обыденного и научного познания человеком окружающего мира. Оно играет значимую роль в систематизации и структурировании действительности. Сравнение обладает универсальной трехчастной структурой, которая может быть детализирована без изменения ее сущности. Элементы структуры сравнения имеют различные терминологические обозначения, что иллюстрирует индивидуальное понимание назначения и функций сравнения.

1.2. Сравнение, тождество, подобие, метафора

Изучение ментальной операции сравнения, лежащей в основе познавательной деятельности человека, предполагают рассмотрение смежных с ней понятий тождества, подобия и метафоры.

Сопоставление предполагает идентификацию, что влечет за собой поиск тождества или аналогиию.

Тождество и различие как объективные предпосылки, на базе которых возникает логическая операция сравнения, взаимно предполагают друг друга – об этом писали величайшие философы Платон, Аристотель, Эпикур, Г.В. Гегель, Ф. Бэкон, И. Кант, Ф. Энгельс.

Тождество, согласно Аристотелю, предполагает отношение, которое основано на общих, единых свойствах элементов, принадлежащих к общему виду или роду. Согласно философским постулатам в природе не существует абсолютной идентичности, поэтому можно говорить лишь о сходстве предметов. Установление тождества допускает наличие разнящихся признаков у сопоставляемых предметов, но обязательным условием является превалирование общих, объединяющих их признаков. Сравнимые предметы могут иметь единые родовые свойства, но различаться по видовым характеристикам. Принципиальным для тождества, точнее неполного тождества, является наличие именно общих родовых признаков, ведь они являются основополагающими для определяемого предмета [Фефилов 2010: 87].

Великий немецкий философ Г. Гегель считал, что каждый предмет является равным самому себе, и любое тождество подразумевает существование нетождества. То есть, действительное тождество у него выстраивалось на основе различия [Кириленко 2004].

Обсуждение категории тождества, обуславливает обращение к категории равенства. Равенство предполагает отношение между знаковыми выражениями

(например, математические), когда их характеристики, равны. Мы можем говорить о равенстве веса, дистанции, скорости и т.д. Понятие приобретает смысл только относительно чего-либо, т.е. наличие эталонной величины является обязательным. Абсолютное равенство есть тождество. Отношения равенства позволяют производить процедуру замены одних и тех же объектов, сконструированных различным образом, в различных контекстах.

В логике тождество может устанавливаться между как реальными, так и абстрактными объектами, при возможности вывода, что эти объекты неотличимы по ряду признаков и свойств.

Тождество достигается абстрагирующей силой мышления. В процессе познания происходит процесс отождествления отдельных вещей, объединение во множества на основании их общих характеристик. Другими словами, они становятся тождественными. При условии совпадения всех признаков объектов, мы бы имели дело с одним объектом. Понятие тождества используется во многих науках. Но каждая вырабатывает перечень свойств и признаков, который определяется целями изучения конкретной науки.

Процесс познания, ориентация в окружающем мире невозможны без установления тождества и различия между объектами [<https://rus-istoria-philosophii.slovaronline.com/537-ТОЖДЕСТВО>].

Непосредственный акт приписывания того или иного признака предмету происходит в процессе сравнения. Установление тождества является процессом сопоставления одного объекта с другим.

Тождество является финальным итогом процесса сравнения. Тождество объектов предполагает общие внешние характеристики двух вещей, их сходные внутренние свойства и качества. Из этого следует, что они применяются для выполнения одной и той же цели, имеют сходные связи.

Тождественные отношения предполагают максимальное, или полное совпадение свойств и качеств сравниваемых объектов. Кроме того, тождество

можно определить как ожидаемый, объективный результат сравнения некоторых реалий объективного мира. В то время как процедура установления подобия, сходства содержит определенную долю субъективизма. По мнению некоторых исследователей, уподобление представляет собой языковую компаративность – результат соотнесения неоднородных, неравных объектов, изначально не имеющих логических связей [Малых 2011: 107–108].

Видный отечественный лингвист Н.Д. Арутюнова совершенно справедливо отмечает, что тождество независимо от человека, в то время как сходство во многом определяется субъективными факторами восприятия [Арутюнова 1999: 295].

Мысль Н.Д. Арутюновой о том, что апеллирующая к сходству метафора заложена не столько в природе мира, сколько в природе человека получила подтверждение и разработку в одной из важнейших современных направлений когнитивной семантики – теории концептуальной метафоры [Дж. Лакофф, М. Джонсон и др.].

Сходными принято считать объекты, имеющие минимум совпадающих характеристик – один или несколько. Чем больше совпадающих свойств у сравниваемых предметов, тем больше их отношения приближены к тождественным. Недифференцированное использование понятий тождества, сходства и подобия обусловлено вариативностью термина тождественный – подобный, равный, идентичный и т.д.

Сходство устанавливается между разными объектами, которые могут отличаться принадлежностью к различному роду и виду объектов. Тождество предполагает принадлежность к одному классу предметов и совпадение большей части признаков и свойств. В природе не может быть двух объектов, у которых наблюдается полное совпадение всех без исключения параметров. По мнению философов, если такое происходит, мы имеем дело с одним и тем же объектом. Следовательно, предметы уникальны и неповторимы по своей природе.

В научной литературе понятие *тождества* иногда интерпретируется через понятие *подобия*. Понятие *подобие* занимает промежуточную позицию между одинаковостью и сходством. Мысленный процесс отождествления базируется на выделении релевантных свойств, сравниваемых объектов. Полное совпадение свойств представляет тождество, в то время как частичное совпадение трактуется как сходство или подобие.

Сравнивая *сходство* и *тождество*, ученые выделяют ряд отличительных черт. Приведем некоторые:

- тождество устойчиво и стабильно;
- не допускает оценочной градации;
- тождество возможно среди вещей, одной родо-видовой принадлежности;
- исключает генерирование образности;
- конструкции тождества реверсируемы;
- высказывания, актуализирующие тождество, не допускают распространения;
- тождество и подобие имеют различные языковые маркеры [Арутюнова 1999: 293–297; Южакова 2014];

Некоторые ученые рассматривают тождество как понятийную категорию, которая актуализируется в языке. [Чеснокова 2008]. По ее мнению в этом случае тождество является категорией семантики и выполняет функцию индикации норм сознания в языке. Она увязывает языковой материал со структурами мышления, а также с категориями логики и психологии.

Семантические категории воплощаются в конкретные речевые проявления языка. Но при этом выделяются семантические категории промежуточного уровня, обобщающие некоторые виды языковых единиц по характеру собственного им значения, например, грамматические категории, словообразовательные, которые впоследствии проявляются в определенных речевых актах.

Сравнение предметов, явлений их качеств и свойств позволяет сделать выводы об их тождестве или отличии. Устанавливая тождество или отличие, сравнение позволяет провести классификационную процедуру. Классификация проходит с опорой на определённый признак, носителем которого должен быть каждый член той или иной группы. Выделенный признак служит основанием для классификационной процедуры. При сопоставлении предметов, объектов с целью их классификации процедура начинается с тех признаков, которые являются приоритетными для решения поставленной задачи или выполнения практической работы. Например, при анализе городского ландшафта с целью установления количества пятиэтажных зданий для решения каких-то вопросов, касающихся архитектуры города, человек на основании данной установки будет сравнивать здания, и отмечать пятиэтажные. Это есть классификационный признак. Он выделяется из всего комплекса других признаков зданий – кирпичные, блочные, наличие балконов, лоджий, размер и тип окон, цвет побелки и т.д. Они все отходят на второй план, не фиксируются сознанием человека.

Кроме того, следует отметить, что тождество составляет необходимую истину [Крипке 1982: 345], сходство же в общем случае не поддается истинностной оценке. Диапазон действия тождества ограничен, здесь действует правило родовой и видовой принадлежности объектов. Возможности применения процедуры уподобления практически безграничны. Они обусловлены субъективными факторами восприятия и поистине бесконечным разнообразием признаков, воспринимаемых объектов [Арутюнова 1999: 295]. Тождество проявляется в процессе распознавания объектов. Сходство выражается в актах уподобления. Эти оба процесса предполагают сравнение.

Названные объективные отличия тождества и сходства, определяют и различные области их изучения, резюмирует Н.Д. Арутюнова. Вслед за ней мы рассматриваем тождество как одну из ключевых категорий логики, а сходство, подобие лежит в кругу интересов семантики.

Существующее в лингвистике мнение о тождестве сравнения и метафоры, трактовке метафоры как развернутого сравнения предполагает проведение их сравнительного анализа и формулирование нашего понимания этих понятий.

Здесь следует оговорить, о каком типе метафоры идет речь.

Естественно, что «идентифицирующие» метафоры по терминологии Н.Д. Арутюновой, назначение которых служить номинативным ресурсом языка, восполняя недостающие средства называния объектов, исключаются из анализа. Создаваемый ими образ языку не нужен, язык пытается от него освободиться, что, собственно, и происходит. Они утратили образность и являются единственным способом именованя объекта или предмета. Например, в русском языке: *носик чайника, ножка стула; ручка двери*; в английском: *the neck of the bottle* (букв. шея бутылки); *bottle-fed child* (букв. ребенок, вскормленный бутылочкой, т.е. ребенок на искусственном питании); в кабардино-черкесском языке: *шейныч быдз* (букв. сосок чайника – носик чайника); *бжыныщхьэ* – головка лука, *мэз лъапэ* (букв. носок леса, т.е. опушка леса), *тхыльымпэ напэ* (букв. лицо бумаги, т.е. лист бумаги).

«Идентифицирующая» метафора составляет ресурс номинации, а не способ нюансирования смысла. Создаваемый ею образ языку не нужен и язык пытается от него освободиться. Такого рода метафоры, как правило, опираются на сходство по какому-то очевидному, явному признаку. Она апеллирует не к интуиции и воображению, а к зрению [Арутюнова 1978:334].

Для появления номинативной метафоры важным является зрительное восприятие «донора» метафоры, фиксирование его параметрических характеристик, свойств и качеств. Они мыслятся как объективно присущие объекту и воспринимаются людьми одинаково. Здесь нет места домысливанию признаков.

Совсем по-другому обстоит дело с образной метафорой, которая и становится предметом сравнительного анализа в настоящем параграфе.

Образная метафора предполагает переключение конкретного имени в позицию предиката для характеристики другого объекта. В этом случае она выполняет характеризующую функцию другого объекта и апеллирует к интуиции, к творческой интерпретации. Имена конкретных, известных собеседнику предметов, способны вызвать различные образы, эмоции. Из метафорического образа могут быть извлечены только те признаки, которые совместимы с денотатом. Например, поведенческие характеристики лисы, подмеченные носителями русского, кабардино-черкесского и английского языков, позволили назвать этим именем хитрого человека, который способен заметать за собой следы, как это делает лиса. Примечательно, что образная метафора способна генерировать новые оттенки значения, которые не были ранее свойственны метафоре. Например, *осел* в переносном значении помимо глупости человека, передает и значения бессмысленное упорство, невосприимчивость к убеждению, нежелание следовать здравому смыслу и т.д.

Известное мнение, что сравнение это развернутая метафора, восходит к Аристотелю. Он рассматривал сравнение как разновидность метафоры, и считал второстепенными, неважными существующие между ними различия. Более того, он придерживался мнения, что сравнение это неудачная попытка создать метафору. Отдавая свои предпочтения метафоре, Аристотель подчеркивал, что никакое сравнение нельзя признать удачным. Великий философ видел только одно различие между сравнением и метафорой – использование связующего элемента в сравнении. Именно он приводил к удлинению метафоры, и она становилась менее эстетичной [Аристотель 1978].

В целом такое мнение не стало популярным в теории языка, хотя у него появились последователи, как среди зарубежных, так и отечественных ученых. Так, например, зарубежные ученые G. Miller [1993] и S. Glucksberg [2001] в качестве доказательства тождества сравнения и метафоры выдвигают аргумент,

что метафора легко преобразуется в сравнение, что формирует глубинную структуру метафоры.

Другой ученый О. Barfield, также не признает различия между сравнением и метафорой. В его терминологии развернутая метафора это всего лишь сравнение, с опущенным словом-связкой *like*, но при этом понимание художественного образа не вызывает у читателя каких-либо трудностей [Barfield 1952].

Некоторые отечественные ученые Б.В. Томашевский [1999], И.В. Арнольд [2002], Е.Н. Зарецкая [2002] также рассматривают метафору как невыраженное сравнение. По их мнению, слова – связки *как, как будто, словно* и др. опущены, но имплицитируются.

Вместе с тем существует противоположная точка зрения, которая отрицает тождество сравнения и метафоры. Допуская реверсивность метафоры и сравнения, сторонники этого мнения утверждают неравнозначность результирующего эффекта [M. Israel; J.R. Harding; V. Tobin; И.Р. Гальперин; Н.Д. Арутюнова].

Так, И.Р. Гальперин [1958] считает, что при наличии общих черт сравнение и метафора не равнозначные понятия. Используя метафору, автор делает два объекта сравнения равнозначными, т.е. уподобляет один другому, например «*He is the king*», и уже адресат, на основании взаимодействия семантики каждой из составляющих, формирует новое эмерджентное пространство, дополняемое еще деталями конкретной ситуации общения. В сравнении – «*He is like the king*» проявляется дистанцированность, которая формируется наличием формального маркера *like*. Он не позволяет заместить один объект другим. Наблюдается лишь сравнение, сопоставление.

Метафора – это второе наименование объекта. Оно используется целенаправленно, для придания ему образности и выразительности, которыми первичное наименование не обладает. Первичное название объекта выполняет только номинативную функцию. Она не предполагает никаких коннотативных характеристик объекта. Сравнение всегда употребляется для совмещения двух

разных предметов для создания нового смысла, но это не означает подмену одного имени другим. И самое главное, сравнение всегда содержит слово или группу слов, выражающих идею сопоставления [Гальперин 1958].

По мнению Н.Д. Арутюновой, отсутствие формального маркера в метафоре становится важным критерием ее отграничения от сравнения. Если сравнение предполагает три компонента (А сходно с В по признаку С), то метафора – только два (А есть В). Опускание связующего элемента влечет за собой исключение каких-либо модификаторов. Их исключение, в свою очередь, удаляет толкование метафоры на основании формальных критериев. Хотя метафора транслирует образность, это не предполагает описание каких-либо частных деталей. Она насыщена семантически, формирует целый шлейф имплицитных прагматических значений. Их понимание и интерпретация, «выведение на поверхность» – индивидуальная задача слушателя [Арутюнова 1999: 355].

Образные сравнения наряду с метафорой являются мощным выразительным средством, которые занимают приоритетное место в арсенале художников слова. В самом общем виде их объединяет толкование одной сущности через другую. Но на поверхности метафора является иллюстрацией *имплицитных* свойств и признаков, подмеченных автором, слушатель сам интерпретирует генерируемый смысл, сравнивая *tenor* и *vehicle*. Образное сравнение является собой эксплицированный процесс сопоставления объектов действительности. И как подчеркивают некоторые исследователи, образное сравнение является первым и простейшим методом, который используется в поэзии, прозе и в разговорной речи для создания красоты текста [Fadaee 2011: 21–22].

Подводя итог краткому обсуждению методологически сложного вопроса вслед за И.Р. Гальпериным и Н.Д. Арутюновой считаем, что сравнение и метафора это различные языковые феномены, имеющие разные механизмы формирования, различное речевое «поведение» и результирующий эффект. Их объединяет только когнитивная операция – механизм сравнения.

1.3. Сравнение как языковая категория

Сравнение – универсальная операция человеческого мышления является предметом исследования многих наук, включая философию, психологию, логику. Сравнение, будучи компонентом мышления человека, отражается и в языке, субстрате мышления.

В «Словаре лингвистических терминов» [Ахманова 2004] сравнение толкуется через понятия равенства – неравенства, большей или меньшей степени качества. Оно находит выражение в грамматической категории степеней сравнения прилагательных и наречий, а также в лексике и фразеологии. На синтаксическом уровне сравнение проявляется в особой конструкции, предназначенной для актуализации этой операции в тексте.

Другой терминологический словарь, объясняя понятие *сравнение*, делает упор на сопоставление двух предметов, объектов, принадлежащих к различным классам, но допускающих сравнение на основании общего признака или свойства, которое объединяет их. При этом каждый элемент сравнения получает терминологическое обозначение. Объект, который сравнивается, именуется *содержанием*, объект, с которым сравнивают, именуется *выражением*. Очевидно, что здесь приводится интерпретация стилистической составляющей сравнения. Она, как известно, предполагает соположение онтологически разобщенных предметов, которые не имеют ничего общего. Исключение составляет единственный признак, выделенный говорящим, его фантазией и ассоциативным мышлением [http://ru.scribd.com/doc/76496978/033525-4B20B-kuharenko-v-a-galperin-i-r-arnold-i-v-slovar-terminov-po-sti#scribd].

Очевидно, что определение сравнения в языке иллюстрирует его единую логическую основу – трехчастную модель: *база – модус – цель* – терминология, принятая в качестве рабочей в данном исследовании. Однако универсальность категории сравнения не предполагает универсальных средств его языкового оформления, т.е. соединения *базы* и *цели*. Способы языкового оформления

сравнения разнятся от языка к языку и предопределяются его типологическим строем и сформировавшимся традициями.

Так, способы выражения сравнения в русском языке чрезвычайно разнообразны.

Морфологический способ представлен достаточно широко. Это конструкции с формами сравнительной степени прилагательных (*лицо чернее тучи*); структуры с союзами (*волосы как золото, руки как грабли*); структуры с именами существительными в творительном падеже (*лицо домиком, плывет лебедем; волком воет*); структуры с формами сравнительной степени наречий (*тише воды, ниже травы*) и др.

Словообразовательный способ: использование деривационных средств для выражения сравнения. К ним относятся продуктивные аффиксы (*-оньк-, -еньк-, -оват-, -еват-, -ин-, -ищ-, -ишк-* и др. – *глазастый, бочкообразный* и др.)

Лексический способ предполагает использование слов, семантика которых предполагает сравнение: *похожий, вроде, наподобие* и т.д.

Синтаксический способ – использование сравнительных оборотов: *голодный как волк, трусливый как заяц* и т.д.

Все эти словообразовательные, лексические, морфологические, синтаксические способы выражения сравнения закреплены в языковом сознании говорящих в виде определенных моделей компарации [Лебедева 1998: 3].

Репертуар оформления компаративных структур в английском языке также отличается богатством и разнообразием. Это морфологические маркеры (степени сравнения), синтаксические (сравнительные предлоги – *like, as*; союзы, обороты – *as if/though, as when*); словообразовательные и лексические средства. Последние объединяют глагольные имена (*act like, move like, resemble* etc.); прилагательные (*the same as, similar to*). Адъективные суффиксы *-ish* и *-like*, также подразумевают то, что предмету присуще свойства производящей основы имени существительного (*childish behavior* – поведение, напоминающее поведение ребенка; *egg-like head* – яйцеголовый) [Подхомутников 2003: 10].

В кабардино-черкесском языке сравнения могут быть выражены:

Морфологическим способом: двухкомпонентные именные безаффиксальные комплексы, с имплицитным сравнением, чаще выражены соматизмами. Например: *джэд ичхэкуцI* – букв. куриные мозги (тупой, недалекий); *джэду Iунэ* – букв. губы кошки – о человеке, который не может принимать горячую пищу; *ажэ жьакIэ* – букв. козлиная борода – о человеке, который воображает, задирает нос и т.д.

Словообразовательный способ: двухкомпонентные сравнительные сочетания с суффиксом – у: *адакьэкIэ-у кьэгъэшын* – букв. согнуть как хвост петуха – в значении согнуть дугой кого-что-либо; *кьазыдзэ-у жьэдэхын* – букв. делать паз, зигзаг, подобно зубчикам гусиного клюва. К словообразовательному способу относится использование повторяющегося союзного суффикса *рэ...-рэ*: *махшэ-рэ шыд-рэ* – букв. как верблюд и осел – сравнение высокого и низкого; *шыфI-рэ ныбжьэгъуфI-рэ* – букв. хорошая лошадь и хороший друг; *из-рэ ныкь-уэ-рэ* – букв. пустой и полный, бедный и богатый) и т.д.

Структуры с наречными формами: *хуэдэу* – такой, подобный; *еичхьу-* похоже, словно; *нэхьей* – как...как будто; *фIэкIа умыцIэу* – как будто, словно. Подобного рода структуры являются достаточно продуктивными в кабардино-черкесском языке.

Логическая модель сравнения находит отражение в языке в самых разнообразных формах. Как бы не была осложнена языковая форма представления, ее глубинная структура соответствует единой логической модели.

Итак, в каждом языке используется богатый репертуар языкового оформления сравнительных сочетаний. Он определяется типологическим строем языка, устоявшимися традициями и предпочтениями.

Объект исследования – компаративы, выражающие сходство и подобие предметов и объектов, – чрезвычайно разнородны в семантическом плане. Имеется в виду не разнообразие их лексического наполнения – факт неоспоримый,

а характер взаимодействия *цели* и *базы* и результирующий эффект. С этой точки зрения можно выделить две полюсные противоположности. С одной стороны, это окказиональные сочетания, уникальные авторские сравнения, создаются здесь и сейчас. Их достаточно много в художественных произведениях поэтических и прозаических. Они служат определенным целям создания яркого художественного образа. Например, у А. Вознесенского: *Твои зубы смелы/ как усмешка ножа/ и гудят как имели/ золотые глаза*. Или, у I. Murrdock: *In the midst of this desert the two eyes gleamed alarmingly like weedy pools* – Посреди этой пустыни два глаза тревожно поблескивали, как заросшие травой лужицы.

Приведем пример из кабардино-черкесского языка: *Губжьыр я нэм къыщIухыу пхъуэщ, зэпаубыдиц сэлэтхэми (фызыжьыр), къэпыжьым хуэдэу машинэ лъагэм драутIыцхъеяц* [Хахов 2012:78] . Солдаты схватили старушку и забросили в кузов машины, будто старый мешок.

Противоположный полюс компаративов образуют устойчивые сочетания, фиксированные в языке, легко узнаваемые и легко воспроизводимые носителями конкретного языка. Ср., например: русск. *неуклюжий как медведь, длинный как каланча,, сладкий как мед*; англ. *as gay as a lark* – веселый как жаворонок, *as slow as a snail* – медленный как улитка; *as tame as a chicken* – ручной как цыпленок; каб. – черк.: *фом хуэдэу IэфI* – сладкий как мед, *уэсым хуэдэу хужь* – белый как снег, *вындым хуэдэу фIыцIэ* – черный как ворон.

Отношения подобия в первом случае носят временный характер, они динамичны и отмечены субъективностью. Их основное предназначение – создание беспрецедентной образности [Битокова 2020: 687]. Ее декодирование требует усилия мысли, поиска объединяющего признака, который сделал возможным создание сравнительной структуры. Чем более скрытым от немедленного понимания, прочтения этого объединяющего начала, тем ярче будет результирующий эффект, тем ценнее образная картинка, и сильнее эстетическое удовольствие (ср. *зубы – усмешка ножа* – здесь актуализируются такие признаки

как *блеск, возможная угроза; eyes – pools* – в этом примере связующим элементом является то, что это были глаза не молодой женщины, поэтому уже не прозрачные, не чистые, с прожилками сосудов и т.д.). И в первом и втором случае возникает целый калейдоскоп образных картинок, сменяющих друг друга. При этом ассоциативный ряд у каждого индивида будет свой. Он определяется многими факторами, включая богатство воображения, скорость мышления, темперамент и психологическое состояние.

Описанное свойство сравнения формирует образность, выразительность и экспрессию художественного произведения, особенно поэтического.

Следует упомянуть, что подобного рода компаративы в англоязычной традиции именуется приемом *simile*. Термин *simile* (образное сравнение) восходит к латинскому «*simile*», и обозначает «напоминание, сходство», т.е. сравнение двух объектов, имеющих некоторые общие черты. Образное сравнение требует очевидной ссылки на сущности источника и цели эксплицитной конструкции, связующей их [Gibbs 1994: 40]. Без некоторого связующего элемента, как бы далеко или близко не находились друг от друга сравниваемые предметы в пространственно-временном континууме, процедура уподобления, сравнения не состоится.

Связующий элемент – *модус* – может быть очевидным, явным, обыденным, не требующим никакой рефлексии (*белый как снег*) или скрытым, завуалированным, неявным и соответственно, предполагающим некоторое размышление, для вычленения связующего элемента (*eyes like weedy pools* – букв. глаза как заросшие травой лужицы). Так или иначе, подобного рода компаративы формируют сравнительные структуры, лежащие за пределами поля тождества. Их отличительная черта – образность, различной степени выраженности. При этом, чем дальше стоят друг от друга сравниваемые понятия или явления, тем ярче образность и сильнее эстетическое воздействие. В таких сравнениях срабатывает эффект неожиданности и непредсказуемости. Происходит игра воображения, когда нужно сопоставить онтологически разобщенные, далеко стоящие друг от друга предметы, вычленить объединяющий их признак и допол-

нить возникшую картинку своими деталями и красками, т.е. «дорисовать» ее. Нельзя сказать, что при осмыслении сравнения, сопологаемые объекты занимают равное положение в воображении человека. В предложении из произведения I. Murrdock на первый план выдвигаются *eyes* – глаза, они воспринимаются сквозь призму *лужица*, со всей свойственной ей атрибутикой. В итоге получается яркий, экспрессивный образ, который каждый читатель рисует в своем воображении сам. В этом проявляется особая значимость сравнения – создание философского, эстетического смысла, важного как для автора, так и для читателя.

Следует отметить, что длительное время считалось, что такие «изыски» недопустимы при формировании сравнения. Они, якобы, мешают общему пониманию текста, создают трудности в интерпретации сравнения. Высказывалось предположение, что сравниваемые объекты должны быть в отношении истинного подобия. Но на практике оказалось, что сложные сравнения, подобно приведенным выше, доступны для понимания и интерпретации не искушенным читателям и даже детям. Сейчас в сравнении ценится отдаленность сравниваемых объектов, непредсказуемость возможности соположения объектов.

В работу включены оба вида компаративов – авторские и традиционные. При этом мы руководствовались тем, что в основе, как первых, так и вторых лежит единая логическая структура. Кроме этого, современные темпы распространения информации, безусловно, сказываются на распространении и окказиональных сравнений. Подобно тому, как неологизмы быстро входят в нашу обиходную речь, так и удачные, эффективные, запоминающиеся сравнения могут в скором времени оказаться в языковой системе.

Другой тип сравнения, известный в англистике как *comparison* (от англ. compare – сравнивать, сличать, уподоблять) предполагает сравнение предметов одного вида, отличающихся по некоторым родовым свойствам и характеристикам. Здесь проявляется логический принцип тождества, которое предполагает соположение предметов одного вида. Как правило, они лишены образности, и остаются за пределами настоящего исследования.

Далее перейдем к вопросу о месте устойчивых словосочетаний во фразеологии. Следует отметить, что выдающийся отечественный лингвист В.В. Виноградов первым обратил внимание на особый тип фразеологических конструкций с союзами-частицами, *как, точно словно* [Виноградов 1963: 15]. Они воплощают традиционное, национальное понимание слова, используемого в качестве образа. Этим сочетаниям свойственна точность, реалистичность, высокая степень экспрессивности. В результате они приобретают устойчивость и воспроизводимость.

Устойчивые сочетания стали предметом научного интереса многих исследователей. Подробную библиографию можно посмотреть в следующих работах [Лебедева, 1999; Телия, 1996; Огольцов, 2010; Мокиенко, 2008 и др].

Предметом исследования были структурно-семантические, стилистические и функциональные свойства устойчивых сочетаний на материале отдельных языков и в сравнительном плане.

В этих традиционно воспроизводимых единицах фиксируются эталоны и стереотипы национальной культуры, накопленные человеком знания, сложившиеся в обыденную картину мира, а также результаты практического взаимодействия с окружающим миром [Телия 1996: 9]. В устойчивых сравнениях находит отражение постоянно меняющийся мир, изменения характера взаимодействия человека с этим миром. В стороне не остается сама система языковых значений, которая находится в постоянном движении: появляются новые значения, меняются существующие и т.д.

В настоящее время ученых интересуют методологические вопросы, связанные со статусом сравнительных структур в системе фразеологических единиц языка. Тот факт, что первый элемент структуры *A – база*, являясь в высшей степени переменчивым, нарушает один из критериев фразеологичности – устойчивость. Это дает основание некоторым ученым исключить его из состава сочетания и отнести в разряд фразеологии только один элемент *B – цель* – то с чем сравнивается и сравнительный союз, т.е. модус сравнения (например,

русск. *как кошка, как орел, как пробка*; каб.-черк. *шым хуэдэу* (букв. как лошадь), *бзум хуэдэу* (букв. как птичка), *бажэм хуэдэу* (букв. как лиса); англ. *like an ape* (букв. как обезьяна), *as a lark* (как жаворонок и т. д.). [Н.М. Шанский, В.П. Жуков, А.И. Молотков, В.М. Огольцов и др.]

Другой аргумент против включения компаративов в область фразеологии в полном составе заключается в том, что они, по сути, не выражают сравнения, а выражают высокую степень проявления признака или интенсивности действия. Устойчивые сочетания способны генерировать оценочное значение через сопоставление двух объектов, имеющих какой-то общий признак. Признак является результатом субъективного восприятия мира носителями языка.

Выражение интенсивности, например, *худой как щепка*, на наш взгляд, генерируется взаимодействием *цели и базы*, и признак худобы воспринимается сквозь призму денотата *щепки – тонкой пластинки дерева, отколотой вдоль волокон*. Следовательно, создается образная картинка, позволяющая понять степень худобы человека.

Учитывая необходимость придания наглядности нашему мышлению, человек стремится любую абстрактную сущность выразить через предметы. В свое время В. Гумбольдт обратил внимание на то, что человек выражает свои мысли чувства, обращаясь к конкретным предметам и объектам [Гумбольдт 1985: 378]. Мышление человека не совсем приспособлено для полной и прозрачной интерпретации абстрактной сущности. Абстрактные понятия не могут быть поняты, усвоены в полной мере, не будут включены в когнитивную базу человека без их интерпретации с опорой на конкретные предметы и объекты.

Единицы вторичной номинации, к которым относятся и устойчивые словосочетания, частично выполняют эту функцию. *Щепка*, в выше приведенном примере, выступает как бы мерилем степени худобы в русской лингвокультуре. К тому же, образ *щепки* позволяет наглядно представить степень худобы человека.

Другая группа ученых, мнение которых мы разделяем, считает, что к фразеологии следует отнести устойчивые сочетания как двухкомпонентную структуру, т.е. сохранив и первый элемент, *базу А*, его переменную часть. [В.М. Мокиенко; Л.А. Лебедева; А.С. Алёшин; Л.А. Лебедева; Н.М. Кабанова и др.]. Они подчеркивают важность всех трех элементов сравнения. Это: А – что сравнивается, т.е. субъект сравнения; С – основание сравнения; В – с чем сравнивается, т.е. объект сравнения. Каждый из этих элементов закреплен в языке, присутствует в языковом сознании носителей языка, и их речевое употребление не является обязательным [Лебедева 1999: 169–172].

1.4. Понятие «признак».

Признак в структуре лексического значения слова

В процессе сравнения предмет попадает в фокус внимания наблюдателя в своем целостном формате, предъявляя все признаки, доступные нашим перцептивным каналам. Потом уже происходит разложение предмета на составляющие, выделение нужного признака или свойства. Но это возможно, если акт сравнения происходит онлайн, здесь и сейчас. В противном случае, что происходит гораздо чаще, человек пользуясь абстрагирующими возможностями своего мышления, умозрительно выделяет нужный для актуализации некоторого содержания признак. Полностью отделить признак от предмета невозможно, даже умозрительно. Предмет присутствует в нашем воображении, он остается фоном для признака, поскольку не бывает признака, свойства без его носителя.

Ранее мы отмечали, что сравнение возможно только при наличии третьего, основополагающего элемента – *Tertium comparationis*, модуса сравнения в нашей терминологии. В контексте когнитивной семантики особый интерес вызывает механизм конструирования устойчивых сравнений, формализация сложного механизма выделения признака, свойства, допускающего соположе-

ние *Comparandum* и *Comparatum*, базы и цели сочетания. Например, для русского языка *белый как снег*, который имеет аналоги и в кабардино-черкесском и английском языках, базой служит имя *снег*, а целью является уточнение признака *белый* через его отнесение к предмету, у которого, по мнению наблюдателя, данный признак является ярко выраженным.

Естественно, что диапазон того, что может быть целью говорящего абсолютно не ограничен. Действительно, коммуникативные потребности, желание сделать свою мысль понятной, прозрачной, выразительной заставляют человека прибегать к компаративным сочетаниям. А потому предметом мысли, потом и речи могут быть любые объекты, явления, события видимого, невидимого, а также воображаемого миров. Элемент, являющийся базой в этой структуре, как можно предположить имеет ограничения, действующие для всех языков.

Далее перейдем к обсуждению сложной категории *признак*, столь существенной для актуализации компаративного сочетания.

Проблема признака рассматривается с позиций различных наук. Так, в философии признак определяется как свойство, по которому познают или узнают предмет; определения, которые отличают одно понятие от другого. [https://www.endic.ru/enc_philosophy/Prizhak-2279.html].

В энциклопедии по социологии, находим два значения: признак это:

1) свойство, характеристика предмета (или явления), по которым его отличают от других, определяют и узнают;

2) свойство или характеристика изучаемого явления, выраженные в совокупности переменных, которые могут быть подвергнуты наблюдению и измерению. [https://www.endic.ru/enc_sociology/Prizhak-2213.html].

Обращение к лексикографическим источникам русского языка не обнаруживает каких-либо значимых расхождений в толковании этого термина. Так, в словаре С.И. Ожегова признак определяется как показатель, примета, знак,

который помогает узнать, определить объект, предмет [<https://www.endic.ru/ozhegov/Priznak-26484.html>].

В толковом словаре Т.Ф. Ефремовой признак определяется как примета, знак, по которому можно узнать, определить что-либо. Второе значение – свидетельство, доказательство; третье значение определяется как отличительное свойство, качество [<https://www.endic.ru/efremova/Priznak-83077.html>].

Сравнивая приведенные определения, можно сказать, что толковые словари и отраслевые словари сходны в толковании этого термина. Авторы словарей выделяют такие компоненты, как *показатель, примета, знак, отличительное свойство, по которым можно узнать, определить, предмет, объект, явление*. Философский словарь уточняет это определение еще и возможностью с помощью признака *познать* предмет.

В психологическом словаре приводится развернутое толкование данного понятия. Признаком (англ. feature) считается все, что выражает природу объектов (явлений), то, в чем они схожи, и то, в чем они отличаются друг от друга. [<https://psychological.slovaronline.com/1405-PRIZNAK>]. При этом подчеркивается, что каждый объект или явление обладают множеством признаков, которые разграничиваются по своей сложности: простые, сложные, комплексные и целостные. Кроме этого, в психологической науке признаки делятся на существенные и несущественные. Существенным считается признак, который при всех условиях присущ объекту. Он образует неотъемлемую составляющую бытия объекта. Существенный признак выражает суть объекта, формирует его родовую и видовую принадлежность. Они образуют комплекс признаков, отличающих данный объект от объектов других видов и классов. Именно существенные признаки являются основой формирования понятий.

Далее в исследовании мы будем использовать дифференциацию признаков на *существенные и несущественные*.

Следует отметить, что признаки различаются по способу их выделения и использования в процессах познания. Элементарные или сенсорные признаки являются результатом действия окружающего мира на наши сенсорные каналы: зрительный, слуховой, тактильный и т.д. Более сложными являются перцептивные признаки, на основе которых осуществляется процедура категоризации, т.е. идентификация и опознание объектов. Ощущения, поступающие к человеку по перцептивным каналам, подвергаются фильтрации, дифференциации, в зависимости от их значимости и приоритетности в конкретной ситуации. Следовательно, происходит процесс выделения признаков и свойств предметов и явлений. В ходе дальнейшей процедуры обработки информации выделяются существенные признаки, которые отражают суть объекта, предмета или явления.

Воспринимаемый человеком мир бесконечен и многообразен. Мы находимся под постоянным воздействием мощного потока зрительной, слуховой и иной информации. Осознанно или на бессознательном уровне происходит их фильтрация. Она формирует базу данных для дальнейшей когнитивной обработки и обобщения [Кубрякова 2004: 80].

Превращение внешних импульсов, действующих на наши перцептивные каналы в ощущения, а затем в представления, с последующим их переходом в концептуальное содержание, сложный процесс. Его трудно формализовать, объективировать. Формирование ощущений, представлений, выделение каких-то определённых предметов в окружающем пространстве, возможно на основании процесса сравнения. Мы можем говорить, что дом большой, если есть представление о маленьком доме, квалифицировать музыку как громкую, если знаем, как звучит тихая музыка, говорить о кричащих цветах, если есть представление о спокойных тонах и т.д. Из этого следует, что операция сравнения возможно лишь с опорой на знания, накопленные в результате взаимодействия человека с окружающим миром. Сравнивая,

человек совершает мыслительную операцию категоризации, которая протекает не осознанно, не фиксируется человеком, но происходит каждую секунду нашей жизни. Конечно, вполне допустимы осознанные процедуры категоризации, когда перед человеком стоит какая-то конкретная цель. Исходя из нее, он осознанно сравнивает предметы, т.е. осуществляет их категоризацию.

Иначе обстоит дело в случае конструирования компаративных сочетаний, так как появляется потребность осознанного, целенаправленного поиска признака, свойства объекта, способного выполнить функцию разъяснения, уяснения *цели*. Здесь, точнее сказать поиск объекта, так как признак не может существовать сам по себе, без его носителя. Согласно современным психологическим воззрениям предмет воспринимается в его целостности, далее происходит выделение отдельных признаков предмета, фиксирование каких-то особенных, значимых, может быть в какой-то степени необычных. Отделение признаков от вещей возможно только в сознании в результате абстрагирующей способности мышления человека. Такая процедура продиктована объективным желанием человека проникнуть в суть вещи, познать ее глубже, во всей полноте.

В такой ситуации человек действует как активный субъект. Он адаптирует воспринимаемую информацию на основании присущих ему когнитивных способностей. Новое, поступившее по перцептивным каналам, соотносится, сравнивается с тем, что ему уже известно и хранится в его когнитивной базе. В подобной ситуации мыслительные процессы категоризации и классификации протекают осознанно. В некоторых случаях они поддерживаются другими когнитивными способностями.

В определении сложного понятия *признак* мы придерживаемся мнения известного философа и логика Н.Н. Кондакова [Кондаков 1975: 477]. Ученый считал, что признаком может служить все то, что делает объекты и предметы сходными или отличными друг от друга. В этом качестве могут

выступать показатели, свойства, которые дают нам возможность отграничивать одни предметы от других. Они предоставляют нам возможность идентифицировать объект, охарактеризовать его и познать его суть. Существенным, на наш взгляд, является иерархическая организация признаков [<https://psychological.slovaronline.com/1405-PRIZNAK>].

Для решения задач нашего исследования необходимо обсуждение проблемы признака с позиций лингвистики. В связи с этим целесообразно обратиться к сложной категории значения.

Элементы объективного мира транспонируются в языковую плоскость посредством номинативных единиц, обладающих значением. В теории языка существует гипотеза изоморфизма. Предполагается, что сущностные признаки, свойства и качества объектов реального мира должны найти отражение в существенных признаках соответствующих языковых значений [Телия 1996: 155]. При отсутствии подобного изоморфизма, единицы языка не способны были бы выполнять свою знаковую функцию.

Значение слова, как ни одна другая категория языка, являлось и является предметом постоянных дискуссий.

Это вполне естественно, так как категория значения чрезвычайно сложна для описания и изучения. Казалось, человек свободно говорит на языке, подбирает нужные слова, произносит высказывание с нужной интонацией, требуемой ситуацией общения. Он понятен своим собеседникам, у них получается диалог, т.е. коммуникация эффективна. Но стоит только задать человеку вопрос, а что такое значение слова, он тут же замыкается, затрудняется ответить. Чаще всего обыватель отвечает: «это же так просто – значение это значение».

Значение включает в себя ряд важнейших категорий. Оно в обязательном порядке объединяет в себе следующие составляющие:

– предметы, объекты, явления и процессы, все, что входит в пространство реального и воображаемого мира; собственно все то, ради чего и появляются слова;

– мыслительные процедуры, лежащие в основе познания; значения слов, которыми человек свободно оперирует, подвергаются мыслительной обработке. Она начинается с восприятия и заканчивается оформлением языкового знака, за которым закрепляется определенное содержание;

– прагматический компонент, реализующий коммуникативную интенцию говорящего. Человек для эффективного общения подбирает необходимые слова с нужной коннотацией, использует нужную просодику;

– системная составляющая; она предполагает комплекс парадигматических отношений, в которые вступает языковая единица как элемент языковой системы.

Приведенные компоненты значения слова позволяют дать обобщающее определение языковому знаку. Слово это языковая форма, которая содержит информацию о каком-то фрагменте мира. Оно предоставляет нам сведения о форме отражения этого фрагмента в нашем сознании, условиях его использования. Слово также содержит информацию о характере связи словесного знака с другими единицами языка [Кобозева 2000: 43].

Сложность категории значения обусловила обращение ученых к графическим формам его толкования. Известный семантический треугольник Ч. Огдена и А Ричардса, созданный в начале прошлого столетия, до настоящего времени используется в качестве модели значения слова. Небольшие дополнения и уточнения, внесенные другим учеными, не меняют его сути. Это треугольник, в вершинах которого располагаются:

- а) понятие о предмете;
- б) референт;
- в) означающее (звуковая форма).

Он послужил основой для дальнейшей разработки теории значения слова. Устанавливая корреляции между вершинами треугольника, ученые вывели несколько трактовок понятия «значение».

Трактовка значения как некоторой сущности, формирующей отношения между формой и понятием, или между формой и референтом, получило название реляционное понимание значения. Оно не пользуется популярностью среди лингвистов. Другая трактовка значения усматривает репрезентацию значения одной из вершин треугольника – или понятием, или референтом. Такое понимание значения известно в теории языка как субстанциональное. Оно получило развитие в трудах Г.В. Колшанского [1967], Б.Н. Головина [1977], Дж. Лайонза [1978] и других ученых.

Следует отметить, что большинство ученых склонны отождествлять значение с понятием. Так, Г.В. Колшанский объясняет понятие как совокупность дифференциальных признаков объекта, удовлетворяющих условиям его отграничения от смежных объектов [Колшанский 1967: 188]. На основании соотношения значения с понятием, лежащем в его основе, было выработано определение значения как некоторой языковой формы, которая обозначает предмет через отсылку к понятию. Оно (понятие) ассоциируются с формой в головах носителей конкретного языка [Кобозева 2000: 44]. В нашем исследовании мы придерживаемся этого определения значения.

Предметы и объекты, заполняющие пространство, окружающее человека, допускают выделение разного рода признаков и свойств, формирующих суть предмета. Это могут быть разного рода параметрические характеристики, цвет, материал изготовления, утилитарное назначение т.д. Идея возможности умозрительного выделения признаков в объекте обусловила допущение о возможности выделения признаков и в структуре значения слова. Размышления над подобным допущением привели к мысли о дискретности значения как о сис-

темном явлении, которое носит обязательный характер и свойственно большинству языковых единиц [Васильев 1981: 5].

Практические наблюдения над структурностью значения слова нашли теоретическое воплощение в работе Л. Ельмслева «Пролегомены к теории языка» [1960]. Он утверждал, что значение слова носит дискретный характер, в котором можно выделить «фигуры плана содержания». Они не имеют соответствия в означающем языкового знака. Работа Л. Ельмслева послужила толчком для создания методики компонентного анализа. Благодаря этой методике были описаны семантические особенности многочисленных разряды слов во многих языках.

Разработка и успешное применение идей компонентного анализа естественным образом привела к формированию нового направления в семантике – дифференциальной семасиологии [Найда 1983; Бендикс 1983; Лайонз 1978; Апресян 1995 и др.]. Основной тезис этого направления провозглашает принцип структурности значения слова, включающий только те признаки из понятия, которые отграничивают данный объект от других объектов.

Некоторые ученые утверждают, что число различительных признаков в значении слова сведены до минимума [Комлев 1969: 75]. Минимальный набор признаков определяется по особой методике. Анализу подвергается число противопоставлений, в которых встречается слово. Выявленные системные оппозиции формируют дифференциальную модель значения слова. Модель включает ограниченный, но достаточный набор дифференциальных признаков, которые отличают его от значений других слов. Важным результатом работы лингвистов этого направления является определение дифференциального признака как компонента значения, имеющего элементарной характер и не допускающий дальнейшего членения.

Отечественный ученый Д.Н. Шмелев разъясняет, что выделение семантического признака как значимого, определяется его парадигматическим противо-

поставлением другому слову или словам в системе языка [Шмелев 1973: 108]. В итоге исследований семантики слова дифференциальная семасиология пришла к своему основному выводу относительно значения слова. По их мнению, основная функция языкового значения усматривается в отграничении от значений других слов. Подчеркивается, что содержание значения формируется набором существенных признаков, которые выделяются из понятия. Подобный вывод послужил ориентиром для составителей толковых словарей.

Такое узкое понимание значения, ограничение его функций только дифференциацией, не отражали, конечно, истинного положения вещей. Слово в речи проявляет богатый набор самых разнообразных признаков, которые не сводятся к простому отграничению одного значения от другого. Ассоциативные, коннотативные признаки оказываются более важными для решения коммуникативных задач общения. Значимость второстепенных признаков в речи обусловила появление термина потенциальные семы, которые не связаны с понятием, но дают полное представление об обозначаемом денотате (Д.Н. Шмелев; В.Г. Гак; А.М. Кузнецов).

Потенциальные семантические компоненты значения отражают реальные свойства и признаки данного предмета или же свойства, приписываемые ему в данном языковом коллективе. Это подвело лингвистов к мысли, что семантика слова охватывает широкий круг признаков, разной степени важности для определения его понятийной основы, для реализации его дифференциальной функции как слова, но чрезвычайно важных для реализации его коммуникативно-дискурсивных свойств. В этой связи Н.Г. Складневская отмечает, что значение слова является чрезвычайно сложной структурой. Она включает в себя логико-предметное, понятийное содержание. Помимо него, значение охватывает широкий диапазон лингвистических и экстралингвистических сведений, ассоциаций, смутных, как будто бы априорных представлений. Структуру значения завер-

шают дополнительные компоненты значения. Они формируют разнообразные коннотации [Скляревская 1996: 70].

Наш многообразный и бесконечный мир, постоянно развивающийся и переменчивый, который предстает в языковой плоскости в виде значений с большим количеством переменных признаков, не может быть уместен в «прокрустово ложе» понятийной основы значений. В дискурсе слово неизменно обогащается национальными, индивидуальными, случайными ассоциациями, которые могут временными, разовыми, или закрепиться в языке в случае их одобрения языковым коллективом. Слово наделяется кумулятивной функцией, что проявляется в способности накапливать в себе самую разнообразную информацию, никак не связанную с его понятийной основой и транслировать ее [Верещагин 1980: 25].

В современной когнитивно-дискурсивной парадигме успешно развивается субъективистская, или концептуалистская теория значения. Большую роль играет эмпирический подход к толкованию значения, учет его дискурсивного использования. Сейчас признается несостоятельным описание значения с объективистских позиций, без внимания к человеку, главному «концептуализатору», который выбирает ракурс рассмотрения ситуации, определяет языковой ресурс для его оформления [КСКТ 1997: 73–74].

Из этого следует, что полное описание семантики слова, выражения возможно при рассмотрении ряда важных составляющих коммуникации. Это такие факторы как фоновые знания говорящего, условия восприятия текста, выделенность объектов, их расположение относительно друг друга в сцене события и т.д. Особое значение приобретает человеческий фактор. Ему отводится ведущая роль, как субъекту, который способен реализовать основные мыслительные процессы – категоризацию и концептуализацию. Познающий субъект признается единственным автором формирования

значения. Он же и автор выбора слов и выражений для описания ситуации, так, как он видит и чувствует ее. Человек является автором значений, он формирует значения по особым правилам знакообразования. Значения не приходят извне, в готовом виде [Болдырев 2001: 18].

Современная когнитивная парадигма постулирует необходимость совместного использования данных о семантике языковых единиц и их прагматических свойствах для разработки адекватной теории значения. Высказывается предположение о том, что экстралингвистическая информация, которая большей частью формирует прагматические свойства значения, выходит на первые позиции при формировании высказывания и его интерпретации. Действительно, «чистая» семантика без учета реальных условий общения, и всего того, что включает в себя прагматика, останется простым, «сухим», можно сказать «мертвым» фактом языковой системы. На этом основании можно заключить, что представление значения (*meaning representation*), носит энциклопедический характер.

Видные отечественные ученые А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский всячески поддерживают идею совмещения языковых и экстралингвистических данных при разработке теории значения. Они утверждают, что современная когнитивная семантика, рассматривая категорию знания в качестве базовой, снимает противопоставление языкового и экстралингвистического знания. Это позволяет пользоваться одним метаязыком для исследования различных типов знания [Баранов, Добровольский 1997: 15].

Следует подчеркнуть, что в контексте когнитивной парадигмы, исследование значения не может быть успешным без обращения к такому важному принципу, как экспланаторность [Кубрякова 2004]. Суть этого принципа заключается в значении самого термина (*explain*) – объяснение, интерпретация, в данном случае объяснение языкового явления. Теперь уже совсем недоста-

точно просто описывать и систематизировать языковые факты, без обращения к глубинным процессам, которые обусловили появление языковой единицы в той форме, какой она зафиксирована в языке [Демьянков 2014; Болдырев 2017; 2018]. Когнитивная семантика выработала новый взгляд на теорию значения. Оно трактуется как сочетание двух составляющих – *конструирование значения и репрезентация знаний*.

Основная задача когнитивной семантики заключается в исследовании сложного процесса объективации некоторого смыслового содержания, в формализации того пути, который проходит языковая единица до превращения ее в «полноправный» элемент языковой системы. Из этого следует, что значение является результатом концептуализации, т.е. оно является по своей сути концептуальным. Поэтому неправомерно квалифицировать значение как отношение формы к некоторому объекту в реальной действительности. Значение связано с концептом в сознании человека. Оно является результатом взаимодействия человека с фрагментами окружающей действительности.

Именно с этих позиций и осуществляется подход к устойчивым сочетаниям языка. Отталкиваясь от языкового явления как готового продукта, мы пытаемся объективировать сложный механизм взаимодействия *базы и цели* устойчивого сочетания на основании объединяющего их элемента – *модуса – tertium comparationis*.

Для этих целей в соответствии с теорией М.В. Никитина [1983; 1999; 2007], мы рассматриваем значение слова как структуру. Исходя из объективных принципов организации значения, в ней выделяется *интенциональная часть*, логико-предметное содержание значения. Она включает признаки, релевантные для всех членов этого класса предметов. Они постоянны, неизменны и большей частью соответствуют понятию. Их знание обязательно для знания предмета. Другая часть структуры значения – *импликационал* – формируется периферий-

ными признаками, непостоянными и изменчивыми. Знание их необязательно для знания языка. Они не фиксируются в словарных дефинициях, так как выполняют дополнительную, характеризующую функцию.

Проиллюстрируем сказанное для большей ясности. Русский компаратив *важный как павлин* – так говорят о людях, которые напускают на себя излишнюю многозначительность без всякого на то основания. Их отличает вычурная одежда, спесивость, жеманность, снисходительное отношение к окружающим. Для воплощения обозначенных характеристик наблюдатель выбрал *павлина* – крупную птицу из семейства фазановых. Это интенционал структуры значения. Как известно, павлин имеет свойство распускать хвост в минуту опасности. Яркое, многоцветное оперение, сверкающее огромным количеством нарядных глаз, действительно может отвлечь противника. Самец распускает свой нарядный хвост и в период брачных игр, привлекая самок. При этом огромный хвост никак не мешает павлину быстро двигаться и маневрировать. Все перечисленное формирует периферию признаков – импликационал, дополнительную информацию. Внешний «антураж» павлина воплощает базу – «картинку» человека в неуместной одежде, с вальяжной походкой и неестественной осанкой. При этом сложно выделить один признак, объединяющий *цель* и *базу*. Здесь срабатывает некий гештальт – образ, комплекс целого ряда признаков денотата *базы*, переносимый на *цель* – *важный*.

1.5. Косвенная номинация и языковая картина мира

Структурирование окружающей действительности является необходимым условием существования человека. В результате этого человек получает представление о мире, в котором живет и, конечно, о себе. Все полученные знания складываются в некую картину мира. Подчеркивая важность этого многовекового процесса, некоторые исследователи отмечают, что картина мира

представляет собой центральное понятие концепции человека, оно выражает специфику его бытия [Постовалова 1988: 18].

Ученые отмечают, что окружающий человека мир может быть описан на трех уровнях.

В первую очередь, действительность предстает перед нами на физическом и математическом уровне. Объективная реальность переводится в формулы и термины названных наук. При этом взаимоотношение человека и мира вещей не принимается во внимание.

Следующий уровень – это мир живых существ, так называемый экологический уровень. Он является результатом жизнедеятельности человека, где вещи и явления отражены в определённой иерархической организации, в зависимости от их ценности и значимости для человека.

И последний уровень представления мира – это языковой. Мир предстает, обработанный сознанием человека. Проявляются ограничения, обусловленные особенностями восприятия, а также спецификой самого языка, его типологическим строем и языковым репертуаром. На этом уровне знания, полученные человеком, складываются в языковую картину мира. Ее реконструкция рассматривается как важное направление исследований в современной лингвистике [Рузин 1994: 79].

Важно отметить, что между реальным миром и человеком есть еще язык, языковое сознание, который является главным «аранжировщиком» при переводе фактов мира в факты языка. Картина мира не отражает окружающую действительность, она воплощает духовную деятельность человека, контактирующего с миром. Г.В. Колшанский отмечает, что когнитивная деятельность человека, его взаимодействие с миром помимо физической составляющей, предполагает и духовную компоненту. Она способствует формированию особой формы абстрактного мышления. В ней аккумулируется в изменённом виде структура и характер взаимодействия предметов и объектов. Следовательно, в процессе по-

знания формируется мир, который отмечен объективными и субъективными чертами. Его можно назвать миром человека [Колшанский 2005: 14].

Все многообразие воспринимаемой информации фильтруется сознанием человека, проходя «жернова» категоризации и концептуализации. В результате формируются понятия, отражающие сущностные характеристики предметов и явлений, на основе которых складывается концептуальная картина мира. На следующем этапе концепты, образующие концептуальную картину мира, приобретают языковую форму в виде языковых значений. Здесь происходит дифференциация способов выражения одни и тех же понятий в разных языках. Например, понятие *масло – жидкое или твердое жировое вещество, растительного, или животного происхождения*, – получает различное языковое выражение в зависимости от его происхождения. Так, в кабардино-черкесском языке: *тхъу* – для масла животного происхождения, а *дагъэ* – для растительного. Такая же картина и в английском языке: *butter* и *oil* разграничивают масло животного (*butter*) и растительного (*oil*) происхождения. В русском языке нет дифференцированного выражения этого понятия.

Термин родства в английском языке *mother-in-law* (букв. мать по закону) используется для именованя как *матери мужа*, так и *матери жены*. В русском языке эти термины родства имеют дифференцированное выражение: *теща* – мать жены и *свекровь* – мать мужа. Такая же картина наблюдается и в кабардино-черкесском языке: *щыкъуанэ* – мать жены; *гуащэ* – мать мужа.

Итак, слово является основным средством формирования и способом существования понятия. Из этого следует, что слово, прорастая в сознание, меняет многие отношения и процессы, протекающие в нем.

Отечественный психолог Л.С. Выготский, анализируя соотношение языка и сознания отмечал, что особенности сознания человека можно увидеть в отдельном слове, т.е. в языке отражается сознание, подобно тому, как солнце отражается в воде. Он образно сравнивал соотношения слова и сознания с отношениями,

которые складываются между клеткой и целым организмом, между отдельным предметом и бесконечным пространством. Он считал, что осмысленное слово, представляет целую вселенную – сознание человека [Выготский 1982: 361]. Это значит, что языковое значение пропускает отраженную совокупность обобщенных признаков именуемого объекта через призму сложившихся в конкретном языковом коллективе стереотипов обыденного сознания.

Языку отводится двоякая роль в освоении картины мира. С одной стороны, в его недрах протекает постоянный процесс формирования языковой картины мира. С другой стороны, сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира (например, физико-математическую, и экологическую, химическую и т.д.).

Языковая картина мира (ЯКМ) традиционно толкуется как способ восприятия мира и его отражения в языке, свойственный отдельному этносу. Единая биологическая и социальная сущность человека предопределяет универсальные черты ЯКМ. С другой стороны, пребывание человека в определенном природно-географическом окружении, историческая ретроспектива этноса, членом которой он является, обуславливает специфичность и уникальность ЯКМ.

Формирование ЯКМ – чрезвычайно сложный процесс, в котором задействованы все органы перцепции, физиологические, психические, психологические особенности человека. Все, что делает человека человеком.

Многогранность и многоаспектность этого процесса отмечается всеми исследователями. Обширный синонимический ряд слов, используемый отечественным ученым В. И. Постоваловой в определении процесса формирования ЯКМ, подчеркивает его сложность. Ученый пишет, что человек ощущает мир, видит его, познает, контактирует с ним, интерпретирует его, воображает другие миры, отражает в языке. В результате формируется образ мира, как результат его переживания в непрерывном процессе познания [Постовалова 1988: 20].

Из этого следует, что объективная реальность, переводимая человеком в ЯКМ, претерпевает влияние человеческого фактора. Он аранжирует картину по

своему усмотрению, под воздействием культурных, эмоциональных, ценностных составляющих своего внутреннего мира. Поэтому подчеркивается, что ЯКМ это действительно уникальная, этноспецифичная картина, а не зеркальное отражение, фото, дублирование объективного мира.

В исследовании своеобразия ЯКМ ведущую роль играет лексический состав языка, лежащая в его основе семантическая организация – сочетание денотативных и прагматических компонентов значений. Это связано с тем, что предметный ряд, наполняющий пространство, вместе с его прагматическими свойствами, представлен человеку в видимом, осязаемом, умозрительном формате. Вещи находятся в непосредственной доступности перцептивным каналам человека – зрению, слуху, осязанию и т.д. Но ЯКМ включает и организацию предметов, явлений, наполняющих пространство, те отношения, в которые они вступают, характер действий, совершаемых человеком, а также способности соединения знаков в речевой цепи. Это функции, выполняемые грамматическими, строевыми элементами ЯКМ, являются не менее важными, не менее значимыми, но уходят на второй план, уступая «первенство» видимому миру предметного ряда.

Подчеркивая значимость грамматической системы языка для понимания своеобразия ЯКМ, Б.Л. Уорф – автор гипотезы языковой относительности – отмечал, что на поведенческие характеристики людей типы грамматических категорий могут оказать гораздо более сильное влияние, чем лексические значения слов. Например, такие категории, как число, род, личные формы глагола, залог, частеречная классификация и т.д. во многом определяют поведенческую стратегию человека [Уорф 1999: 62].

Например, в английском языке невозможно построить предложение без подлежащего (ср.: *it is warm* – тепло; *it is difficult to say* – трудно сказать т.д.). В этой особенности прослеживается индивидуалистский тип англосаксонской культуры. Человек, его интересы становятся точкой отсчета в любом деле, как и

подлежащее в синтаксической структуре. Дифференциация временных форм в английском языке: длительные (Continuous tenses) и завершенные (Perfect tenses) являются иллюстрацией особого видения протекания действия или процесса. Это свидетельствует о педантичности и скрупулезности англичан.

Обратимся к кабардино-черкесскому языку. Многие языковеды отмечали такую особенность грамматической составляющей адыгской ЯКМ, как преобладание признакового (глагольного) способа концептуализации мира [Н.Ф. Яковлев; М.А. Кумахов; М.Л. Апажев; Б.М. Карданов].

Приоритетное положение глагольных имен в концептуализации мира свидетельствует об особом, панорамном, ситуативном способе восприятия мира. Человек структурирует мир согласно ориентирам, задаваемым родным языком. Выделение определенных категорий, классов является результатом систематизации впечатлений, которые предстают перед человеком, подобно калейдоскопической панораме. Они не заданы априори. Мыслительная деятельность, которая во многом определяется языковой системой, выполняет эту работу

Известно, что кабардино-черкесский язык отмечен важной типологической особенностью. Действие, представленное в его развитии, предполагает совмещение в одной глагольной форме всех актантов – участников события, каким бы не было их число. Перечислим некоторые: субъект действия, объект, способ свершения действия, место и время его свершения и т.д. Сказанное можно проиллюстрировать примером известного ученого – кавказоведа М.А. Кумахова. В одну языковую единицу кабардино-черкесского языка: *у-а-къы-ды-д-е-з-гъэ-шы-жы-ф-а-тэ-къым* (букв. я тогда не смог заставить его обратно вывести тебя оттуда вместе с ними) включены тринадцать аффиксальных морфем, имеющих статус суффикса или префикса. Выделяется и корневая морфема, которая приобретает значение только в составе определенной структуры. Ученый отмечает, что сложные структурные образования подобного рода допускают членение в полном соответствии с пра-

вилами описания морфологического строения языков индоевропейской группы [Кумахов 1984: 21].

ЯКМ носит антропоцентрический характер, следовательно, является собой результат креативной деятельности человека. Сообразно своим целям человек творит ЯКМ, воплощая в ней результаты обыденного познания, свои эмоции и чувства, свое отношение к происходящему. Как результат, ЯКМ образна, эмоциональна, выразительна [Брутян 1973; Павиленис 1983; Колшанский 1990].

Основу лексической составляющей ЯКМ, формируют единицы первичной номинации. При возникновении необходимости языкового оформления некоторого смыслового содержания, в действие приходит ассоциативное мышление человека [Серебренников 1988: 205–207]. Самый глубокий пласт номинативных единиц, существующий в любом языке, представлен единицами доконцептуального уровня категоризации. Сюда относится ядро лексики языка, обозначающее привычные, самые обычные понятия. Они впоследствии становятся основой для концептуализации сложных понятий, появляющихся в результате осложнения человеческого опыта и знаний. Этот древнейший пласт лексики включает соматизмы, зоонимы, названия простейших предметов быта. Они просты и с точки зрения морфологического строения, легко запоминаются, легко встраиваются в более сложные структурные единицы. Например, *каб.-черк. псы* – вода; *жыг* – дерево; *шы* – лошадь; *хэ* – собака; *нэ* – глаз; *пэ* – нос; *жэ* – рот и др. Аналогичные примеры есть во всех языках.

Лимитированность лексического состава единиц первичной номинации, а также ограниченные возможности памяти человека, обуславливают появление единиц вторичной и косвенной номинации. Суть их заключается в использовании существующих в языке номинативных единиц в новой функции наречения [Телия 1977]. При необходимости дать имя новому фрагменту действительности человек обращается к своему опыту, к известным сущностям объек-

тивного мира, выделяя то, что наилучшим образом поможет ему «изобрести» подходящую номинативную единицу. Объективный мир предлагает человеку большое количество предметов, схожих по каким-то признакам, с ищущим наречение объектом. И разные языки прибегают к различным предметам для решения этой задачи. Например, деталь чайника, откуда вытекает вода, в русском языке называется *носик*, в кабардино-черкесском языке – *быдз* (букв. сок), в английском языке – *spout* (букв. струя);

Тыльная часть последних фаланг пальцев рук, именуемая в русском языке *подушечки* пальцев рук, в кабардинском языке называются – *Іэпэ джэдыкІэ* (букв. яйца пальцев); часть глаза в русском языке – *глазное яблоко*, в кабардино-черкесском языке – *нэ джэдыкІэ* (глазное яйцо), а в английском языке – *eye ball* (букв. глазной мяч); пузырьки, образующиеся на поверхности луж во время дождя в кабардино-черкесском языке называются *хьэндрыкъуакъуэ напІэ* (букв. веко лягушки).

Можно привести множество подобных примеров, иллюстрирующих абстрактные сущности: *поле деятельности, рамки приличия, очертить сферу влияния, следовать традициям, выводить из затруднительного положения* и т.д. Только с помощью конкретной лексики мы можем придать языковую форму абстрактным сущностям.

Подобного рода метафоры единственный существующий способ названия абстрактных понятий, деталей объектов, предметов. Они лишены образности, которая может быть первоначально и была, но важным оказывается первоисточник, основа вторичной номинации, без которой появление и функционирование единиц вторичной номинации представляется невозможным. Человек передает известный образ, содержащийся во внутренней форме языковой единицы, новому, познаваемому объекту. Вместе с образом к новому объекту переходит и имя. Здесь мы имеем дело с номинативно-производными значениями, которые функционируют автономно и приобретают системные характеристики

соответствующего разряда слов. В данном случае метафора превращается в способ формирования недостающих языку значений, и выступает в качестве универсального способа мышления и познания мира.

Особенность производных значений заключается в том, что они заимствует из структуры прямого значения часть признаков, необходимых для названия нового объекта. Это универсальная особенность языка мотивирована рядом причин. Во-первых, познание нового эффективнее, если оно происходит с опорой на известное и знакомое. Это же правило действует в случае с процессом номинации. Существующее в языке имя, приписанное новому объекту, запоминается лучше, нежели новое имя, присвоенное ему. Здесь проявляется ограниченные свойства памяти человека и принцип экономии, действующий в языке. Язык стремится обойтись как можно меньшим количеством слов, но при этом удовлетворить все запросы человека по осуществлению актов номинации в коммуникации. Вторичные значения автономны, их актуализация в речи не предполагает дополнительных маркеров поддержки.

Механизм действия косвенной номинации иной. Для ее актуализации необходим дополнительный элемент. Именно он превращает название в косвенное, так как только сквозь призму его значения возможно именование объекта, предмета действительности. В процессе косвенной номинации происходит вторичная категоризация уже обработанного и усвоенного сознанием человека информации. Следовательно, формируется новое знание о знакомых человеку объектах. Косвенная номинация основана на взаимодействии коннотативных признаков исходного значения слова и слова, которое переосмысливается. В итоге образуется новое содержание. Оно базируется на знаниях человека о мире, которые аккумулируются в его когнитивной базе. Знания о мире формируются поверх лексических значений слов, они получают языковое выражение в виде косвенных наименований самой различной структурной организации.

Общепризнано, что метафора в силу своей имплицитности, ярче и семантически богаче, чем сравнение. Поэтому взгляд на метафору как на развернутое сравнение, постепенно оттесняется объяснением ее как метафорического процесса на основе аналогии. Ученые отмечают, что нужно признать ограниченным и несостоятельным понимание метафоры как сокращённого сравнения, если понятие сравнение не расширить до сопоставления вообще [Шпет 1996].

В системе косвенных наименований значительное место занимают фразеологические единицы – устойчивые несколькословные именованья, с полностью или частично переосмысленным значением. Помимо номинативной функции они выполняют еще одну, более важную, собственно для чего и создаются фразеологизмы, характеризующую, оценочную, экспрессивную.

Фразеологизмы представляют собой номинативные единицы особого рода, в семантике которых закреплены итоги когнитивно-оценочной деятельности познающего субъекта, проявляющиеся в специфичном сочетании денотативного и коннотативного компонентов значения идиомы. Культурная информация, мотивированная денотативным компонентом значения, отражает природные условия, эмпирическую деятельность, культуру и историю конкретного этноса. И, несомненно, это самый культураносный пласт лексики любого языка [Телия 2004: 19].

В основе образных выражений лежит антропометрический принцип, согласно которому «человек мера всех вещей». Этот принцип проявляется в том, что человек создает систему эталонов и стереотипов, которые служат ему своего рода ориентиром в восприятии и интерпретации мира. Так, в русском и английском языках *бык* – англ. *ox* служит эталоном для обозначения здорового, крепкого человека, обычно мужчины, но не женщины или ребенка; *осел* употребляется для характеристики упрямого человека, англ. *stubborn as a mule*; хотя сложно с уверенностью утверждать, что у *осла* действительно «упрямый» нрав.

Приведем еще примеры из кабардино-черкесского языка с яркой культурной компонентой. *ПцIащхуэ унэу лъэльэжащ* – букв. рассыпался как лас-

точкино гнездо (о чем-то хрупком, непрочном). Сочетание актуализирует элементы природы (ласточка, гнездо), что говорит о близости этноса к природе. Более того, внутренняя форма позволяет вывести еще дополнительные коннотации, отражающие состояние человека – грусть, сожаление, тоску. Ведь, гнездо – это дом красивой птицы, и он разрушен.

Другой компаратив: *хыв ятIэм хэс хуэдэу* – букв. словно буйвол в грязи, также представляет картинку из жизни селян, но генерирует значение быть в свое тарелке, «быть в своей стихии». Об очень красивой девушке адыги говорят: *Сурэт тхам хуэдэц* – букв. словно нарисована. В сочетании проявляется значимость сделанного человеком рисунка, который превосходит то, что сделала природа. В кабардино-черкесском языке фразеологизм *пхъуэнтэм хуэдэц (унэр)* – букв. дом как сундучок – передает значение функционального, хорошо построенного, «крепкого» дома. Следовательно, можно сделать вывод о предпочтении *качества* каким – то другим атрибутам.

Идиомы выполняет двоякую роль в аккумуляции и трансляции культурных смыслов. С одной стороны, идиомы являются средоточием стереотипов и эталонов обыденного сознания, выработанных языковым коллективом. Они включают в свое содержание обычаи, традиции, типичные артефакты. В них можно найти отголоски древних мифов и легенд. Все это находит отражение во внутренней форме идиом. Прототипическая ситуация, лежащая в основе фразеологической единицы, уже является культурно значимой. С другой стороны, фразеологизм, функционируя в языке, приобретает новые оттенки значения, новые коннотации. Постепенно на их основе вырабатываются новые стереотипы и эталоны, которые служат ориентирами для носителей языка [Маслова 2004: 71].

Итак, фразеологизмы со временем превращаются в эталоны и стереотипы, которые являются для этноса ориентирами, формируют приоритеты, ценности, т.е. становятся культурно-значимыми. Культурно-национальная

коннотация формируется при соотнесении языковых значений с каким-либо культурным кодом. При этом культурно-значимая маркированность проявляется не только в значении фразеологизмов, но и в содержании целых текстов [Телия1996: 219].

Компаративные сочетания, фразеологизмы отмечены культурной значимостью по той причине, что денотаты, лежащие в основе их прототипов, являются результатом многовекового материального и духовного развития языкового коллектива. История существования этноса предполагает формирование определенных регулятивов и прескрипций. Они высвечивают отношение носителей языка к некоторым предметам, ситуациям и явлениям, которые говорящие на этом языке, используют для формирования аксиологической картины мира. Подобное оказывается возможным благодаря языку. Язык вбирает в себя, впитывает все, чем живет и дышит этнос, все, что ему дорого ценно, все, что он порицает и осуждает. При этом наблюдается некоторая дифференциация. Компаративы хранят и передают выработанные обыденным сознанием эталоны. Стереотипы раскрывает особенности ассоциативного мышления языкового коллектива. Они позволяют понять психологию народа. Символы выполняют функцию замещения абстрактных понятий именами конкретных предметов и объектов. Можно сказать, придают им «наглядность». Символы дают представление о психологических особенностях языкового коллектива.

Культурный эталон соотносит один объект действительности с другим посредством сравнения. База сравнительного сочетания выступает в качестве образа – эталона. Например, в кабардино-черкесском языке: *ятIэм хуэдэу тиэриц* – букв. жирный как грязь (ср. в русск. жирный как земля), формируется эталон плодородия, богатства. Или *мывэ тыкъырыц* – букв. как кусок камня – (ср. в русском языке: хоть кол на голове теши). Следовательно, эталоном *непробиваемости, непослушания* в адыгской культуре выступает *камень*. Эталон изобилия формирует-

ся природным явлением: *уэсу къригъэсащ* – букв. выпал как снег – много, в изобилии. Контекст употребления этого компаратива предполагает субъекта, который быстро доставил что-то нужное и в большом количестве. Эталон быстрого роста, стройности формируется через фитоним – камыш – каб.-черк. *къамыл*, – *псытцIэ къамылу дэжсеящ* – букв. вытянулся как камыш в воде.

Культурный стереотип описывает определенную ситуацию, связанную в менталитете народа с определенным культурным кодом. Приведем некоторые примеры.

Сравним две фразеологические единицы английского и кабардино-черкесского языков: *to bet one's bottom dollar* (букв. заключать пари на доллар) и *си щхъэр позгъэупцыIынищ* (букв. даю голову на отсечение). Как видно, обе идиомы генерируют значение готовности доказать состоятельность своих слов, действий поступков любой ценой. Развёртывание текста фразеологических единиц позволяет вывести стереотипы, сформировавшиеся в соответствующем языковом коллективе. Они и служат внутренней формой идиом. Так, в англосаксонской культуре говорящий готов пожертвовать материальным достатком – готов лишиться некоторой суммы денег, чтобы доказать свою правоту. В адыгской культуре иные ценности – человек без сомнения принесет в жертву самое ценное – жизнь. Гипербола в идиоме подчеркивает значимость правды и справедливости в адыгской культуре. Быть уличенным во лжи позор для истинного адыга. Честь высочайший приоритет для носителей кабардино-черкесского языка. Честность является одним из важных принципов и ориентиров для адыгской культуры. Языковые факты иллюстрируют, что представители этой культуры готовы признать правду, какой бы тяжелой она не была. Приведем некоторые примеры: *пэжым панIцэ укъимыкIуэт* – (букв. ради правды не отступай); *пцIы IэфI нэхъэрэ пэж дыдж* (горькая правда лучше, чем сладкая ложь); *пэж жызыIар щIегъуэжкъым* (правду сказавший не раскаивается). Следует отметить, что

такие качества, как порядочность, благовоспитанность, отношение к труду в кабардино-черкесском языке концептуализируются через понятие *пэж* – правда. Например: *пэжу дунейм тетын* (букв. жить по правде, т.е. быть честным и порядочным); *Луэхум пэжу бгъэдэтын* – (букв. относиться к делу честно, служить делу правдой).

В англосаксонской культуре несколько иное языковое воплощение категории правды. Например, идиомы английского языка:

1) *let the sleeping dog lie* (букв. пусть спящая собака лежит);

2) *white lie* (букв. белая ложь) иллюстрируют отношение общества к правде.

В первом случае прослеживается благосклонное отношение англичан к сокрытию правды: не стоит говорить правду, как и не стоит будить спящую собаку, потому что последствия могут быть непредсказуемыми. Лучше оставить все как есть. Во втором примере *ложь* определяется прилагательным *белый*. Учитывая его положительную коннотацию, можно сделать вывод об одобрительном отношении англосаксов ко лжи. Приведенные идиомы показательны для иллюстрации бытового конформизма, и в некоторой степени принципа вежливости, характерных для англосаксонской культуры. Подобная аналогия прослеживается и в русском языке: *невинная ложь, ложь во спасение*. Следовательно, в какой-то ситуации вполне допустимо сокрытие правды и для представителей русской культуры.

Принцип вежливости проявляется и в некоторых грамматических структурах английского языка. Например: *can't help but, cannot but* (букв. не могу не...); *I cannot but suggest* (букв. не могу не предложить). Любое высказывание в контексте приведенных структур звучит не так ультимативно и безапелляционно, как бы звучало без них.

Человек формирует свой практический и интеллектуальный опыт в контексте определенного природного и предметного пространства. Результа-

ты познавательной и практической деятельности человека складываются в концептуальную систему, часть которой превращается в языковые знаки. Постепенно слова, словосочетания приобретают дополнительный смысл, ценный и значимый для данного языкового коллектива.

Однако, в большей части фразеологического состава культурная информация скрыта в образном основании фразеологизма и в коннотативных аспектах его значения. Для уяснения данного положения необходимо остановиться на самом механизме появления фразеологизма образно-эмотивного характера. Из всего множества предметов и ситуаций пространственно-временного континуума в поле зрения носителя того или иного языка попадают те, что предопределены стереотипами и эталонами его обыденного сознания. Частота, с которой человек встречает в своей жизни тот или иной объект или ситуацию, играет решающую роль в формировании привычных, устойчивых представлений. Эти привычные представления и образуют прототипическую основу образного содержания идиомы.

Приведём некоторые иллюстрации из кабардино-черкесского языка. Например, представление о *бжъынэ* – отверстие в ярме для занозы – как о маленьком по размеру отверстии, имеющем своё функциональное предназначение, через которое человек не сможет пролезть, частая встречаемость которого мотивирована трудовой деятельностью адыгов, активировало прототипическую ситуацию – *бжъынэм игъэпщын* – заставить кого-либо пролезть через маленькое отверстие в ярме. Человек, испытывающий сильно возмущение, гнев, готов ответить обидчику, поставив его в затруднительное положение, сопоставимое с ситуацией, когда ему необходимо пролезть через маленькое отверстие. Прямое, «буквальное» значение словосочетания и служит основой переосмысленного содержания идиомы *бжъынэм игъэпщын* – показать, где раки зимуют.

Проанализируем ещё один пример – *псым тхъу техын* (букв.: снимать с воды масло) – переливать из пустого в порожнее. Знание того, что вода, в силу

своих химических свойств, не может превратиться в масло, активизирует эту прототипическую ситуацию для концептуализации пустого, бесполезного занятия. При этом важна не сама процедура, а то знание, которое извлекается из этого занятия. Таким образом, на основе обыденного сознания, проявляющегося в форме стереотипов и эталонов, и возникает внутренняя форма фразеологизмов. В этом соответственно и проявляется связь ассоциативно-образного основания идиомы и культуры того или иного этноса.

Закрепляясь в языке, фразеологические единицы, в свою очередь, сами становятся носителями стереотипной, символической и эталонной информации. Фразеологизмы транслируют культурную информацию через два компонента внутренней формы: денотативное содержание и образное основание.

Но существует более «высокий» уровень культурной информации, извлекаемый из образно-понятийного содержания фразеологической единицы. Он выявляется в семантике тех фразеологизмов, которые мотивируют в терминах достойно/ недостойно установки и ориентиры человека в обществе, его отношение к окружающему миру, поведенческую модель. Например, фразеологизм *бгым джэдыкIэкIэ еуэн* (букв. пытаться разбить скалу яйцом) – заниматься делом заранее обреченным на неудачу, активизирует установку на то, что плохо тратить время на какое-либо дело, отрицательный результат которого очевиден. Негативное отношение к внешнему проявлению отрицательных эмоций в адыгской культуре прослеживается в образном основании фразеологизма *пэцыр ичын* – (букв. вырывать волосы в ноздрях) со значением *рвать и метать от ярости*. Прототипическая ситуация, концептуализирующая это эмоциональное состояние, квалифицируется как неприличное, недостойное человека занятие с этической точки зрения. Культурные коннотации подобного рода представляют собой определенного рода предписания, которые помогают оценить практическую и духовную деятельность человека. Оценку получают и артефакты в терминах достойные /недостойные культурного самосознания человека.

Человек воспринимает мир сквозь призму своего родного языка. Он моделирует свое поведение, дает оценку окружающим вещам, событиям на основе аксиологической составляющей ЯКМ. В формировании последней значительную роль играют единицы косвенной номинации. Они становятся частью концептуальной системы, сформированной в результате познания мира. Образные единицы языка придает уникальность интерпретации видимого и невидимого миров, делают их этноспецифичными. Можно сказать, что внутриязыковая межъязыковая идиоматичность в значительной степени обуславливают неповторимость и самобытность ЯКМ.

Отражаемая национальным обыденным сознанием картина мира, фиксируется носителями языка в некотором целостном устойчивом формате. Она является результатом длительного исторического развития. Картина мира аккумулирует накопленные знания, практический опыт, эстетическое освоение реального мира. В ней отражаются здравый смысл и алогичность, мифы и легенды, суеверия и предрассудки. ЯКМ сочетает в себе общечеловеческие и национально-специфические особенности

Единицы косвенной номинации образуют значительный пласт ЯКМ. Они воплощают в себе этноспецифические денотаты природного ландшафта, элементы жизненного уклада, формируют аксиологическую компоненту значения. Идиомы являются мощным средством выражения национально-культурной специфики осмысления окружающего мира. Они вбирают в себя культурные пресуппозиции, культурные коннотации, ценностные установки и ориентиры. Именно они определяют уникальность культуры этноса, оказывают значимое влияние на все существование человека.

Выводы

1. Объективирование некоторого концептуального содержания в виде языкового знака предполагает сложный путь от восприятия внешних импульсов по перцептивным каналам, осознания их как ощущений, формирования представлений о них, которые потом приобретают языковую форму. Все это оказывается возможным благодаря сравнению – основе обыденного и научного познания мира.

2. Сравнение имеет универсальную трехчастную логическую структуру, элементы которой получили различные терминологические обозначения в науке. Критерии лаконичности и четкости обусловили наш выбор терминов: понятие, требующее разъяснений, называется *целью*, понятие, которое выполняет эту функцию, именуется *базой*, а объединяющий базу и цель признак называется *модусом*.

3. Сравнение обеспечивает процедуру категоризации – важнейший инструментарий, который позволяет систематизировать окружающую действительность. Сравнение позволяет дать образную характеристику предмету, участвуя, таким образом, в формировании аксиологической картины мира. Психологическая составляющая сравнения заключается в том, что оно позволяет воспринимать мир, заполняющие его вещи в совокупности их признаков. Абстрагирующая способность мышления человека обуславливает возможность выделения отдельного признака из комплекса признаков, образующих суть вещи.

4. Сравнение лежит в основе формирования аналогии – допущение подобия уже известного, и потому понятного, в новой, непознанной области знания – практической или научной. Аналогия способствует появлению вероятного знания, которое может предвосхитить направление развития явления или события.

5. Тождество представляет собой конечный результат процедуры сопоставления. Тождественные отношения предполагают максимальное, или полное совпадение свойств и качеств сравниваемых объектов. Это ожидаемый, объективный результат сравнения реалий объективного мира. Тождество не имеет оценочной градации, исключает генерирование образности.

6. Метафора – это второе название данное объекту, в то время как сравнение предполагает совмещение двух разных предметов, не замещая один другим. Важным критерием отграничения метафоры от сравнения является наличие формального маркера, связывающего *базу* и *цель*.

7. Языковые структуры, являясь воплощением логической модели сравнения, отражают и процесс сравнения. Способы языкового оформления сравнения разнятся от языка к языку и предопределяются его типологическим строем и сформировавшимися традициями. Основные способы оформления компарации – словообразовательные, лексические, морфологические, синтаксические средства.

8. Признак определяется как сторона, показатель, в чем предметы, явления сходны друг с другом или в чем они отличаются друг от друга. Признак находит отражение в структуре лексического значения, в его ядре – *интенционале* или периферии – *импликационале*.

9. Лимитированность лексического состава единиц первичной номинации, а также ограниченные возможности памяти человека обуславливают появление единиц вторичной и косвенной номинации. Помимо номинативной функции они выполняют характеризующую и оценочную функции. Компаративные сочетания формируют эталоны и стереотипы, которые становятся своеобразными ценностными ориентирами для языкового сообщества.

Глава 2. ЭТАЛОНЫ СРАВНЕНИЙ: РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ПРИЗНАКОВ

Данная глава посвящена исследованию корпуса компаративных сочетаний, отобранных из лексикографических источников и литературных произведений. Представлена тематическая классификация *базы* сочетаний – источника признака, показана, их принадлежность к базисному уровню категоризации. На основе характера соотнесения признака – *модуса* компаратива и структуры лексического значения слова (*интенционал, импликационал*), проводится классификация признаков на группы. Представлен детальный анализ каждой из выделенных групп, аргументация сопровождается иллюстративными примерами.

2.1. Категоризация и эталонные сравнения

Каждый язык является уникальным, что проявляется в первую очередь, в особой интерпретации окружающего мира. Восприятие мира, его категоризация и концептуализация являются результатом сложившегося в языке особого мировидения и миропонимания. Каждый язык как бы «формирует» сознание людей, говорящих на этом языке. Поэтому существует мнение, что, сколько на земле языков столько существует и сознаний [Чесноков 1977; Васильев 1974].

В первой главе исследования было показано, что человек формируется под воздействием языка, который определяет ракурс видения мира и особенности его интерпретации. Его менталитет, ценностные установки, модель поведения являются результатом влияния языка, на котором он говорит. [Васильев 1974; Брутян 1973].

Отдавая должное роли языка в формировании языкового сознания человека, его мировидения, нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что человек, независимо от того, где живет и на каком языке говорит, обладает одинаковой биологической и психофизиологической организацией. Более того, представители разных культур контактируют с одним и тем же земным миром, в котором вещи предстают с достаточно одинаковой объективной дискретностью и одинаковым сходством – различием [Битокова 2009].

Природное окружение, которое обуславливает различия бытового уклада и практической деятельности, а также особенности исторического развития того или иного этноса накладывает отпечаток на процедуры категоризации и концептуализации, включая, конечно, и исследуемые эталонные сравнения. Поэтому, вполне естественно, что эталонные сравнения обладают как универсальными особенностями, так и этнически обусловленными чертами.

Эталоны, используемые для квалификации, детализации некоторых признаков объектов, попавших в фокус внимания наблюдателя, выделяются не случайно. По его мнению, они наилучшим образом выполняют классифицирующую функцию, представляя какой-то определённый род объектов через выделенный признак, из какого-то конкретного вида. Например, то, как ходит человек можно детализировать как *бабыцым хуэдэу* – букв. как утка (переваливаясь с ноги на ногу), *джэдум хуэдэу* – букв. как кошка (передвигаться бесшумно), *ужьэм хуэдэу* – букв. как ласка (передвигаться как ласка, бесшумно, чаще о женщине). Сознание человека замечает сходство особенностей перемещения человека и того, как двигаются представители животного мира, фиксирует сходство в сравнительной структуре. В этом проявляется познавательная деятельность человека.

Исследователи отмечают, что компаративы выполняют важную функцию обобщения реалий окружающей действительности [Копыленко, Попова 1989: 119]. З.А. Харитончик, высказывает мысль, что объект сравнения во-

влекается в процедуру сравнения, прежде всего, в целях классификации явлений [Харитончик 2004: 26]. Итогом классификации, как известно, является категоризация объектов и предметов мира.

Ментальная процедура категоризации связана почти со всеми когнитивными способностями и системами в когнитивном аппарате человека. Она лежит в основе важных мыслительных операций – сравнение, отождествление, установление сходства и подобия и т.п. [КСКТ 1997: 42]. В лингвистике процесс категоризации трактуется как классифицирующее явление. Она отражает иерархическую структуру объектов, характерную для конкретной картины мира [Кронгауз 2001:178]. Категоризация предполагает отнесение предмета или явления к определенной оценочной категории. Таким образом, можно сделать вывод, что эталонные сравнения позволяют человеку осуществлять детальную категоризацию, удовлетворяя его познавательные и коммуникативные потребности.

Исследователи отмечают, что человеческая категоризация есть в своей сущности продукт человеческого опыта и воображения – восприятия, двигательной активности и культуры, с одной стороны, и метафоры, метонимии и ментальной образности в целом, с другой [Лакофф 2004: 23].

Учитывая значимость эталонных сравнений в языке, В.Б. Гольдберг считает возможным выделить особый вид категоризации – компаративную категоризацию [Гольдберг 2007: 75]. Ее особенность заключается в осмыслении фрагмента мира, с привлечением выработанного в языковом сознании носителей языка эталона. Он представляет отдельную рубрику, часть опыта человека. Цель компаративной категоризации заключается в новом субъективном осмыслении известного объекта или осмысление чего-либо неизвестного. Компаративная категоризация отражает трехчленную логическую модель сравнения.

2.2. Тематическая классификация эталонов сравнения

Систематизации устойчивых сравнений посвящены работы таких видных ученых как А.В. Кунин, В.А. Амосова, В.Н. Телия, М.М. М.И. Мокиенко, А.А. Уфимцева, М.М. Копыленко, М.И. Конюшкевич, З.Д. Попова, Ю.Н. Караулов и др.

В зависимости от целей и задач исследования устойчивые сравнения подвергаются разнообразной классификации, например, по тематической принадлежности *базы* и *цели* сочетания, по их структурной и грамматической организации, по типу соединительного слова, используемого в сочетании, по образности, оценочному компоненту и т.д.

Так, М.М. Копыленко [Копыленко 1995: 39] на основании признака, лежащего в основе сравнения, выделяет следующие группы:

- 1) физические характеристики человека;
- 2) физические характеристики предметов;
- 3) черты характера людей и их умственные способности;
- 4) дух, настроение людей;
- 5) цвет, оттенки, интенсивность цвета;
- 6) вкусовые характеристики веществ;
- 7) отношения между предметами.

В.Н. Телия предлагает идеографическую классификацию, построенную по структуре от значения идиомы до их полевой принадлежности. В ее классификации получают следующие группы: артефакты, место или месторасположения, физические действия и действия в пространстве, волевые акции, речевые действия, чувства, свойства лица, социальное положение, интеллектуальные акции или состояния и др. [Телия 1996: 167–171].

Классификация устойчивых сочетаний, предложенная М.И. Конюшкевич, основывается на характере проявления категории сравнения в сочетании. Ею выделено семь микрополей, каждое из которых включает несколько видов [Конюшкевич, 2003: 120]. Это такие микрополя как: микрополе идентификацион-

ного тождества, равенства, сходства, приравнивания, репрезентации, соответствия, подобия. В рубрике отличий выделяются такие фрагменты, как несоответствие, неравенства, доминирования, преимущества, превосходства, абсолютива [Конюшкевич 2003: 120].

В зависимости от целей и задач исследования устойчивые сравнения подвергаются разнообразной классификации, например, по тематической принадлежности *базы* и *цели* сочетания, по структурной и грамматической их организации, по типу соединительного слова, используемого в сочетании, по образности, оценочному компоненту и т.д.

В целях решения задач нашего исследования мы использовали классификацию и терминологию Ю.А. Сорокина [2004]. Он выделяет три достаточно обширные группы, к которым можно отнести компаративный элемент.

Первую группу – *натуромерную* – образуют имена, денотаты которых имеют природное, естественное происхождение. Это наше окружение, не зависящее от человека.

Вторую группу образуют имена, к которым в той или иной степени причастен человек. Это продукты практической или интеллектуальной деятельности человека. Она получила название *артефактная* группа.

Третью группу представляют *антропомерные* имена. Она включает имена, которые дают человеку самую разнообразную характеристику.

Каждая группа допускает детальную классификацию, на более мелкие подгруппы.

При проведении классификации мы следовали систематике Ю.А. Сорокина. Некоторые изменения были внесены в рубрикацию каждой из выделенных крупных групп.

Перейдем к непосредственному анализу практического материала. На этом этапе исследования все элементы компаративов, послужившие *базой*, *эталон*

сравнений были распределены по группам и подгруппам. Тематическая классификация сопровождается наиболее яркими иллюстрациями из литературных источников. Примеры из кабардино-черкесского языка сопровождаются переводами на русский язык, выполненными автором диссертационного исследования.

Классификацию предваряет самая многочисленная группа. В соответствии с материалом нашей выборки это **натуромерная** группа. В составе этой группы были выделены следующие подгруппы: *зоонимы* (дикие животные, домашние животные, птицы, насекомые, представители подводного мира, пресноводные, пресмыкающиеся, грызуны); *фитонимы* (деревья, кустарники, цветы и др.) *природные явления*; *ландшафтная лексика*.

2.2.1. Натуромерные эталоны сравнений

Данная группа представлена 11 подгруппами. Их всех объединяет естественный, природный характер появления и существования. Человек не причастен к их возникновению. В нее включены *зоонимы*, *фитонимы*, *ландшафтная лексика*, *природные явления*. В каждой из выделенных групп проводится детальная классификация на более мелкие рубрики.

Натуромерная группа, представленная зоонимами, является самой многочисленной и разнообразной. Тому есть вполне понятное объяснение. Человек, эволюционируя, осваивал окружающее пространство, «знакомился» с другими его живыми обитателями, наблюдал за их повадками, поведением внешним видом. Флора также привлекала внимание человека. Ему были интересны форма деревьев и кустарников, их прочность, плоды, которые они приносили. В этом проявлялась и утилитарная функция – человеку нужно было добывать пищу, строить какое-то жилье, находить источники тепла и т.д. Все это можно было найти в своём ближайшем экологическом окружении и приспособить к своим нуждам. Далее начался процесс одомашнивания

животных и их разведение. Поэтому многочисленными источниками *эталон* *сравнения* являются именно представители животного мира. Помимо того, что представители животного мира всегда находились рядом с человеком, они схожи с человеком по ряду признаков физиологического психологического и эмоционального плана.

Эталоны сравнения из первой **натуромерной группы**.

1. Зоонимы:

А. Домашние животные: хьэ (собака), шы (лошадь), мэл (баран), шы-нэ (ягненок), чыц1 (козленок), ажэ (козел), вы (вол), шыд (осел), кхъуэ (свинья), шк1ащ1э (теленок), жэм (корова), джэду (кошка), джэдкьурт (наседка), хыв (буйвол), джэджьей (цыпленок), хьэрэшк1э (буйволенок).

Приведем некоторые текстовые иллюстрации:

Нт1э, ди нысэ ц1ык1уу кьытхуэгузавэр, мэл хуэдэу 1уцащэу, шы-нэм хуэдэу 1уцабэу, джэд хуэдэу быныф1эу хьэф1ым хуэдэу 1умахуэу, шыф1ым хуэдэу ц1эры1уэу, кьуалэбзуубзэу, убзэрабзэжу тхьэм кьытхуц1игьэк1 [Кешоков 2007:15]. Пусть невестка наша окажется **тихой, как овца, мягкой, как ягненок, многодетной, как курица, удачливой, как добрая собака, знаменитой, как хорошая лошадь, в речи – как птичка, сама услужливая.**

Гугьу зумыгьэхьу, пхуэишхыnum хуэдиз пихьуэ егьажьы еплъыжыт – уэлэхьы, вы гьэишхам хуэдэу узэгук1ык1ыnum [Керефов 2009: 89]. Если ты будешь сидеть, и ничего не делать и будешь есть, сколько влезет, ты станешь **толстым, как откормленный бык.**

Псы бэкьур шы-нэхь кууу1уэм, шы-нэхь зэвым деж шы1уащ1эрти, хьэрэшк1эм хуэдэу ц1ык1ухэм абы зыхагьэук1уриежырт [Керефов 2009:19]. Дети запрудили речку в том месте, где она была уже глубже, а теперь валяются там, **как буйволята.**

Адэшыпхъум кыдэхуэу Луэху шІэн кэнаІамэ зэфІудыну, пцІантІэм зыщихущыхьырт (Сэфар) – зыщихущыхьырти, шацхэ дыгьу кІуэ джэдум хуэдэу, гьуэльыжыгьуэ зэрыхуу лэгьунэм зыщІигьэхуэжырт [Там же, с. 143]. (Сафар) оглядывал двор, были ли какие-либо дела, чтобы быстро их закончить и **подобно коту, который идет украдкой пить молоко**, быстро заходил в спальню.

Б. Дикие животные: мышцэ (медведь), аслъэн (лев), дыгьужь (волк), кьэплъэн (тигр), щомыщэхуэ (рысь), бажэ (лиса), кхьуэпІашэ (дикий кабан), бланэ (олень), цыжьбанэ (еж), шыльэгу (черепаха), номин (обезьяна), шІыІуб (крот), тхэкІумэкІыхь (заяц), хьэІуцыдз (шакал), махьшэ (верблюд), домбей (зубр), клэпхь (белка), пыл (слон), ужьэ (ласка).

Например:

Хьуэжэ Іэнэр щигьэкІуатэм, хьэщІэм дыгьужь нэщІам хуэдэу шхэуэ шІидзащ [Махов, Кардангушев 1994:45]. Как только Ходже поставил стол перед гостем, тот начал есть, **как голодный волк**.

Бахьсэн аузым хьэІуцыдым хуэдэу, щызэблэурт сонэ бандэри, кьэрэшей бандэри, ди хэку бандэри [Эльгаров 1976:64]. В Баксанском ущелье бродили, **как шакалы** и грузинские банды, и карачаевские банды и наши банды.

Мес модэ дыгьэмышхуэ щыхунІэжьым кьыщолъэ ар (Айшэт), щакІуэм игьэгубжьа щомыщэхуэ губжьауэ [Хакунов 1974: 41]. Вон там, на теневой стороне (Айшат) перепрыгивает старую пропасть, **подобно рыси, разозленной охотниками**.

Эталонизация зоонимов в исследуемых языках проявляет достаточно выраженную тенденцию к универсальности. Обращает на себя внимание дифференциация признаков референтов, используемых в качестве образов эталонов. Например, в русском языке: *прост как свинья; смотреть, как баран на новые ворота*. Или в английском языке: *mutton dressed as a lamb* (букв. *Баран,*

одетый, как ягненок – так говорят о молодящейся старушке); *as dumb as a fish* (букв. немой как рыба). Плохая память в английском языке концептуализируется через образ слона: *a memory like an elephant*. Об очень занятом человеке англичане говорят: *to run around like a squirrel in a cage* (букв. крутиться, как белка в клетке).

В. Птицы: джэд (курица), джэдкьурт (наседка), кьуалэбзу (птица – видовое значение), бзу (воробей), дыгьургьуу (сова), жьынду (филин), пцІашхьуэ (ласточка), кьаз (гусь), кьуаргь (ворона), вынд (ворон), адакьэ (петух), кьуанщІэ (дрозд), бабыщ (утка), мэзджэд (фазан), кьанжэ (сорока), бгьэ (орел), жэнэтбзу (щегол), кьыу (лебедь), психьуэ (цапля), тхьэрыкьуэ (голубь), шылэджэд (павлин), кьашыргьэ (коршун).

Приведем некоторые текстовые иллюстрации:

Темир и цхьэр ирихьэхауэ и фІэцу здэщыпэм, гу лъетэ: пхафэм ит цІыху кьомыр, кьашыргьэр зыхьуа джэд гуну зэбгрольэт [Хахов 1992: 38]. Темир, наклонившись, собирал колосья, когда заметил, как люди разбегаются в разные стороны, **будто ястреб налетел на кур.**

Нэхьыжьыи нэхьыщІи цыІэжкьым, си лыжьыщхьы фІэмылІыкІыу, тхьэрыкьуитІ хуэдэу зоубзэрабзэ (Аскэрыжьыи кьопэбжьауэ ныбжьыщІитІым) [Абитов 2009:81]. Ни стыда, ни совести, не обращая внимания на мою старость, **воркуют как голубки** – (старый Аскер не был доволен молодыми).

А тІум (Щэрданымрэ Аралымрэ) япэмыжыжьэу гуэгушыхьу пІыщІам ещхьу зызэфІигьэпцхьауэ, щытт Гьуумари [Кешоков 2005: 221]. Недалеко от них (Шарданова и Аральпова), **как замерзший индюк**, стоял Гумар.

В этой группе не обнаружены сказочные или мифические птицы, которые есть в русском и английском языках: англ. *rise like a phoenix from the ashes*

(букв. восстать, как феникс из пепла); англ. *as dead as a dodo* (букв. мертвый, как ископаемая птица Додо). Русск. *восстать из пепла как птица Феникс*.

Г. Насекомые: цЫв (жук), хьумпIэцIэдж (муравей), хьэдзыгьуанэ (оса), бадзэ (муха), мацIэ (саранча), аргьуей (комар), пкIауэ (кузнечик), бжьэ (пчела), гьудэ (овод), мэлхьэпIатIэ (клещ пастбищный), нэцIэпкIэ (улитка), хьэндьрабгьуэ (бабочка), цIэ (вошь).

Приведем некоторые иллюстрации:

*ПцэддэжыжькIэ акьужь тIэкIу кьыпхырихум жыг пцIацэхэр хьэнд-
рабгьуэ хуэдэу хэбыбэти жыг цIагьым цетIысэххэт* [Гошочков 1973: 9]. Легкий утренний ветерок сдувал листья с деревьев, они **как бабочки** сидели под деревьями.

Абдежым, мацIэм хуэдэу (пацтыхьым и) дээр, топыр цызэхуашэсри жьылэр (Джэри кьуажэр) кьаувыхьац жэщым, пцэддэжыжьым зыри кьыдамыгьэкIыу даукIыхьын пацIэ [Хапсироков 1980:149]. Тогда царские войска ночью, **как саранча** окружили село (Джери), чтобы утром расстрелять всех до единого.

...Цыхум я щхьэ бжьэ еуа хуэдэт, япэм кьайхьулIауэ щыта тIэкIухэри яфIэкIуэдыжауэ [Кешочков 2005: 559]. Люди были в замешательстве, **будто пчела ужалила их в голову**, так как потеряли все, что нажили.

В английском и русском языках наблюдается выделение иных, чем в кабардино-черкесском языке, признаков образов-эталонов для концептуализации, соответственно, иного содержания.

Например: *like a fly in amber* – букв. как муха в янтаре – о чем-то редком, хорошо сохранившемся; *as flat as a flounder* (букв.. плоский, как камбала); русск. *биться как рыба об лед* – тяжелое, безвыходное положение.

Д. Представители подводного мира, пресноводные: бдзэжьей (рыба), хьэндьркьуакьуэ (лягушка), хьэмлашкIуэ (моллюск), псы джэд (нырок), акь (подуст – рыба), дзыдзэ (выдра).

Приведем некоторые примеры:

...*(Маржинэт) блэм жьэдилъэфэну хьэндьркъуакъуэм хуэдэу, зыри кьыфIэмыIуэхужу кIуэуэ ара?* ... [Мафедзев 2003: 89]. Ей (Маржинат) будто было уже все равно, **как той лягушке, которую змея собиралась проглотить.**

Ср. также: *Хэт цыщынкIи, дэнэ кьикIынкIи хуитт, хэт сьт хуэдизрэ кьыу-амыкуами (Индыл), я нэхъ лIы зымыдэрами, и ши, и цхьы хуицIэу зэбудэкIти, уи ныджэм бдзэжъейм хуэдэу кьытебдзэжт...* [Абитов 2005: 8]. Кто бы это ни был, откуда бы он не был, кто осмелился к тебе подойти (Индыл – кабардинское название реки Волга) – ты его и его коня выбрасывала, **как рыбу** на берег.

Е. Пресмыкающиеся: блэ (змея), блащхъуэ (гадюка), хьэпIацIэ (червяк).

Например:

Бэзэрым хьэпIацIэ лыбжъэу цIыхур Iувт. На базаре было очень много людей, нельзя было пройти.

Езыр (пцацэр) кьыхуэкIуэти, я хьэбауэ макъхэр зэхэзэрыхьыжауэ гьунэгьу дьидэ цызэхуэхъум, блэ зэуам хуэдэу, Гуэщнэху лъэныкъуэкIэ зыныIуидзац [Абитов 2009: 48]. Сама (девушка) шла к нему навстречу, когда они были уже совсем близко, (она) Гошнах отскочила в сторону, **как будто ее ужалила змея.**

Ж. Грызуны: дзыгъуэ (мышь), жумэрэн «хомяк».

Например:

Жумэрэным хуэдэу гьэтIыльэн. Запасаться как хомяк.

(БэтIал) жейм езэгътэкъыми, дзыгъуэ мин зэдэлъэпхъацэм ещхьу цIэувэр игьэцхьыщхьыу зызэтигъазэт [Дугужев 1983: 28]. (Бетал) не мог спать на сеновале, поэтому так шумно ворочался, будто рядом **тысяча крыс что-то вместе грызли.**

З. Деревья, кустарники: жыг (дерево), чэщей (самшит вечнозеленый), тхуей кIащIэ (побеги граба), бжэгъу (кол), жыгей (дуб), щиху (тополь).

Например:

Езы Iумэт лIыжъ гъурышхуэр зи кьудамэхэр гуэмытыж жыгыжъ гъужам ещху щытт... [Теунов 1973: 109]. Сам Умат высокий, худой старик стоял, как высохшее дерево без веток.

Тхуей кIащIэм хуэдэу лъэщ и IэшхуитIымкIэ Iэбэщ Хьэбалэри, мо щIалэ псыгъуэр уанэгум къричри кърихъэхащ... [Налоев 1981: 86]. Сильными, как побеги граба, руками Хабала снял худого паренька с седла...

Алий ... щихум ещху, псыгъуэ кIыхът; Хьэжы жыгейм ещху лъахъиэ гъумт [Налоев 1981: 123]. Али был худой и тонкий как тополь, Хаджи – толстый и короткий, как дуб.

Хъусин жыгыжъ кьуабэбжъабэмэ, ар (Ланэ) кIащIэ дахэт, дыгъэм зыхуишшиуэрэ псынищIэу дэжсеуэ [Налоев 1981: 99]. Если Хусин был как заросшее дерево, то Лана – скороспелка, как красивый, гибкий побег.

И. Плоды: мамкьут (малина), мэракIуапцIэ (ежевика), хъарбыз (арбуз), джэш (фасоль), къэб (тыква), кхъужь цIыкIу (груша-дичка), пIырыпI (физалис).

Приведем некоторые примеры:

Гуащэм и нэщхъыр зэхэукIащи, ...пIырыпI гъэнищам ещхъ и Iэпхъуамбэ кIэщI цIыкIухэр мэлIэжъажъэ... [Каширгов 1976:68]. Княгиня явно злится, ... ее маленькие пухлые пальчики похожие на физалис трясутся...

ГушыIэ зэрыфIэфI, гушыIэрейуэ, дыхъэшхрилэу зэрыщытым щхъэкIэ, куржы лIыжъым и нэжъгъитIри гъэ ежъа, фIыуэ ягъэгъуа кхъужь цIыкIум хуэдэу зэльтат ... [Мафедзев 2003: 105]. Из-за того, что старик-грузин любил много шутить и смеяться, глазницы его были сморщены, как сильно высушенные груши-дички.

Ар сым хуэдэу хьыджэбз зэкIэлъыкIуэт езыр (Мудэвейхэ я пхьур), и нитIыр мэракIуаицIэм еицхьу фIыцIабзэу [Налоев 1981: 68]. Она (Мудавеева) была такая ладная девушка, глаза черные, **как ежевика**.

Зи нэпсыр джэшым хуэдэу кьещэцэх нанэм щыIуплэм, Хьызыр и нэгум кьыицIэувэжсац Кьундуз и цIалэ нэхьыжьыр, езым и гьусэу армэм яшауэ цытар ... [Журтов 1997: 110]. Когда Хизир увидел на лице бабушки **слезы, величиной с фасоль**, он вспомнил, как сам со старшим сыном Кундуз уходил в армию.

К. Цветы, злаки, листья, трава: бжьын цIынэ (зеленый лук), нартыху (кукуруза), шэжыпкь (молодой початок кукурузы), пцIащэ (лист), тхьэрыкьуэф (лопух), мэш (колосья проса), щхьэмыж (колос).

Например:

Гьатхэнэ акьужьым игьэицхьыицхь пцIащэ цIынэ цIыкIум еицхьу кIэзызу, таучэлынишэу япэ фIыльагьуныгьэр кьыицхьысхуэкIуаиц... (жеIэ Мадинэ). [Абазова 1994: 15]. Тревожная и нерешительная я (Мадина) дрожала, как **первые весенние листочки на ветру**, когда пришла ко мне первая любовь.

КьарууфI зыбгьэдэль, иджыри жьыгьэр апхуэдизу зэмыицэфыIа, зи жьауэм куэдрэ цIэтыну и гугьа и адэр шэнжьей щабэм здисым, мафIэм ирагьэуа тхьэрыкьуэфым еицхьу, и пкьыр цIэлIэри зэфIэмэхащ ... [Мафедзев 2003: 124]. Отец его еще не совсем старый и полный сил сидел в кресле, как вдруг будто **лопух, опаленный пламенем**, потерял сознание.

ИкьукIэ гуузу лэжьакIуэм Бжыгьэ мылътэр хэцIаиц, Зауэ цIэбэгыу пцыжь куэди Мэш бэв и пхырхэу джэлаиц [Шогенцуков 2000: 115]. Было очень горестно, что в бою погибло много рабочих, много поджигателей войны полегло в бою, подобно **крупным охапкам колосьев**.

И гьуэ нэса щхьэмыж дыщафэм еицхьу, паицIэ дахэишхуэ зытет кьэзакь сэлэт фафIэр IэфракIэкIэ еIуицIит кьыбгьэдэт сэлэт сырыху кьуэгьум, езым ильагьур адрейм имыльагьу хуэдэ хуигьэицIагьуэт... [Дугужев 2011: 142]. Сим-

патичный казак с красивыми **усаами золотистого цвета** («цвета спелых колосьев»), подталкивал рыжего худого солдата, который стоял рядом, будто тот не видел происходящее...

Л. Ландшафт (горы, равнины, леса, водное пространство полезные ископаемые): кьурш (гора), бгы (скала), фIамыщI (уголь), ятIэ (земля, грязь), пщяхьуэ (песок), сагьыз (смола), мывэ (камень), псы (вода), щIыльгэ (равнина), хы (океан), щIыщIагь (подземелье), щIыдагьэ (нефть), фэтыджэн (керосин), бдзапцIэ (свинец), псыкьельгэ (водопад).

Например:

Кельсури псыкьельгэжьри зэрихабзэу, кьуэ зэв льящIэнишэм щыдымт, алъп мыгьасэм тес нарт лыхьужь губжьауэ [Хакунов 1974: 183]. Водопад Кельсури, как всегда, издавал гул в бездонном ущелье, **будто разъяренный герой нарт был в седле необъезженной лошади.**

Гупурэ кьэкIуахэми, я закьуэу кьэкIуахэми зы гупышхуэу заугьуеиж, адэкIэ кIуапIэ щымылIэжу узыдэмыкIыфыну бгышхуэм еуэлIам ещхьу [Дугужев 2011: 142]. Те, которые подошли группами и те, которые подошли по одному – все объединились, и напоминали **огромную скалу, через которую невозможно перебраться.**

Мазэр кьыщIэкIри дунейр нэху кьыщIащ, тенджьыз дыдэр бдзапцIэ гьуэткIуам ещхьу плъагьуу [Кешоков 2006:142]. При лунном свете **море было похоже на расплавленный свинец.**

М. Природные явления: уафэ (небо), уэсукхьуэ (снежная глыба, сугроб), дыгьэ (солнце), уэшх (дождь), мазэ (месяц), гьуэжькуий (вихрь), жьбы (ветер), уэ (град), уэс (снег), уафэхьуэпскI (молния), мыл (лед), пшэ (туча), жьбыбгьэ (переменчивый ветер), жьауэ (тень).

Например:

Уэихыр... шыбз гуартэ жэрыжэклэ блахуа хуэдэ, гьуагьуэри хьуэпсклри зэцлэту цхьэцыклри псыжь псыхьуэклэ дыхьац [Адамоков 1976: 91]. Дождь быстро кончился, **будто мимо прогнали табун лошадей галопом**, гром и молнии тоже сразу прекратились.

Ар (Мурид) кьудамэм зэрелусэу, гьэгьахэр уэсукхьуэм хуэдэу луву кьольэльэх [Шогенцуков Ад. 1962: 15]. Как только он (Мурид) дотронулся до ветки, цветки посыпались толстым слоем, **как снежная глыба**.

Пишанэр, шакьэ лувым хуэдэу, зэхэуат, уафэ цлыху-флывлафэм вагьуэхэр джыджыжу кьитлысхьат... [Керефов 2009:11]. Наступили сумерки, **как густые чернила**, а в темно-синем небе расположились блестящие звезды...

2.2.2. Артефактные эталоны сравнений

В эту группу включены разнообразные предметы, созданные человеком, используемые в быту, имеющие утилитарное назначение, элементы одежды, продукты питания.

А. Предметы быта, домашнего обихода: чын (юла), абдж (стекло), дэп (раскаленный уголь), гьущл (железо), ятлэху (сэху) (известь), шэдыбжь (кузнечный мех), фэнд (бурдюк), фочыку (дуло ружья), шэ (пуля), щай (монета), топ (мяч), нып (флаг), мастэ (игла), мастапэ (кончик иглы), лэгьуасэ (сажа), матэ (корзина), гуахьуэ (вилы), Мэздэгу члисэу (подобно церкви в Моздоке), фэльыр (палка), сын (памятник), уадэ (молоток), гьуджэ (зеркало), дарий лентл (шелковая лента), лэпхьуальгэ (наперсток), шэрхь (колесо), баш (палка), псыутх (лейка), бомбэ (бомба), бэлагь (кухонная деревянная лопата для помешивания блюд – мамылыги, пасты), пшынэ (национальная гармошка), фэнд (бурдюк).

Приведем некоторые текстовые примеры:

Губжьыр я нэм кьыцлыху пхьуэц, зэпаубыдц сэлэтхэми (фызыжьыр), кьэпыжьым хуэдэу машинэ льагэм драутлытцхьейц [Хахов 2013: 78]. Солдаты схватили старушку и забросили в кузов машины, **будто старый мешок**.

Унагъуэ дыхъумэ (егупсысац хъыджэбзыр) сэ ар (щӀалэр) шэху уэздыгъэу къезмыгъэткиухмэ! [Хуаж 2019: 258]. Когда поженимся (подумала девушка), я его заставлю растаять, **подобно восковой свечке.**

*Псори вэржъэр зэрыгъэхъуац: махуэ псом ефэн фӀэкӀа Іуэху зимыӀа поручик Михееври апхуэдизкӀэ хъэлэл хъуащи, **чыныжъ хуэдэу** утыкум щоджэрэз* [Абитов 1986:45]. Компания развеселилась: весь день только и пили, гудели, а теперь, раздобревший поручик Михеев, **крутится как юла** в центре комнаты.

*Сеймэн зыгуэр къыпицэнут, арицхъэкӀэ абы нимыгъэсу Мэмэт-щӀакъуэр къеуэци, къриудыхри шыгухур псым хэхуац, **ерэн зэрыт фэндыхъым хуэдэу*** [Кешоков 2006: 65]. Сейман хотел что-то добавить, но Мамат-шако не дал ему договорить, ударил его, сбил с коня и тот упал в воду, **как бурдюк полный айрана.**

Б. Продукты питания: фошыгъущхъэ (головка сахара), джэдыкӀэ (яйцо), щӀакхъуэзэтеупӀэщӀыкӀ (слоеный хлеб), шыбжий (перец), шыгъу кӀанэ (кусочек соли), бэдрэжан (помидоры), хъэкъурт (мука из жареной кукурузы), джэдыкӀампӀэ (скорлупа яичная), фо (мед), псы (вода), жэрумэ (жарума, национальное блюдо – завернутый в требуху курдючный жир).

Приведем некоторые текстовые примеры:

*Нахъуэ джэгумэ и джэгукӀэр псоми яцӀэрт: «СогъэпцӀ, дэп уэзмыгъэшхым, мафӀэр къыпӀурыльэлъу», – жиӀэнти игу иримыхъыр, **шыбжий зышхам ецхъу, щӀигъэӀэнт ...*** [Кешоков 2005: 87]. Если Нахо шутил, то все знали его манеру: «Клянусь, я заставлю тебя съесть уголь так, чтобы сыпались искры», – говорил он тем, кто ему не нравился, и они убегали прочь, **как будто съел перец.**

*Хъупиц игъащӀэми къузгъунт, иджы ахъиэ зэтрилъхъэу щӀидзэри **шыгъу кӀанэ хъуащи*** [Налоев 1981:275]. «Хупиц всю жизнь был жадным, а теперь, когда поднакопил денег, стал совсем скупым, **словно твердый кусочек соли.**»

(Къэралбий) и щхъэр хъарбыз кIыхьым ещхът, и щхъэщыгум зыщипунэцIрэ, и жьэкъыпэм дежи папцIэ щыхъужу [Налоев 1981: 209]. **Голова** у (Каральби) была **похожа на длинный арбуз**, который становился острым кверху и у подбородка.

В. Предметы одежды: кIартIуз натIэ (kozyрек картуза), IэльэщI кхъуакIэ (край платка).

Например:

Iэщыхъуэхэр зыщыпсэу унэм и карнизхэм мыл папцIэхэр пицIыхъати, IэльэщI кхъуакIэм хуэдэу, унащхъэм тель уэсым къыщIэблэблырт [Туаршиев 1978: 99]. На карнизах домика, в котором жили скотники, появились льдинки, **напоминающие неровные края платка**.

Псы Iуфэм кIартIуз натIэу тегъэщIа нэпкъ лъагэм ирадзыхыну Iуахуэу и лъабжъэр щIым фIигъанэу зырыримыгъэдзыхам хуэдэу, зы мIэрысей жыг ин нэпкъым щхъэщытц [Кауфов 2000: 9]. На высоком обрыве подобном **козырьку картуза**, стоит огромная яблоня, будто ее хотели скинуть с обрыва, а она зацепилась корнями и осталась.

2.2.3. Антропомерные эталоны сравнений

Данная группа объединяет слова, которые так или иначе связаны с человеком, его физическим строением (соматизмы), происхождением, родом деятельности, именем.

А. Род деятельности, профессии, термины родства: зауэлI (военный, солдат), анэ (мать), пелуан (богатырь), мэлыхъуэжь (чабан), уэркъ (дворянин), сабий (ребенок), уд фызыжь (ведьма, колдунья), ныбжьэгъу (друг), пщы (князь), лIакъуэлIэш (представитель кабардинского дворянского сословия), факъырэ (нищий).

Например:

(Къэжэр ХьэкIашэ жиIэу:) Жылэр губгъуэм итиц тицIантIэпсыр я жьэкъыпэм къыпыжу, уэ, **лIакъуэлIэшыжь нэхъей, фошыгъу шей уофэри уцысиц!** [Налоев 1981: 209]. Весь народ сейчас работает на поле в поте лица, а ты, как дворянин, пьешь чай с сахаром и сидишь тут!

Сэри сыундэрэбжъауэ, си хьэлъэр сIыгъыу, жьым зэцIуубыда, зи ныбжь нэса лIыжь хуэдэ, сельэбышауэу сежъэжаиц [Шогенцуков 2000: 12]. И я тоже, оцепеневший со своим грузом, **будто столетний старик**, прихрамывая, пошел дальше.

(ЩIалэм) и плIэр мэлыхъуэжьи плIэу бгъуэт, и бгыр адыгэ уэркъыу псыгъуэт [Теунов 1973: 89]. Плечи (парня) были **широкие, как у чабана**, а талия тонкая, как у кабардинских князей.

Б. Соматизмы (наименования частей тела человека): нэкIу (лицо), Iэдий (предплечье), лъы (кровь), нэ (глаз), псэ (душа), жьакIэ (борода), гуэрэф (фурункул), Iэгушыз бгы (обхват ладони – о тонком талии), дзэ (зубы), нэщIашэ (глазницы), лъэбжьанэ (ногти), лъакъуэ (ноги).

Например:

А дакъыкъэм Инармэс игъащIэм лъагъугъуафIэу... къыщыхъуу щыта нэкIур – Нэзэр и нэкIур! – зэрынэкIутэбакъыр, зэрыекуэкунишэр... зэуэ къылъэгъуаиц... [Налоев 1981: 175]. В эту минуту Инармес увидел, что **лицо** Назара **похоже на огромную миску**, что оно бессовестное и не такое привлекательное, как ему казалось...

Албэч и гъуэнишэдэж лъапэхэр лъэнкIампIэнэгэгъум фIэкIыу дэгъэдэжэрэ зэяици... абы лъакъуэмастэ щIохъукI [Налоев 1981: 265]. Альбек закатал штанины, и от этого его **ноги кажутся сильно тонкими**.

Бэлэ лъакъуэмастэти, зыри къыкIэльэцIэмыхъуэ къосыж... [Там же: 222]. **Бэлла была быстроногой**, поэтому прибежала раньше других.

В. Имена, клички, прозвища: Андемыркъан – имя эпического героя – Андемиркан, Хъуэжэ – имя фольклорного героя, Жанхъуэтхъэблэ – имя кабардинского рода.

Например:

Хъуэжэ и бэцмакыу зыкыгъэнэн. – Остаться подобно **Ходже**, который оставил один башмак, чтобы вернуться.

Жанхъуэтхъэблэ къафэу (къытрегъээж) (повторяется как танец Жанхотхаблевцев).

Сэ ХъэцЫкыу и тцІэгъуалэжъым ...сигъэшэри ІуэхутхъэбзацІэ сагъэкІуати... абы иужькІэ хъэблэ цІыкІур мазэ енкІэ сяужь имыкІыжа, Андемыркъаныр къэтэджыжу къыдэувэжа нэхъей... [Налоев 1981: 175]. Однажды меня посадили на коня Хацука и отправили по делам, после чего ребята с нашей улицы ходили за мной целый месяц, **будто Андемиркан воскрес.**

Представленность этой группы минимальна по сравнению с русским и английским языками. В английском языке мы находим: *as strong as Hercules; as happy as Larry; as greedy as Midas; as rich as Rockefeller; as old as Methusalem, mad as a hatter, as thick as thieves; as bold as a thief* и др.

В русском языке также высока степень эталонизации собственных имен, и имен, обозначающих профессии. Например: *жадный как Плюшкин; немой как Герасим; нервный как учитель; сильный как Геракл; богатый как Буратино; рассуждать, как профессор* и др.

По всей вероятности фольклорные источники оказываются недостаточными для выделения онимов языковым сознанием и их эталонизации. Нужны развитые литературные традиции с длительной историей. Вероятно, при этих условиях возможен их переход в обиходную речь и закрепление в когнитивной базе.

Г. Названия лица (реального или мифического): по этнической принадлежности – цыджан (цыган), по расовой принадлежности – негр (негр), нарт – герой древнего адыгского эпоса; алмэсты – мифическое существо.

Рубрики этой группы представлены единичными примерами:

Нэсауэ ар мэзылIt (Хьэрун и гьусэр), фIыцIэшхуэу, накъэдыкъэу, алмэ-сты хуэдэу и Iэхэр кIыхьу [Теунов 1973: 67]. Тот, который был с Харуном – это был настоящий леший, сам черный, большой, с длинными руками, точно как алмасты (снежный человек).

Ар (Атэбий) нартым хуэдэу бланэт, анэм хуэдэу гу щабэт, блэм хуэдэу леймыгъэгъут, тхьэIухудхэм я нэгум жейр щIэзыхым хуэдэу дахэт [Шекихачев 1992: 169]. Он (Атаби) был **сильным как нарт**, мягкосердечным, при этом мстительным как змея, а сам был настолько красив, что мог лишать сна многих красавиц.

Материал исследования позволяет заключить, что и русский и английский языки не обнаруживают большого количества примеров использования имен этой группы в качестве образов эталонов.

Например: русск. *богатый как новый русский; довольный как сто китайцев; жадный как еврей*; англ.: *as false as a Scot* – неискренний, лживый, как шотландец; *it is like Greek to me* – букв. как греческий для меня; (китайская грамота); *like a Trojan* – букв. как Троянец, мужественно, геройски; *Mexican breakfast* – букв. мексиканский завтрак, голодный паек – сигарета и стакан воды.

Прочее: хьэдэ (труп), хьэдэкъуаншэ (скрюченный, окоченевший труп), ажал (смерть), нэщыпхьуэ (гипноз, внушение), гьуабжэгуэ (мираж).

Например:

Хьэдэкъуанишэу зэфIэкъарэ, и нэ ифшихь-ипырхьыхьу къуэиш курытыр жейт [Абитов 2005: 167]. **Скрюченный, как окоченевший труп**, похрапывая, спал средний брат.

ЖыIэщIэрэ, нэщыпхьуэм щIэту яшэм хуэдэу, Жамбот Iэнкуну бгъэдыхьэу зы IэкIэ щедэхащIэм, гуфIацэри (шым) цхьэкIэ зыкьыщыхьуащ [Абитов 2009: 152]. Жамбот послушно, **как будто его вели под гипнозом**, подошел к лошади и погладил ее, а лошадь в ответ коснулась его головой.

2.3. Признаки в эталонных сравнениях

2.3.1. Эталоны сравнений: общие черты

Как было сказано в первой главе, эталонные сравнения являются языковым проявлением трехчастной логической структуры. Первый компонент – объект сравнения (*Comparandum*), уточняется, оценивается, конкретизируется через отсылку ко второму элементу – эталону сравнения (*Comparatum*), посредством объединяющего их признака (*Tertium comparationis*).

К эталону сравнения предъявляются особые требования. Он должен быть хорошо «знаком» носителям языка, не вызывать никаких сомнений относительно его свойств, качеств и признаков. Его присутствие в когнитивном пространстве носителя языка должно быть устойчивым и стабильным. По терминологии Н.Н. Болдырева человек должен обладать когнитивным контекстом – блоком знаний об объекте [Болдырев 2001: 60].

Блок знаний может включать разное знание об объекте: типичное, традиционное, закрепленное в данной культуре, и субъективное, формируемое на основании личного опыта и впечатлений конкретного индивида. Традиционный пакет знаний, именуется фреймом, и понимается как культурно-обусловленного знания, общего для подавляющей части сообщества [Болдырев 2001]. Именно они и являются определяющими при идентификации эталона сравнения и выборе нужного признака или свойства.

Проиллюстрируем сказанное на материале кабардино-черкесского языка. Например, в указанном языке высокая степень вины, передается сравнением *арэфу къуанишэ* – (букв. виноват, не прав как багор). В качестве эталонной базы выбран инструмент *арэф* (багор) – деревянная кривая палка, крюк, имеющий резко загнутый конец. Он используется для того, что бы доставать бревна из воды, или швартоваться. Эта информация формирует когнитивный

пакет знаний. Наличие резко загнутого конца у ровной палки послужило основой его использования в качестве эталона неправоты в адыгской лингвокультуре. Но не только это. Эталонизации данного объекта предшествует длительное «знакомство», хорошее знание всех характеристик этого приспособления, «одобрение» языковым коллективом его использования для концептуализации степени неправоты человека. Это традиционное знание тоже является составной частью когнитивного блока.

Итак, для того, чтобы объект мог служить базой в компаративном сочетании, он должен обладать свойствами выделенности, салиентности. [Langacker, 2000: 6]. Они являются необходимым условием для выбора того или иного объекта предметного мира в качестве основы для образной концептуализации.

Приведем пример из материала английского языка: *straight as an arrow* – прямой, как стрела. Так англичане говорят о неподкупном, высокоморальном человеке. Существительное *arrow* толкуется как: *a long, thin stick, pointed at one end, that can be shot from a bow* – длинный тонкий стержень, заострённый на одном конце, из которого можно стрелять из лука. Когнитивный контекст для *стрелы*, помимо элементов, приведенных в словарном толковании, включает и такой признак как *прямой*. И еще дополнительные знания, что это оружие и последствия его использования известны. Именно признак *ровный, прямой*, входящий во фрейм *стрела*, выделяется и генерирует новое значение – качество, свойственное человеку – прямолинейность, неподкупность и т.п.

Еще один пример: *phony as a three-dollar bill* – странный, как трехдолларовая купюра, с большими странностями. Человек, не знакомый с системой денежных единиц США, призадумается, в чем же тут «странность». И только знание того, что купюры такого номинала в США не выпускают, факт, известный американцам, безусловно входящий во фрейм «доллар» формирует значение эталонного сравнения.

Существование общего для носителей языка когнитивного контекста репрезентанта признака, обуславливает возможность осуществления акта сравнения, добиваясь нужной детализации и оценочной квалификации опорного элемента. Общий анализ денотативного значения второго элемента и его места в корпусе номинативных средств языка позволяет сделать следующее заключение. Все элементы сравнения, образующие его *базу*, относятся к разряду конкретной лексики. Это объединенные в большие группы натуромерные слова, артефакты, антропомерные слова. Такое ограничение вполне естественно. Только конкретные референты имеют чувственно-воспринимаемый образ, который умозрительно можно расчленивать на признаки и выделить в их системе искомый, а также обратиться к их прагматической и экстралингвистической информации. Например, *щихум хуэдэу псыгъуэ кIыхъу* – как тополь, тонкий и высокий; *фочыкум хуэдэу захуэу* – (букв. ровный, как ствол ружья) так говорят о строчках в швейном изделии, которое сшито вручную. Словарное толкование – ‘Выходное отверстие канала ствола огнестрельного оружия, а также самый ствол’ не содержит компонента – ‘ровный’. Он выводится из когнитивного контекста, говорящих на кабардино-черкесском языке. Для наглядности приведем один пример:

Абы (дакIуэхэм) зы дэкIэ, зы IэбэкIэ яIэщи, уэзгъэльэгъуащэрэт, лейуэ зы джыль закъуэ зыщIыпIэкIэ ягъакIуэркъым, я дыпIэхэр фочыкум хуэдэу ишащ, захуэщ... [Мафедзев 2003: 83]. А как работают они (портнихи), как бы я хотел тебе показать: **строчки ровные как ствол ружья.**

Приведем пример из английского языка: *as slippery as an eel* (букв. скользкий, как угорь). *Eel* – угорь – a long thin fish that looks like a snake and can be eaten. Здесь тоже признак ‘скользкий’ выводится из когнитивного контекста, и не только англоговорящих, но и представителей других культур, «знакомых» с этим пресмыкающимся, чего нельзя сказать о кабардинской

культуре. ‘Угорь’, как впрочем, и другие пресмыкающиеся не употребляются в пищу кабардинцами.

Помимо свойства *конкретность*, как показывает материал, референтные имена, сравнений, образующих ее *базу*, входят в базисный уровень категоризации [Lakoff 1987:31–38; Ungerer, Schmid 2006: 60–66; Рош 1988, 1999]. Он занимает промежуточное положение между вышестоящим *суперординатным* (superordinate) уровнем и нижестоящим *субординатным* уровнем (subordinate) категоризации [Рош 1988]. В терминологии Дж. Лакоффа это «непосредственно значимые концепты базового уровня», к которым он относит такие слова, как небо, вода, люди [Лакофф 2004б: 352, 365]. С точки зрения их морфологической организации большей частью это простые слова с немотивированной внутренней формой. Например, в кабардино-черкесском языке: *псы* – вода; *жыг* – дерево; *шы* – лошадь, *пэ* – нос, *нэ* – глаз и т.д. В английском языке: *sky, day, cat* etc. Дж. Лакофф предлагает рассматривать эти слова как точку отсчета в концептуализации нового содержания человеческого опыта.

Лексика базисного уровня не предполагает значительных затрат для освоения и воспроизведения, легко запоминается поэтому в первую очередь входит в лексикон человека [Болдырев 2001: 86]. Именно она формирует языковой инструментальный познания мира.

Следует отметить что, принадлежность к базисному уровню формирует и стереотипный характер слов, используемых в качестве *базы*.

Вслед за В.В. Красных под стереотипом мы понимаем редуцированный (до значимого минимума) образ, хранящийся в сознании в виде фрейм-структуры [Красных 2003: 232]. Стереотип трактуется как некоторое представление фрагмента окружающей действительности, фиксированная ментальная «картинка». Она является результатом отражения в сознании лично-

сти типичного фрагмента действительности, своего рода инвариант определённого участка картины мира.

С течением времени стереотип начинает выполнять функцию эталона. Стереотипы и эталоны представляют собой сложную систему. Они складываются под воздействием в первую очередь экологического окружения. То, что человек видит каждый день: горы, степи, песок, море снег и т.д. формирует источник эталонов и стереотипов. Природное окружение человека во многом определяет его практическую деятельность, условия и уклад жизни. Они формируют другой богатый источник эталонов и стереотипов обыденного сознания. Подобно тому, как стихийно складывается обыденное сознание человека, так же стихийно складывается система эталонов и стереотипов языкового коллектива.

Выбор объекта эталонизации определяется принципом его выделенности среди других подобных ему предметов. Если пользоваться языком теории прототипов, таким объектом становится «лучший» образец категории в силу его частой встречаемости в природе, в быту носителей языка. Например, для адыгов, несомненно, «лучшим» образцом категории домашних животных будет лошадь – *шы*. Для представителей англосаксонской культуры «лучшим» примером категории птиц будет малиновка – *robin*. В сознании русских центральную позицию занимает другая птица – *воробей*.

Итак, *эталон* – это некий идеализированный стереотип, который на социально – психологическом уровне выступает как проявление нормативных представлений о человеке, мире, обществе [Маслова 2001: 190]. Так, например, стереотипом-образом голодного человека в кабардино-черкесском, английском и русском языках является *волк*: каб. - черк.- *дыгъужьым хуэдэу*; англ.- *as hungry as a wolf*; русск.- *голодный как волк*. Но эталоном жадности в кабардино-черкесском языке является *кусоч соли* – *шыгъу кланэм хуэдэу* – букв. *жадный как кусоч соли*, у которого нет аналогов ни в русском ни в английском языках.

2.4. Классификация признаков эталонов в сравнениях

На следующем этапе исследования проводится систематика признаков, выделяемых в базе, эталоне сравнения. Для формализации анализа и получения достоверных результатов представляется необходимым опереться на существующие классификации структуры лексического значения слова. Возможность ее структурного разложения была показана на материале многих исследований. Наиболее приемлемой для целей нашего исследования является концепция организации структуры значения слова, разработанная М.В. Никитиным [Никитин 1983].

В структуре признаков выделяется инвариантная часть, содержательное ядро лексического значения – *интенционал*. Он, как правило, соответствует понятийной основе объекта. Другая составляющая структуры значения – *импликационал* – периферия. Она формируется второстепенными признаками, которые отражают ассоциации и стереотипы, связанные с данным объектом, сложившиеся в языковом коллективе [Никитин 1983: 26–27]. Периферия признаков отягощается различного рода коннотациями прагматического характера. Первая составляющая – *интенционал* формирует логико-предметную компоненту значения, является обязательной, его знание входит в знание языка, что отражается в словарных статьях как определение значения. Набор импликационных признаков формируются комплексом энциклопедической, научной и ассоциативной информации. Они не определяют знание языка, объем этих знаний разнится от человека к человеку, и зависит от образования, эрудиции и общего культурного фона человека. При этом общая для всех носителей языка часть формирует когнитивный контекст. Он в обязательном порядке включает *интенционал* и некоторую часть *импликационала*, часть же периферийных признаков варьируется от человека к человеку. При этом их высвечивание и правильная интерпретация не составляет труда для носителей языка.

Итак, значение языкового знака формируется сочетанием обязательной, неизменной логико-предметной составляющей, которая выполняет различительную функцию, и периферией признаков, которые аккумулируют наши знания о предмете. Периферийные признаки приобретают коннотативный «шлейф», которым знак «обрастает» в результате своего «проживания» в определенном культурном пространстве.

Проведение анализа признаков проводится с опорой на словарные определения репрезентантов эталонов. При этом признаки, совпадающие со словарной дефиницией, считаются *сущностными*, поскольку они определяют сущность предмета, их наличие является обязательным для определения тождества объекта.

Те признаки, которые не обнаруживаются в толковании, но входят в *импликационал*, в ближайшую или дальнейшую периферию признаков, допускают опционное использование, признаются *характерными*.

В третьей группе эталонных сравнений не представляется возможным установить связующий *базу* и *цель* признак на основании сравнения всего комплекса признаков и свойств элементов компаративной структуры. Подобные признаки именуется *приписанными* или *немотивированными*.

Далее перейдем к анализу и описанию каждой из выделенных групп эталонных сравнений.

Первая группа самая малочисленная по вполне понятным причинам. *Сущностные* признаки, назначение которых выполнять различительную функцию, не могут служить целям создания сравнительного сочетания. Как правило, их количество ограничено, и их основное предназначение – передать логико-предметное содержание слова, то в каком виде его приемлемо зафиксировать в словаре. Фиксированный в словарной статье эталон цвета для наглядности выделяется подчеркиванием.

Анализ сущностных признаков начнем с примеров из кабардино-черкесского языка.

2.4.1. Сущностные признаки эталонов сравнений

Обыденное сознание человека интерпретирует цветовую картину мира на основании цветовой палитры природного окружения и цветовых характеристик, которые он черпает из своего практического опыта. Цвет неба, травы, земли, снега, огня, обрабатываемой глины, песка и т.д. формирует эталонную базу для концептуализации цвета. При этом то, что человек видит чаще, выделяется и фиксируется его сознанием для обозначения цвета. Без предмета, объекта, носителя того или иного цвета сознание человека не может идентифицировать цвет. Что касается ахроматических цветов – черного, серого и белого – они вообще не поддаются определению. Можно предположить, что именно этот факт объясняет преобладание белого и черного цветов в эталонных сравнениях исследуемых языков.

Итак, «безликие» физические параметры цвета – факты научного знания – становятся наглядными в призме эталонов обыденного познания, в основе которого лежит чувственное восприятие «живой» картины мира. Восприятие, отмеченное этнокультурной спецификой, предопределяет палитру цвета в каждой лингвокультуре.

Далее перейдем к анализу эмпирического материала.

Репрезентанты эталонов цвета в кабардино-черкесском языке

Вындым хуэдэу фЫцІэщ – черный как ворон; *вынд* – птица, представитель воробьинообразных, с черным оперением.

Например: *Сэхум хуэдэу фагъуэ и нэклу гъурымрэ вындым хуэдэу и жьакІэ фЫцІэмрэ* – зыр зым апхуэдизкІэ игъэнаІуэрти, гуемыІуу зэщымыщ къыпфІигъэщІырт [КІэрэф 2009: 78]. Бледные как извёстка худые лица и **черные, как ворон**, бороды, мужчины настолько сильно выделялись, что казались неестественными.

КIэгъуасэм хуэдэу фIьцIэ (букв. черный как сажа). КIэгъуасэ – Черный налет на внутренних частях печей, дымоходов – продукт неполного сгорания топлива.

ФIамьщIым хуэдэу фIьцIэ – (букв. черный как уголь). ФIамьщI – уголь – Твердое горючее вещество, обычно черное, органического происхождения.

Уэсым хуэдэу хужьщ – белый как снег. Снег – осадки, выпадающие в виде белых звездообразных кристаллов или в виде хлопьев, представляющих собою скопление таких кристаллов.

Чэщейм хуэдэу хужьбу – белый как самшит. Чэщей – самшит вечнозеленое дерево. Высушенная древесина самшита имеет равномерную матовую окраску от светло-жёлтого до воскового цвета.

Шэхум хуэдэу (и фэр пыкIауэ) – побледнеть как воск.

‘Шэху’ (воск) – мягкое вещество, обычно желтого или белого цвета. Оно вырабатывается пчелами и служит им для постройки сотов. Сочетание концептуализирует изменение привычного цвета лица под воздействием каких-либо внешних факторов.

Например: *Ефэндым Iуэхур кьыцыгурыIуэм, и фэр шэхум хуэдэу пыкIауэ, кIийуэ щIидзащ...* [Махов, Кардангушев 1994: 46]. Когда эфенди понял, в чем дело, он **побледнел, как воск** и начал кричать...

ЯтIэхум хуэдэу (и фэр пыкIауэ) – побледнеть как известь. ЯтIэху (известь) – это белое минеральное вещество. Его получают посредством обжига и переработки известняков. Данное сочетание также помимо колоративного признака акцентирует изменение привычного цвета лица человека.

Сэхум хуэдэу – как известь (побледнеть). Сэху – известка; словарное толкование этого значения, как и предыдущее, содержит компонент белый. Сочетание также акцентирует перемену в цвете лица человека из-за каких-либо внешних факторов.

Мамкът пльыжъым ещхъу – похожий на красную малину. Мамкът – многолетний полукустарник семейства розоцветных, с ароматными плодами обычно красного цвета.

Например: ср., например: *Чэтмэс ехыпIэм и лъабжъэм ... мамкът хъуар щыгъэ пльыжъым ещхъу дэнэкIи фIэблауэ ... пльагъунуц* [Мафедзев 2003: 27]. Спустившись со склона Четмеса, можно увидеть **спелую малину как красные бусы**, разбросанные по всей поляне.

Репрезентанты эталонов цвета в английском языке:

as black as a crow – (букв. черный, как ворона); *as black as a raven's wing* – (букв. черный, как вороново крыло). Сущностный признак *black* фиксирован в логико-предметном содержании лексемы: Raven – a large heavily built crow with mainly black plumage, feeding chiefly on carrion.

as black as a sloe – букв. черный, как терн, Sloe – a small, bluish-black fruit that tastes sour. Плоды приобретают цвет, близкий к черному, на стадии спелости. Тогда они и становятся пригодными для употребления в пищу. Следовательно, стадия спелости этих плодов выделяется как прототипическая и эталонизируется как репрезентант черного цвета.

as black as ink – букв. черный, как чернила. Здесь следует уточнить, что в современном мире, *чернила* определяются как ‘coloured liquid used for writing, printing, and drawing’ – цветная жидкость, используемая для письма, печати или рисования. Но в период появления этого компаратива, чернила были черными, что и объясняет его эталонизацию.

as black as tar – Tar (гудрон) – a black substance, sticky when hot, used especially for making roads.

as black as soot – букв. черный как копоть; Soot – a black powder composed mainly of carbon, produced when coal, wood, etc. is burned.

as black as coal – букв. черный как уголь; Coal a hard, black substance that is dug from the earth in pieces.

red as raspberry – (букв. красный как малина); Raspberry – an edible soft fruit related to the blackberry, consisting of a cluster of reddish-pink drupelets.

as red as blood (букв. красный как кровь), Blood – the red liquid that flows around your body.

as red as a beet – красный, багровый как свекла. Beetroot – the small, round, dark red root of a plant, eaten cooked as a vegetable, especially cold in salads. Примечательно, что *белая свекла* (beet), имеющая белый корень используемая для получения сахара, не была выделена для эталонизации белого цвета. Это говорит о ее меньшей распространенности и значимости в англосаксонской культуре.

as white as chalk – белый, как мел. Chalk – a type of soft white rock. Chalk – вид мягкого белого известняка, распространённого особенно на Юге Великобритании, в прибрежной зоне. Их большое скопление представляют Меловые скалы (Beachy Head).

В англосаксонской культуре в качестве эталона черного цвета выделяются шляпа и ботинки: *black as my (your) hat* (черный как моя (ваша) шляпа), *black as your boots* (черный как (ваши) ботинки). Прохорова М.Е. [Прохорова 2006: 219] объясняет этот факт тем, что черная шляпа и черные ботинки являются классическими атрибутами английского джентльмена. И поэтому головной убор, и обувь именно этого цвета чаще привлекают внимание человека.

Репрезентанты эталонов цвета в русском языке:

бел, как лунь – ‘Лунь’ – хищная птица семейства ястребиных, с серовато-белым оперением у взрослых самцов’.

красный как мак – красный – ‘мак’ травянистое растение с длинным стеблем и крупными, обычно красными цветками.

красный как кумач – ‘кумач’ – хлопчатобумажная ярко-красная ткань.

красный как медный самовар – Металлический прибор для кипячения воды с топкой внутри, наполняемой угольями, изготавливается из меди. Медь, как известно, имеет *красноватый* отлив.

Материал выборки показывает, что ахроматические цвета *белый, черный*, и один из основных цветов – *красный* представляют наибольший интерес для представителей адыгской, английской и русской культур. Их квалификация, уточнение через объекты и предметы из ближайшего окружения также обнаруживает значительное сходство.

При анализе эталона цвета следует учитывать, что в случае выбора представителями различных культур объекта из привычного природно-ландшафтного окружения, наблюдается регулярное совпадение эталонов. Например, русск. *голубой как небо*, англ. *blue as the sky*, каб.-черк. *уафэм хуэдэу ицхъуантIэ*. Или другой ряд: русск. *зеленый как трава*, англ. *as green as grass*, каб.-черк. – *удзыфэ* – цвета травы.

При определении эталона сравнения необходимо учитывать фактор времени и утилитарное назначение объекта эталонизации. Например, не вызывающий сомнений относительно своей прототипичности объект *рак*, в сочетании *красный, как рак* иллюстрирует это положение. Представители русской культуры знакомы с тем, что *рак* в результате термической обработки становится *красным*. Именно в таком качестве *рак* и его признак *красный* выделяется и фиксируется в когнитивной базе русскоговорящих.

Обращает на себя внимание, тот факт, что при отсутствии однозначной цветовой дефиниции в словаре (*reddish, серовато-белый, восковой, dark-red* и др.) языковое сознание тяготеет к выбору базового цвета – *красный, белый, черный*. Именно эти колоративы в случае неполноты проявления цвета отбираются носителями языка. Стремление к абсолютной однозначности подтверждает

стремление мышления человека к определенности. Выбор определённых объектов из всего многообразия объектов, обладающих тем или иным цветовым признаком, свидетельствует об их прототипичности.

Репрезентанты эталонов вкуса

Вкус – это ощущение, возникающее при воздействии различных веществ на вкусовые рецепторы, расположенные на поверхности языка, а также в слизистой оболочке ротовой полости. Основными вкусовыми ощущениями являются – горькое, сладкое, кислое, соленое.

С помощью перцептивного канала вкуса человек может получить достаточный объем информации об окружающем мире. Учитывая, что вкусовые ощущения, развиваются и постепенно складываются в пищевые привычки, можно говорить о включении вкусового опыта в когнитивную базу человека.

Вкус относится к разряду сложных, четко неструктурированных, диффузных ощущений. Ощущения эти чрезвычайно субъективны и носят скалярный характер. Можно говорить о ярких вкусовых ощущениях, связанных с любимой едой, или едой, имеющей специфический уникальный вкус. Вкусовые ощущения носят пассивный характер, человек не в состоянии влиять на свои вкусовые ощущения. Некоторые продукты, входящие в центр категории продуктов питания формируют базу для эталонизации. Это происходит из-за приобретенного ими стереотипного статуса в том или ином языковом коллективе.

Начнем с представления примеров из кабардино-черкесского языка.

Зэзым хуэдэу дыджц – горький как желчь. Зэз – желто-зеленая горькая жидкость.

Фом хуэдэу ІэфІц – сладкий как мед. Фо – сладкий продукт, вырабатываемый пчелами весной.

Шыбжийм хэдэу – как перец острый. Шыбжий – растение из семейства перечных, плоды которого имеют специфический острый и жгучий вкус.

Аркъэм хуэдэу гуащІэ (букв. горький как водка). Хотя этот алкогольный напиток обычной оценивается с точки зрения его крепости.

Референты репрезентантов сравнений кабардино-черкесского языка имеют широкое распространение, включая географические ареалы английского и русского языков. Это обуславливает сходство образов - эталонов. Однако, согласно принципам прототипической категоризации предметов и объектов, в каждом этносе под воздействием ряда культурных факторов наблюдается некоторое смещение в эталонизации предметов и объектов, репрезентирующих вкус.

Например, в русском языке скалярное свойство вкуса – *горечь* передаётся в компаративе через корнеплод *редька*. Ее словарное определение: корнеплод с толстым и светлым (в темной кожице) корнем и острым вкусом и запахом – *горький как редька*.

Этот же вкусовое качество – *горечь* транспонируется через другой референт – типичное растение русских степей – *полынь* – эфирноносное растение... с сильным запахом и горьким вкусом – *горький как полынь*. Вкусовые репрезентанты эталонов также обнаруживают некоторое своеобразие в исследуемых языках.

Приведем некоторые примеры этого же вкусового ряда: *горький как водка*; *горький как лимон*; *горький как лук*; *горький как хинин*; *горький как хрен*, *горький как перец*. Имена, используемые в качестве *базы*, имеют в лексикографическом толковании признак горький.

Например:

Хинин – Белый порошок горького вкуса из коры хинного дерева, употребляется как лекарство.

Хрен – Травянистое овощное растение семейства крестоцветных с большим разветвленным корневищем, горьким и едким на вкус.

В случае с примером *горький как лук*, эталонизация происходит под влиянием прототипического свойства лука, закрепленного в когнитивной базе

носителей русского языка, хотя, как известно, лук не всегда горький, более того он бывает и сладких сортов.

Приведем некоторые примеры использования *сущностных* признаков в качестве эталонных репрезентантов на материале **английского языка**.

Обращает на себя внимание тот факт, что концептуализация *сладкого* в эталонах сравнения происходит через одинаковые образы в исследуемых языках. Различие проявляется, когда речь идет о других вкусовых качествах.

Например, в английском языке:

as bitter as vinegar (букв. кислый как уксус). – ‘vinegar’- a sharp-tasting liquid, made especially from sour wine, malt, or cider;

as bitter as a lemon (букв. кислый как лимон) – ‘lemon’- an oval fruit that has a thick, yellow skin and sour juice;

as bitter as coffee (букв. горький как кофе). ‘Coffee’ dark brown powder with a strong flavour and smell that is made by crushing coffee beans. Горечь в кофе является скалярным признаком и зависит от сорта кофе и степени его обжарки.

Приведенные английские эталоны вкуса не имеют аналогов в кабардино-черкесских компаративах. По всей вероятности, позднее включение названных продуктов в пищевой рацион кабардинцев и устоявшиеся традиции не позволили ими заменить существующие эталоны сравнения.

Репрезентанты эталонов медлительности

Данная группа представлена ограниченным числом примеров.

Кабардино-черкесский язык:

шыльэгу чыцэм хэти хуэдэу (букв.: ползти как черепаха через заросли).

Шыльэгу – черепаха – Пресмыкающееся... очень медленно передвигающееся на коротких конечностях, которые, как и голова, могут втягиваться под панцирь; служит *символом медлительности*, мешкотности.

В английском языке используются еще образы *улитки* и такого пищевого продукта как *патока*.

as slow as a snail – (букв. медленный как улитка). ‘a snail’ – ‘any mollusk..., having a spirally coiled shell and a ventral muscular foot on which it slowly glides about’.

as slow as a tortoise – медленный, как черепаха – an animal with a thick, hard shell that it can move its head and legs into for protection. It eats plants, moves very slowly, and sleeps during the winter.

as slow as molasses – (букв. – медленный, как патока) тягучее сладкое вещество – продукт неполного осахаривания крахмала – a sweet, thick, dark liquid used in sweet dishes.

Перечень *сущностных* признаков, используемых в качестве эталонизации в исследуемых компаративах, характеризует *вкус, цвет, и медлительность*. Это ингерентные признаки объектов, входящие в их логико-предметное содержание и фиксированные в лексикографических источниках. Лексемы, входящие в выделенные группы, достаточно просты по своей семантике, и соответственно беден и набор признаков, образующих их содержание.

2.4.2. Характерные признаки репрезентантов эталонов сравнений

В нашей работе *характерные* признаки это признаки, не вошедшие в логико-предметное содержание репрезентанта эталона, которое фиксируется в словарных дефинициях. Их отсутствие проверялось по ряду толковых словарей исследуемых языков (полный перечень представлен в библиографии).

Характерные признаки формируют богатый импликационный набор признаков, который широко используется при конструировании компаративных сочетаний. Как показывает материал, они не однородны по степени значимости для идентификации объекта и, следовательно, по своему статусу в когнитивном контексте носителей языка.

Здесь следует обратиться к актуальной в когнитивистике системе прототипической категоризации. Согласно этому подходу, в той или иной категории

выделяются лучшие примеры, которые наилучшим образом иллюстрируют свойства, признаки объектов, включенных в эту категорию. Они, как правило, занимают центральное положение в структуре категории объектов. Остальные члены категории распределяются по признаку близости или отдаленности от лучшего примера. Например, лучшим образцом птицы в русскоязычной культуре является *воробей*, который является прототипом категории и занимает центральное положение в категории птиц. А такие птицы, как *журавль*, *дятел*, *страус*, *пингвин*, отдаляются от центра и занимают периферийные позиции. Дальше всех отстоит страус и пингвин, но они все равно входят в эту категорию, так как отвечают их основным критериям. [Болдырев 2006: 6–7, 11].

Представляется целесообразным рассмотреть признаки элементов выделенной второй группы, названной *характерными* признаками согласно их значимости в когнитивном контексте носителей языка. Процедура подобного анализа сопряжена с некоторыми объективными трудностями. Во-первых, точкой отсчёта нам служат лексикографические источники. Некоторые из них, помимо логико-предметного содержания лексемы, включают и энциклопедическую информацию о толкуемом слове. Во-вторых, анализ проходит с опорой на наше знание языка и мира, где возможны погрешности субъективного характера. Например, погрешности допустимы в квалификации скалярных категорий – *высокий*, *толстый*, *длинный* и др. Трудно достичь объективности и в определении внешних признаков человека с точки зрения их привлекательности или уродливости и т.д.. Некоторые из характерных признаков достигают такой степени типичности, что объект далее не воспринимается без этого признака и признается одним из значимых для его выделения из предметного ряда окружающего нас мира.

В составе этой группы выделяются репрезентанты эталонов, занимающих околоядерную позицию, формируя тем самым жесткий импликационал, максимально приближенный к ядру лексического значения. В наивном представлении носителей языка они входят в общепринятое представление человека о

данном объекте и прочно фиксируются в его когнитивной базе. Например: каб. - черк.: *кхъуэм хуэдэу пшэр* (букв. толстый как свинья); англ. *as fat as a pig*; русск. *толстый, как свинья*. Хотя, *свинья* может быть и не толстой. Примечательно, что другие объективные признаки свиньи – *слабое зрение, острый слух, тонкое обоняние, способность хорошо плавать плодовитость* не попали в фокус внимания носителей языка. Они занимают периферию признаков, образующих импликационал этой лексемы. Кроме этого, учитывая, что 80 % информации человек воспримет через зрительный канал, естественно, что параметрические характеристики этого животного в первую очередь попадают в поле зрения носителей языка.

Учитывая чрезвычайно большой разброс эталонных признаков, образующих группу характеризующих признаков, считаем возможным проведение их классификации и анализа в составе крупных тематических блоков, объединяющих различные репрезентанты эталонов.

Репрезентанты эталонов физических свойств.

Сила. Быстрота.

Кабардино-черкесский язык

Аслъэным хуэдэу лъэщу – букв. сильный как лев. Аслъэн – крупное хищное животное семейства кошачьих с короткой желтоватой шерстью и с длинной гривой у самцов, именуемый царем зверей. Его величественная наружность, развевающаяся грива, неустрашимый вид упоминаются в религиозных источниках, что делает признак *силы* сверттипичным и релевантным для этого животного. *Лев* воплощает эталон силы, скорее из-за своих размеров и статуса «царя зверей», хотя большей силой, на самом деле, обладают слоны, медведи гризли и гориллы [Битокова 2019].

Наивное представление человека о некоторых хищных животных, их размер, скорость перемещения, жестокость формирует стереотипы о таких живот-

ных. Кроме этого, такие признаки как крупный, крепкий, хищный являются косвенным показателем силы. Мы также исходим из того, что хищные животные *априори* сильные. Все это складывается в признак ‘сильный’, хотя и не фиксируемый в логико-предметном содержании лексемы.

Къэплъэным хуэдэу псынциІэу (букв. быстрый как тигр). *Къэплъэн* – крупное хищное млекопитающее. Оно относится к семейству кошачьих, обладает очень острым зрением. Хотя объективно отличительной чертой тигра является *острое зрение*, оно осталось незамеченным человеком, так как доказательство этого требует более близкого контакта с ним, что невозможно по определению. Поэтому эталонируется признак *скорость*.

Например, *И лыгъэкІэ аслъэным хуэдэу, и псынциІагъэкІэ къаплъэным ещхьу гъусэ сыхуейт (жиІащ щакІуэм)* [Каширгов 1976: 9]. Я ищу помощника **сильного как лев и быстрого как тигр**.

Щомыщэхьу губжьауэ (букв. как разъяренный барс, леопард). *Щомыщэхьу* – барс – принадлежит к семейству кошачьих, имеет пятнистую шерсть. Другое его название – леопард. Любое хищное животное может прийти в ярость при малейшей угрозе. Это их сверхтипичная черта.

Аналогичные эталоны силы и **в русском языке**: *сильный как лев; сильный как тигр; сильный как слон; сильный как буйвол, сильный как медведь, сильный как бык*.

В английском языке: *as strong as bull; as strong as an ox; as strong as a horse*.

Эталоны силы носители исследуемых языков усматривают в тягловой силе, используемой в сельском хозяйстве: *вы – вол, шы – лошадь, хыв – буйвол*. По многочисленным совпадениям можно предположить, что этот характерный признак является универсальным и встречается во многих лингвокультурах.

Вым хуэдэу (букв.. сильный как вол), *Вым хуэдэу лэжьэн* (букв. работать как вол). Косвенно выводится смысловое содержание, что только сильное животное может хорошо работать.

Вполне естественно, что ценность тягловой силы (*вол, буйвол, бык*) заключается в ее развитой способности выполнять тяжелую работу по вспахива-

нию земли, по перевозке тяжелых грузов и пр. Поэтому именно этот показатель – *сильный* фиксируется в когнитивной базе носителей языка, выделяется из других признаков объекта и эталонируется. Хотя, вполне допустимы случаи, когда *бык, вол, осел* могут быть слабыми и бесполезными для хозяйства, но эти случаи не являются типичными.

Например, кабардино-черкесские компаративы как раз и являются иллюстрацией этого положения:

Выжсь хуэдэу – (букв. как старый бык) – неуклюжий, медлительный.

Вы увьшам хуэдэу жьаажьэ (букв. медлительный как уставший вол) – медлительный, отлынивающий от работы.

Репрезентанты эталонов скорости, быстроты

Бланэм хуэдэу жэриц – (букв. быстрый как олень). ‘Бланэ’ – олень – ‘Жвачное парнокопытное млекопитающее. Оно отличается стройностью, имеет тонкие ноги, ветвистые рога и короткий хвост’. Признак *быстрота* явно находится на периферии *импликационала* лексемы. Можно предположить, что он обусловлен такими характеристиками оленя, как стройность, длинные тонкие ноги. Свою роль сыграло также, что у некоторых народностей олень является символом жизненных сил и быстроты.

Репрезентантами эталона *скорости* являются *птицы* – *Бзум хуэдэу псынцизу* (букв. быстрый как птичка).

Например: *Етгуанэ шур ... набжэм кьызэрысу... бзум хуэдэу йольэри йожьэж* [Шортанов 2016: 180]. Второй всадник, перепрыгнув через плетень, **как птица, быстро** удаляется.

Природные явления *уафэхъуэпсклым хуэдэу* (букв. быстрый как молния, ср.: *as fast as lightning*); *гьуэжькуийм хуэдэу* (букв. как вихрь) – очень быстро; *жьым тесым хуэдэу* (букв. как будто сидит на ветре) – очень быстро; сцены охоты – *хэм кьрахужьа бажэу жэн* – (букв. бежать как лисица, гонимая собаками).

Приведем некоторые примеры из английского языка: *as swift as a cat*; *as swift as a bird*; *as swift as a rabbit*; *as swift as a fox* ('swift' – happening or moving quickly or within a short time, especially in a smooth and easy way). Следует отметить, что в английском языке скорость, быстрота перемещения дополняется еще и признаком – тихо, бесшумно.

Эталоны, репрезентирующие черты характера человека

Положительные черты (приятные):

Джэдкъртым ецхьу (букв. как наседка) – о заботливом человеке.

Дзыгъуэм хуэдэу (гъэтыльэн) – (букв. откладывать как мышка) о запасливом, практичном человеке.

ХъумпIэцIэджым хуэдэу – (букв. как муравей) – о трудолюбивом человеке, постоянно работающем, не ожидая благодарности.

ШыфIым хуэдэу бэшэчу – (букв. выносливая лошадь) – о выносливом, терпеливом человеке.

Отрицательные черты характера (неприятные):

Следует отметить, что отрицательные черты превалируют в нашей выборке. В этом проявляется специфика человеческого мышления – обращать внимание на все, что отклоняется от нормы, выделять это из окружения и подвергать языковому оформлению. Исследователи отмечают, что норма в системе оценочных понятий лежит не в серединной части шкалы, как в случае с параметрическими признаками, а совпадает с ее позитивным краем [Арутюнова 1999: 66]. И, следовательно, отрицательные черты в системе адыгской культуры, привлекают большее внимание и подвергаются большей структурированности, включая и приемы эталонных сравнений.

Например:

Гуэгушыхьум хуэдэу зигъэцыджашц – (букв. как индюк нахохлился). Такой вид индюка передает его недовольство, раздражение, с одной стороны, а с другой – это его типичное поведение в брачный период, когда он демонстриру-

ет свое яркое оперение, распускает хвост, издает звуки, привлекая внимание. Эти признаки входят в сильный импликационал значения этого слова. Собственно, эта та картинка, которая входит в когнитивную базу человека.

ТхьэкЛумэкЛыхьым хуэдэу кьэрабгъэц – (букв. труслив как заяц) – трусливом, малодушном человеке. ‘Заяц’ – Млекопитающее из отряда грызунов. Выражение связано с народным представлением о трусости зайца. По наблюдениям, заяц действительно, прячась от приближающейся опасности, сильно дрожит [Мокиенко1999: 203]. Но дрожь может быть вызвана другими причинами, (например, температура, предвкушение добычи) и никак не связанна с ощущениями страха.

Цыжьбанэу зызэкЛуэцЛыгъэпцхьэн (букв. свернуться как ежик). Так говорят об обидчивом человеке, который не может и не хочет «держать удар». Ежи действительно умеют сворачиваться в клубок, а вот делают они это в крайних случаях, в основном, из-за опасности – поскольку, таким образом, они защищаются благодаря своим иглам. Сцена из «жизни зверей» переносится на отношения между людьми. Только причины разные: *обидчивость vs страх*. Приведем пример: *Хьалил зызэкЛуэцигъапцхьэц цыжьбанэуи адэ нэхъри цлэпцхьауэ цлэст (гьуэлььыпЛэ цлагъым)* [Гошочков 1973: 68]. Халил, **свернувшись как ежик**, залезал все дальше под кровать.

Бажэм хуэдэу бзаджэ (букв. хитрый как лиса; англ. as cunning as a fox). ‘Бажэ’ – Хищное млекопитающее семейства псовых с пышным мехом и длинным пушистым хвостом; лисица. Человек хорошо «знаком» с лисой, знает о ее повадках, способности замечать следы своим пышным хвостом. Эти поведенческие характеристики стали основой многих фольклорных произведений, и эталоном сравнительной конструкции. Во многих языках лисой называют *хитрого, лукавого, льстивого человека*.

Одинокый, нелюдимый человек, который не располагает к себе категоризируется через отсылку к филину: *Дыгьургьуум (жьындум) хуэдэу* – жынду –

хищная ночная птица отряда сов. Например: *Иджы и закъууу къэнащ (Мурид) дыгъургъуум хуэдэу, зыри имыIэу* [Хахов 1992:27]. Теперь он (Мурид) остался **один как филин**.

Блэ уэным хуэдэу – (букв. змея, готовая ужалить) – о человеке готовом причинить боль, нанести удар и сделать это неожиданно, очень быстро и больно.

Блэм хуэдэу леймыгъэгъуу (букв. злопамятный как змея).

Например: *Ар (Атэбий) ... блэм хуэдэу леймыгъэгъут, тхьэIухудхэм я нэгум жейр щIэзыхым хуэдэу дахэт* [Шекихачев 1992:169]. Он (Атаби) ... был **мстительным как змея**, а сам был настолько красив, что мог лишать сна многих красавиц.

Нет достоверных данных о том, что змея более злопамятна, чем другие пресмыкающиеся. Но такая черта характера, как помнить *плохое* оценивается отрицательно языковым коллективом, и поэтому эталонируется через неприятный и опасный представитель этого класса – змею.

Блэ зэраукIа башыжь нэхъей (букв. похож на палку, которой убили змею). Так говорят о вредном, очень неприятном человеке. Высокая степень отрицательной коннотации формируется через перенос имени неодушевленного предмета – палки – на человека, к тому же еще и палки, которая была использована в столь неприятных целях.

Хьэм хуэдэу бзаджэу (букв. хитрый как собака). *Хьэ* – собака домашнее животное семейства собачьих, используемое для охраны, охоты и других целей.

Дыгъужьым хуэдэу бзаджэу (букв. хитрый как волк) – о хитром, жестком, очень прагматичном человеке.

ХьэIуцыдзым хуэдэу – (букв. – как шакал). Так говорят о безжалостном, аморальном человеке. Конечно, эталонное сравнение мотивировано признаками, входящими в периферийную зону значения ‘шакал’ – хищное животное из семейства собачьих, питающееся падалью. Но его диапазон очень широк: хищ-

ный, злобный, нахальный, дерзкий, питается падалью. Хитрый, потому что следует за другими хищниками, чтобы полакомиться остатками их добычи и т.д. Важным периферийным признаком, для актуализации эталонного сравнения является то, что *шакал* всегда ходит с опущенным хвостом. Слушающий сам выбирает для себя, который из признаков, или все они вместе актуализируются в конкретной ситуации общения.

Такое отрицательное качество, как задиристость, драчливость, воинственность, правда, с некоторым юмористическим эффектом, генерируется в эталонном сравнении с зоонимом ‘петух’ – *Адакъэм хуэдэу долъей* – (букв.: как петух прыгает (подпрыгивает)). Так говорят о человеке, который слабее своего противника, но не хочет этого показывать и ввязывается в соперничество.

Внешность человека.

Неприятные особенности внешности

В этой группе также преобладают отрицательные, неприятные особенности внешности. Мы оговариваем, что классификация проводится по канонам внешности человека, принятым в адыгской культуре, и знакомой нам по существующим стереотипам и литературным источникам. Описание излагается от общих характеристик внешности к частным, от одушевлённых существ к неодушевленным предметам.

Номиным хуэдэу – (букв. как обезьяна) – очень некрасивый, хотя это животное из отряда высших млекопитающих, наиболее близкое к человеку по строению тела. Тем не менее, репрезентантом некрасивости в адыгской культуре является обезьяна. Уже в конкретной ситуации общения будут акцентироваться те или иные черты внешности обезьяны, вызывающие отрицательные эмоции у коммуникантов.

Например: *Чачэ гьурт, фЫцІэт, цІыхухьуфэт... номин жьэпкъым ещхь и жьэпкъым хьэмцІыракІэ зырызи къытєпІиикІырт* [Кешоков 2005: 69]. «Чача

была худая, смуглая, мужеподобная... на подбородке, **как у обезьяны**, виднелись бородавки».

Хьэндьркъуакъуэжъ хуэдэ – (букв. как старая лягушка) – некрасивый. Компаратив подчеркивает непропорциональность фигуры, формы лица, выпученные глаза и т.д. Пейоративный компонент значения усиливается определением *старая*.

Къазынэ хуэдэу (букв. глаза как у гуся) – выпуклые бесцветные глаза с очень короткими ресницами.

Следует отметить, что в адыгской культуре порицалась чрезмерная полнота. Поэтому эталоны таких признаков, как *упитанный, полный* мы включили в эту группу.

Жэмым хуэдэу (букв. толстый как корова), хотя корова не всегда бывает толстой (ср. тощая корова). Но привычным для носителей языка, является упитанная корова, что превращает ее в эталон упитанности, полноты.

Мыцэм хуэдэу шиэр (букв. как толстый медведь) – полный, толстый.

Кхъуэм хуэдэу шиэр – (букв.: жирный как свинья). Чрезвычайно высокая степень осуждения передается этим компаративом.

Махъшэ хуэдэу - (букв. как верблюд). Так говорят о высоком, худом, сутулом человеке.

Жэрумэ гъумыщIэм ещхьу (букв. похожий на толстую жаруму). Жарума – адыгское национальное кушанье в виде завернутых в требуху кусочков жира. Готовится со специями. Критерий толщины является альтернативным.

Фэндым хуэдэу бэгауэ (букв. полный как бурдюк). Фэнд – бурдюк – мешок, сшитый из шкуры животных и служащий для хранения и перевозки вина и других жидкостей. Учитывая утилитарное предназначение бурдюка, ближе к норме наполненный бурдюк. Соответственно, этот признак входит в околоядерную зону признаков.

Например: *Нэхуц лъандэрэ жэмыжсьым яужь ситиц. Имышхын ишхагъэ-эниц, бэгац фэндым хуэдэу* [Шекихачев 1992:19]. С раннего утра занимаюсь коровой. Наверное, съела что-то, **опухла как полный бурдюк**.

Ерэн зэрыт фэндьжсьым хуэдэу (букв. старый бурдюк полный айрана).

Щхэ матэ – (букв. голова как корзина) – так говорят о несоразмерно телу большой голове.

И щхэр хъарбыз кIыхьым ецхът (голова похожая на длинный арбуз).

В русском языке: *толстый как бочка, толстый, как корова; толстый как кабан; толстый как бегемот; толстый как слон*. В последнем примере сказываются, скорее, размеры слона – это крупнейшее млекопитающее, поэтому его рост, размеры увязываются с полнотой, хотя на самом деле он может быть и худым. В этом проявляется стереотипность мышления человека.

В английском языке : *as fat as a cow* (букв. толстый, как корова); *as plump as a partridge* (толстый, как куропатка); *as fat as a pig* (букв. – жирный, откормленный, как свинья).

Приятные, привлекательные, нейтральные черты внешности

ПщIацэхэр хъндырабгъуэ хуэдэу – (букв. листья, похожие на бабочек).

Основой для сравнения послужили такие периферийные признаки бабочек, как легкость, воздушность, красота, нежность и др. Интерпретация зависит от развитости ассоциативного мышления человека и конкретной ситуации общения.

МэлыхъуэжсьыплIэу бгъуэуэ (букв. широкая спина (плечи) как у чабана. Полагается, что чабан, выполняющий тяжелую физическую работу, является обладателем эталонных плеч. Он же является и обладателем узкой талии – *и бгыр адыгэ уэркьыу псыгъуэу*, – которая характерна была для представителей княжеских кровей.

Интересный пример уподобления формы течения реки (Кубани) раздвоенной бороде: *Инжыджыпсыр ... жьакIэ зэгуэхам ецхъу...* Здесь наблю-

дается квалификация специфики речного ландшафта посредством особенностей формы бороды.

Например: *Инжыджыпсыр зэкIуэкIат: и IуфэрабгъуитIым жьакIэ зэгуэхам ецхь* мыл къуацэхэм щызэщIаIулIэри и Iэуэльауэри хурашэхат [Абитов 2005:16]. Левый приток Кубани выглядел непривычно: он был похож на **раздвоенную бороду**, чьи берега были покрыты толстым льда, который приглушал шум воды.

В несколько ироничном контексте упоминается головной убор Хаджи *ферс* (традиционная шапочка мусульман), когда она сравнивается с наперстком (*Iэпхъуальэ*) на основании своего внешнего сходства.

Например: *Псом япэ итыр ныбэфыжь гурт, и хьэжы ферсыр и цхьэшхуэм Iэпэм фIэль Iэпхъуальэм ецхь фIэIуауэ* [Кешоков 2006: 24]. Впереди всех шел пузатый мужчина, у которого **на огромной голове сидела маленькая с наперсток шапочка**. Ироничность ситуации создается за счет сравнения размеров головы – *цхьэшхуэ* – большая голова и крошечной шапки, размером с наперсток – *Iэпхъуальэм ецхь ферс*.

Репрезентанты эталонов состояний человека

Патологическое состояние человека *слепота* представлена через образ крота – *ЩыIуб – ЩыIуб нэф хуэдэу* – (букв. как слепой крот).

ЩыIуб – небольшое насекомоядное млекопитающее, живущее под землёй. Крот роет норы. Общеизвестно, что признаки ‘слепой’, ‘плохое зрение’ являются прямым следствием лишения живого существа дневного света. Кроме того, живое существо, долго находящееся в абсолютной темноте, теряет ориентацию при дневном освещении (русс. ‘Слепой как крот’). В английском языке предпочтение отдается летучей мыши, которая тоже ведет ночной образ жизни – *as blind as bat*. Следует учесть, что, крот не становится абсолютно слепым, как и летучая мышь.

Нежелание слушать, что тебе говорят в кабардино-черкесском языке концептуализируется через комплекс признаков, выводимых из сценария: *итхьэкIумэм цIы в иригъэпцхьа хуэдэ* (букв. как будто в ухо залез жук) – притвориться глухим.

В русском языке патология *глухоты* человека эталонизируется через образ лесной птицы – *тетерева*. По факту тетерев не глухой. Дефицит слуха у самцов появляется во время токования, брачного пения, привлекающего самок. Временное нарушение слуха оказывается значимым признаком и приписывается тетереву на постоянной основе и, соответственно, занимает околядерную позицию.

Другие примеры нашего материала представляют типичные ситуации, в которых человек может пребывать в том или ином состоянии. Чаше это затруднительное положение, вызванное различными обстоятельствами. В большинстве случаев для их образной концептуализации используются сцены из мира животных, которые наилучшим образом, по мнению носителей языка, передают это состояние.

Приведем некоторые примеры.

Бдзэжъейм хуэдэу ныджэм кьытридзэн (букв. как рыба, выкинутая на мель) – Безвыходное положение. Рыба без воды, как известно, погибает.

Зи дамэ кьута кьашыргъэм хуэдэу (букв. как ястреб с поломанным крылом) – состояние побежденного, травмированного человека.

Блэм жьэдильэфэну хьэндьркъуакъуэм хуэдэу (букв. подобно лягушке, которую вот-вот проглотит змея) – состояние крайней опасности.

Я цхьэ бжъэ еуа хуэдэу (букв. будто ужаленная пчелами голова) – состояние крайнего волнения, потеря способности адекватно думать и принимать решения.

Бездействие, безразличие, наблюдение за работой других эталонируется через насекомое – саранчу – *мацІэ*. *МацІэ диям хуэдэу* – (букв. как мертвая саранча).

Для эталонизации состояния человека используются предметы экологического окружения. Например:

СоцІэ – уэ (Индыл) зы щэху щхьэ лажьэ гуэрхэр пкьуэльщи, сызэрыпІупльэу... ухощэтыкІ, уи мывэкІэщхьхэр щызэбудэкІкІэ уи дзэхэр зэрыбгьэиш пэлытэу [Абитов 2005:6]. Я знаю – у тебя (Волга) есть страшная тайна, когда я на тебя смотрю, **ты шумишь, ударяя камнями, как будто скрежещешь зубами**. Состояние крайнего возмущения и недовольства передается через шум трущихся камней и скрежет зубов.

Высокая степень моральной или физической нагрузки уподобляется *свицовой ноше*, которая заставляет человека согнуться: *И щІыбым бдзатцІэ иль нэхьей* (букв. будто у него на спине свинец, тяжелая ноша).

Несдержанного, нервного, сильно возбужденного человека, который громко говорит, сравнивают с цыганом – *Цыджаным хуэдэу* (букв. как цыган). Эта крайне негативная характеристика для представителей адыгской культуры, для которых сдержанность является одним из обязательных принципов поведения.

В эту же группу включены компаративы, категоризирующие *голод*. Естественно, что репрезентантами этого признака являются представители животного мира. Их количество больше в английском и русском языках – *as hungry as a pig* (букв. голодный как свинья); *as hungry as a horse* (голодный как лошадь); *as hungry as wolf* (голодный как волк); *hungry as a hawk* – (голодный, как ястреб). В русском языке: – *голодный как собака; голодный как зверь* и т.д. В кабардино-черкесском языке – *дыгьужь нэцІам хуэдэу* (букв. как волк, который долго голодал) – очень голодный. При использовании в качестве *базы* компаратива – свиньи – *кхьуэм хуэдэу (ихэн)* – букв. есть как свинья – компонент голод осложняется еще и такими признаками. как манера есть – жадно, неразборчиво, чавкая.

В кабардино-черкесском языке денотат *шы* – конь в силу его приоритетного положения в адыгской культуре репрезентирует только положительные признаки: *Шым хуэдэу псынцилэу* (букв. быстрый как конь); *Шы къагъэжэн хуэдэу* (как конь, готовый к скачкам); *Шыфлым хуэдэу цлэрылуэу* (букв. известный как хорошая лошадь); *шым хуэдэу бэшэчу* (букв. терпеливый как лошадь). Компративы с зоономом *шы* «лошадь» представляют это культовое для адыгов животное только с положительной стороны.

Например: *Куэд дэмыклым шыгъуэм и фэр кыхъэжу хуежъащ, и цыр цлууэ, езыр псынцилэу, и лъакъуэ дахэр щидзкIэ, къафэ хуэдэу, и нитлым мафIэм хуэдэу къилыдыкIыжу, и пэри тIынэ хъужауэ, и натIэм вагъуэ хужь ису* [Кешоков 2005:108]. Не прошло много времени, как буланый конь начал поправляться: шерсть блестела, сам быстрый, перебирал красивыми ногами, **будто танцует, глаза сверкали, как огонь...** на лбу белая звезда.

Описание чистокровной породы кабардинской лошади у А. Кешокова насыщено эпитетами. В тексте прослеживается особое, любовное отношение писателя к лошадям данной породы, подчеркивающее «красоту». В материале нашей выборки не было выявлено случаев отрицательной квалификации этого животного.

Репрезентанты природных эталонов

Анализируемый материал выявляет достаточно богатую и специфичную палитру эталонов, представляющих природные условия. Основные *цели* – горы, скалы, небо, облака, снег, т.е. ближайшее окружение, столь живописное, что вызывало к жизни удивительные по своей этнокультурной значимости, сравнения. Приведем некоторые примеры:

Уэсым щIигъэна Кавказ къурихэри дыщэпс къекIыхам ещхьу дыгъэм игъэлыдырт [Каширгов 1957: 20]. Снежные Кавказские горы блестели от солнца так, будто были покрыты позолотой.

ЩлакхъуэзэтеупІэцІыкІым ецхъу (къурихэр) – (букв. скалы напоминали слоеный хлеб (слоеный хлеб – национальное блюдо кабардинцев).

Іуацхъэ цІыкІухэр хъэмцІыракІэ хуэдэу – (букв. небольшие холмы напоминали бородавки). Ср.: *Къэбэрдей губгъуэхэм ... ипхъауэ Іуацхъэ цІыкІу куэд итиц, ... нэхъыбэр хъэмцІыракІэ цІыкІэу цІы цхъэфэм теплъагъукІ къудейуэ* [Керэфов 2009:8]. В Кабарде можно увидеть множество холмов **подобно бородавкам**, разбросанных по всей равнине.

Цы уда Іэтэм хуэдэу (букв. подобно снопам чесаной, распушенной шерсти) об облаках. Создается картинка воздушных, белых облаков, парящих в воздухе.

Мылхэр ІэльэцІ кхъуакІэм хуэдэу (букв. лед был похож на неровные края платков).

Псы Іуфэм кІартІуз натІэу тегъэцІа (букв. подобно козырьку фуражки нависла над берегом реки).

Тенджызыр бдзациІэ гъэткІуам ецхъу (букв. море было неподвижное как расплавленный свинец).

Красота и выразительность приведенных эталонных сравнений в полной мере передает художественное мастерство авторов, использовавших их в своих произведениях.

Репрезентанты эталонов эмоций

Любовь привязанность традиционно категоризируется через символ любви – голубя. *ТхъэрыкъуитІым хуэдэу* (букв. как два голубя (ворковать). Этноспецифичным является сравнение *Зэнэзэпсэу зэдэпсэун* (букв. как глаз и душа вместе) – в значении душа в душу, жить в полной гармонии.

Веселье, радость воплощается в компаративах с участием домашних животных, прыгающих, скачущих и всячески резвящихся.

Например: *Ажэм хуэдэу долъей-къольых* (букв. скачет подобно козлику). *Тембот иджыри дыхъэшхэну зецІ: ажэм ецхъу долъей-донкІей, сэшхуитІ нэхъ-*

ей *ицхъэщыт бжъакъуэхэр егъэуфафэ* [Кешоков 2005: 432]. Тембот ведет себя смешно: скачет, словно козлик, размахивает своими рогами будто двумя ножами.

В английском языке: – *as merry as a grig* (веселый жизнерадостный, как сверчок); *as merry as a puppy* (букв. веселый как щенок); *playful as a kitten* – шаловливый, игривый, как котенок.

Страх выражается оцепенением, которое воплощается в сравнении *Мывэ сыным ецхъу жащ* (букв. застыл как каменный памятник). Ср.: в русском – *застыть как истукан; застыть как вкопанный*.

Группа компаративных сочетаний, элементы которых связаны *характерными* признаками, является самой многочисленной в нашей выборке (80 %). Эти признаки отличаются по степени их прототипичности, значимости в системе признаков, образующих импликационал значения лексемы. Обыденное знание мира, сведения об утилитарных свойствах объектов, их темпоральных и пространственных изменениях, выдвигают на первые позиции те признаки и свойства, которые занимают стабильные позиции в когнитивной базе человека как создателя и аранжировщика наивной картины мира. Она подвижна, непостоянна, пополняется новыми результатами концептуализации и категоризации мира.

2.4.3. Приписанные признаки эталонов сравнений

Предыдущие две группы, представляют собой компаративы, элементы которых объединяются на основе реальных признаков. В первой немногочисленной группе эти признаки входят в интенциональную часть значения лексемы, и формируют ее логико-предметную составляющую. Этот факт отражается в словарных дефинициях элементов исследованных компаративов.

Вторая, самая многочисленная группа представлена компаративами, в которых задействованы признаки объектов, входящих в импликационную часть лексемы, где существует своя иерархия. Здесь выделяются более значимые и

типичные признаки, которые соответственно занимают околядерную позицию, ту, что ближе к ядру значения, и те, которые отстают от ядра дальше.

Ассоциативное мышление человека допускает выделение самых неожиданных, оригинальных признаков и свойств, которые, казалось, не были доступны сознанию человека. Тем не менее, *Tretium comparationis* выделен, состоялось объединение *базы* – разъясняющей части – и *цели* – разъясняемой части, генерировано сигнификативное значение. Общее название для таких признаков было определено как *характерные* признаки.

Материал исследования выявил небольшую группу компаративов, в которых не вычленяется объединяющий *цель* и *базу* признак – *Tretium comparationis*. Например: каб.-черк. *мэл дэгу хуэдэ* как глухой баран; англ. *as bold as brass* – наглый как медь; русск. *тупой как пень*.

Факт существования подобных сочетаний в языке, наравне с мотивированными комплексами, позволяет высказать предположение о каких-то глубинных причинах, не доступных с точки зрения современного стояния языка. Хотя и допускается случайность объединения не совместимых сточки зрения логики элементов сравнения, она минимальна. Языку не свойственно создавать и культивировать случайные элементы в своей системе.

В этом параграфе предпринимается попытка выявления возможных причин появления немотивированных компаративов с *приписанными* признаками и их систематика. В первую очередь, следует отметить, что все они устоявшиеся в языке фразеологические единицы, фиксированные в словарях, соответствующих языков – кабардино-черкесского, английского и русского. Помимо устойчивости в них проявляется и другой известный признак фразеологичности – идиоматичность – не выводимость значения целого из значений его составляющих. В нашем случае это отсутствие *признака*, объединяющего элементы компаративов. Часть примеров нашего материала не допускает мотивированной аргументации, требуется детальный этимологический анализ. Мы полагаем, что

каждый фразеологизм имеет свой первоисточник – свободное словосочетание, которое имеет свою историю появления и мотивы переосмысления. Поиски первоисточника – это, безусловно, трудоемкая задача и она не предусмотрена целью настоящего исследования.

Далее мы попытаемся представить интерпретацию тех случаев, где выведение *Tretium comparationis* оказывается, на наш взгляд, возможным, правда, без всякой претензии на окончательное решение вопроса. В первую очередь, следует отметить отрицательную коннотацию подавляющего большинства примеров этой группы. Негативная окраска создается или денотатом – участником словосочетания, или приписываемым ему признаком.

Основание – *база* может быть представлена различными денотатами. Приведем примеры наиболее распространенных сравнений.

Зоонимы

Кабардино-черкесский язык: *мэл дэгу хуэдэ* (букв. подобно глухой овце) – глупый, не желающий слушать, что говорят; *кхъуэм хуэдэу чэфу* (букв. пьяный как свинья) – сильно напиться; *хьэ фызышэ нэхьей* (букв. подобно собачьей «свадьбе») – так говорят о плохой компании; *хывым еса жьэ-мыжь хуэдэ* (букв. словно корова, привыкшая к буйволу – о медлительном и добродушном человеке; *шыдым хуэдэу ерыцу* (букв. упрямый как осел) – об очень упрямом человеке и др.

Английский язык: *as deaf as an adder* – (букв. глухой, как гадюка) – о глухом, ничего не понимающем человеке; *as drunk as (a boiled) owl* – (букв. пьяный, как сова) – об очень пьяном человеке; *as drunk as a skunk* (букв. пьяный как скунс) – об очень пьяном человеке; *as dumb as a fish* (немой как рыба); *as silly as a goose* (букв. глупый, как гусь) – об очень глупом человеке; *as crazy as a bed-bug* (букв. сумасшедший, как клоп); *as poor as church mouse* (букв. бедный как церковная мышь) – об очень бедном человеке.

Русский язык: *молчаливый как рыба; немой как рыба; довольный как слон; глупая как овца.*

Артефакты

Кабардино-черкесский язык: *Іэ гуахъуэ* (букв. руки как вилы) – так говорят о тех, кто ничего не умеет делать, о лишенном аккуратности человеке. Ср., например: *Амщыкъуэ си Іэгуахъуагъым ирызигуэпа-сыта: – Мыдэ къэхь, тІу, сэ уззгъэлъагъуниц ар зэращІыр! – жеІэри къоджэ»* [Налоев 1981: 262]. Амшуко то ли раздражала моя **косорукость**, то ли жалел меня, не знаю, но сказал: – Дай сюда, я покажу тебе, как это делается.

Английский язык: *as dead as doornail*; (мертвый как дверной гвоздь) – лишенный жизни о живых существах, и бесполезных, не популярных предметах и объектах; *as dead as doornob* (букв. мертвый как дверная ручка) – с тем же значением, что и предыдущее сравнение; *as blunt as a hammer* и др.

Русский язык: *простой как валенок; простой как веник* – об очень простом, глупом человеке.

Ландшафтные объекты

Английский язык: *as deaf as a post* (букв. глухой как столб); *as deaf as a stone* (букв. глухой как камень); *dumb as a post* (немой как столб) – об очень глупом человеке, не способном на взаимодействие с другими людьми.

Русский язык: *глухой, как пень; глухой как пробка; тупой как пробка; молчаливый как дерево.*

В самом начале следует оговорить, что при крайне отрицательном отношении языкового коллектива к разъясняемому понятию – *цели*, выбирается ассоциативно или целенаправленно такой объект или предмет, который способен генерировать уничижительную, пейоративную окраску. Например, в кабардино-черкесском языке – *кхъуэм хуэдэу чэфу*, и его русский эквивалент *пьяный*

как свинья, создают картинку грязного, невнятно говорящего человека, выпивающего очень часто и без разбору. Если еще учесть, что свинья всеядное животное, поедающее все подряд, сопровождая этот процесс не очень эстетичными звуками, можно представить весь отрицательный шлейф приписанных свинье признаков для создания чрезвычайно уничижительного образа много пьющего человека – алкоголика.

В англосаксонской культуре *as drunk as skunk* (букв. пьяный как скунс) чрезвычайно неодобрительное отношение к пьянству создается известной особенностью этих животных выделять токсичный, не имеющий аналогов по стойкости и отвратительности секрет, который может распространиться на расстояние до шести метров. Возможно, что знание этого объясняет выбор образа *скунса* в качестве репрезентанта образа очень пьяного человека, от которого исходит неприятный запах алкоголя, перегара и т.д.

Другой английский компаратив *as drunk as a lord* – не генерирует столь отрицательного отношения к пьяному человеку, как предыдущие примеры. По всей вероятности, *база lord* актуализирует такие факты, как возможность пить хорошие напитки была у представителей высшего сословия – *лордов*.

Относительно русского ‘пьяный как сапожник’ существует бытовая, несколько сомнительная версия, связанная с их работой в неотопливаемом помещении, когда для поддержания температурного режима им приходилось выпивать. Следует также учитывать, что на Руси ремесленники много выпивали (ср.: о плотниках - *пьян в доску*; об извозчиках – *пьян в дугу*).

Обращает на себя внимание использование образа *барана, овцы* для актуализации крайней глупости и тупости человека. По свидетельству А.К. Бирих еще древние греки употребляли это сравнение. Например, он пишет, что в произведении Аристотеля одно из действующих лиц говорит, что ему представилось собрание заседающих *баранов* (афинян) [Бирих 1999: 42]. Следовательно, можно говорить о прецедентном феномене, который лежит в основе данного компаратива.

Чрезмерная глупость барана актуализируется в сочетании «*смотреть как баран на новые ворота*». Предполагается, что это животное настолько глупо, что не в состоянии узнать свой двор, если поменяли ворота, поэтому он долго смотрит на «новые ворота» [Бирих 1999: 42]. В кабардино-черкесском языке признак *глупости и тупости барана* акцентируется через приписывание ему свойства «глухоты» (*мэл дэгу хуэдэ*). При этом выделяется не отсутствие способности слышать, что говорят, – он слышит, а полное непонимание элементарных команд, отсутствие ориентации на местности, стадное поведение и т.д.

О прецедентном феномене можно говорить и в случае с английским компаративом *as deaf as an adder* (букв. глухой как гадюка) – лишенный способности слышать что-либо. Существует поверье, что гадюки не могут слышать. Глухота *гадюки* упоминается еще в Библии [<https://www.phrases.org.uk>].

Не поддается аргументированному объяснению характеристика *гуся* как глупой птицы. Сомнительно считать его глупой птицей из-за специфической походки, издаваемых звуков и суетливого поведения. Сравнение имеет долгую историю, оно появилось еще в XIII веке. [<https://www.cambridge.org/core/books>].

В тех случаях, когда человеку необходимо актуализировать отрицательный полюс каких-либо качеств и свойств человека, срабатывает ассоциативное мышление, связанное с простыми орудиями труда, предметами повседневного быта, с привычными объектами ландшафтного окружения. Сам факт уподобления свойств человека примитивным предметам и объектам уже является уничижительным, так как человек самое совершенное творение природы.

Приведем некоторые примеры. В кабардино-черкесском языке руки человека, не умеющего правильно выполнять работу, сравнивают с *вилами* – *Іэ гу-ахъуэ* (букв. руки как вилы). Очевидно, функционал рук человека, пальцы, их количество, моторика и т.д. не сопоставимы с ограниченными возможностями *вил* – поднимать и переносить какой-то груз.

Эти же признаки: примитивизм, простота изготовления, ограниченное назначение служит связующим элементом между *базой* и *целью* сочетания. Например, в английском: *as blunt as a hammer* (букв. тупой, как молоток) – об ограниченном, глупом человеке. Выбор мог пасть и на другие инструменты, используемые в повседневной жизни, но стереотипы обыденного сознания определили выбор именно этого инструмента, так как молотком человек пользуемся чаще, чем другими столярными инструментами. К тому же он по своему устройству проще.

Сочетания *as deaf as a stone* (букв. глухой как камень); *as dumb as a post* (немой, глухой как столб) отмечены еще большей уничижительностью, так как, ни камень, ни столб, практически не имеют никакого функционала.

Английский немотивированный, с точки зрения норм сочетаемости, компаратив – *as dead as doornail* (букв. мертвый как дверной гвоздь) передает значение лишенный жизни, если речь идет о живых существах, и бесполезный, не популярный, если говорят о предметах и объектах. Невозможно выявить признак эталонизации дверного гвоздя, репрезентирующего отсутствие жизни, бесполезность без экскурса в историю. Оказывается, в более ранние времена для прочности использовали гвозди с большими головками. Практика состояла в том, чтобы забить гвоздь, а затем согнуть выступающий конец, что бы закрепить его подобно клепке, т.е. забить гвоздь «намертво». Кроме того, такой гвоздь более нельзя будет использовать. Может здесь и кроется источник «омертвения». Выражение стало особенно популярным в XVI веке, когда В. Шекспир назвал так одного из своих героев – the rebel leader Jack Cade in King Henry VI [<https://www.phrases.org.uk/meanings/as-dead-as-a-doornail.htm>].

В русском языке компаратив «*тупой, простой как валенок*» – очень глупый, неуклюжий, необразованный человек, скрывает признак простоты изготовления этой обуви, не совсем эстетичной вид, а также доступность и распространенность. Изготовленная из свалянной овечьей шерсти, она была незаме-

нимой обувью для жителей сельской местности. А они уступали горожанам по своему образованию, манерам, знанию этикета и т.д. Подобное толкование проливает свет на эталонизацию валенок в приведенном сочетании.

Недостаток интеллекта в кабардино-черкесском языке репрезентируется через образ немой козла, «не умеющего говорить»: *Ажэ бзагуэ* (букв. немой козел). Обычно так говорят о косноязычном, неконтактном, неприятном в общении человеке. Выбор этого животного случаен, не удалось выявить прецедент его употребления в каких-либо источниках. Любое домашнее животное могло стать эталоном в сочетании, передающего смысл глупого, плохо говорящего человека.

Известное английское выражение *as mad as a hatter* (сумасшедший как шляпник), приписывается Льюису Керроллу, автору известной серии сказок о девочке Алисе. Но, на самом деле, «безумные шляпники» появились задолго до выхода в свет «Алисы в стране чудес». В XVII веке произошла волна отравлений среди изготовителей шляп, так как среди необходимых препаратов для создания шляп, они активно использовали ртуть. Вдыхание паров ртути вызывала симптоматику очень похожую на безумие. Таким образом, прецедентность имеет под собой реальные факты, обусловленные физическими свойствами данного химического элемента [<https://www.phrases.org.uk>].

Интересны примеры признаков, репрезентирующих такие свойства характера человека, как спокойствие: *as cool as cucumber* (букв. спокойный как огурец). Обычно англичане так говорят о невозмутимом человеке, умеющем контролировать свои эмоции при любых условиях. Здесь также обнаруживаются факты биологической картины мира, которые завуалированы наивными представлениями человека о мире, или случайными ассоциациями. Люди давно подметили удивительное свойство огурца вырабатывать холод. Ученые считают, что температура внутри огурца может быть ниже окружающей среды где-то на 10 градусов. С точки зрения языкового сознания этот компаратив трактуется как немотивированный, с приписанным *базе* признаком.

В некоторых случаях ущербность, неполноценность объекта, представляющего *базу* в сочетании, может генерировать признак, репрезентирующий *цель* [Vitokova 2019]. Например: *тупой как пень, глухой как пень* (ср.: ‘пень’ – торчащий остаток срубленного или сломленного дерева). Исходный фрейм – неполноценное дерево, формирует образ неполноценности человека, сравниваемого с ним. Данное сранение не имеет аналогов ни в кабардино-черкесском, ни в английском языках.

Высокой этноспецифичностью отличается кабардино-черкесский компаратив, категоризирующий жадного человека: *шыгъу кланэм хуэдэу* (букв. как кусок соли). Кабардино-черкесское прилагательное *быдэ* – имеет следующие значения: 1) *крепкий, твердый, прочный*; 2) *выносливый, стойкий*; 3) *скупой, жадный* [СКЧЯ 1999: 53]. Признаки куска соли *крепкий, твердый*, невозможность отколоть кусочек или сделать это с большим трудом, формирует эталон жадного человека в указанном языке.

Материальное состояние человека – *бедность* категоризируется через образ церковной мыши: *as poor as church mouse* (букв. беден как церковная мышь). Но мыши обитают и в других помещениях. Как получилось, что именно та, что обитает в церкви, была выделена сознанием носителей английского языка. Естественно, что никакие признаки денотата не могут дать объяснение этому факту. В какой-то степени это можно объяснить тем, что крысам и мышам нечем было поживиться в церкви: там не хранились продукты питания. Знание экстралингвистического характера – условия жизни в церкви – позволяют подвести основу концептуализации *бедности* через отсылку к церковной мыши.

Факты из истории быта адыгского этноса проливают свет на использование слова *тыква* для квалификации глупого человека: *цхъэ къэб* (букв. голова как тыква). Ранее адыги использовали полую тыкву в качестве емкости в быту. Здесь прослеживается аналогия полую тыквы и «пустой» головы. Таким обра-

зом, эталонизация связана с нашим знанием каких-то бытовых деталей жизни кабардинцев и черкесов.

Английские собственные имена послужили репрезентантами некоторых внешних характеристик человека. Например, известное выражение – *smile like a Cheshire cat* (букв. улыбаться как Чеширский кот). Оно передает значение улыбаться во весь рот, широко, в самодовольной манере. Имя впервые упоминается Л. Кэрроллом в «Алисе в стране чудес», где описывается кошка, со способностью исчезать, оставляя за собой широкую, хитрую улыбку. Но есть еще другая версия происхождения этого сравнения. Оно связано с округом *Cheshire*. Один из богатых жителей округа заказал вывеску для отеля с изображением льва – фамильного герба. В результате получился улыбающийся кот, а не лев. Достоверных доказательств в пользу этой версии нет.

Итак, в группе с *приписанными базе* признаками, что на поверхности трактуется как результат случайных ассоциаций сознания человека, возможно выявление фактов истории, условий быта этноса, особых деталей жизнедеятельности и менталитета, а также прецедентных феноменов, которые формируют связующий *базу* и *цель* модус.

Выводы

1. Эталонные сравнения являются особым видом категоризации мира, суть которой заключается в новом осмыслении известного или нового объекта. Познавательные и коммуникативные цели обуславливают эту необходимость.

2. Тематическая классификация *базы* (основания) компаративов, выявили широкий диапазон лексики, представленной натуромерными, артефактными и антропомерными именами. Ведущей в плане частотности использования и номинативной плотности оказалась *натуромерная группа*. Она включает *зоонимы* (дикие, домашние животные, птицы, пресмыкающиеся, грызуны, и т.д.); *фитонимы* (деревья, кустарники, их части, плоды и т.д.); *ландшафтные объекты* (горы, равнины, леса, водное пространство) и *природные явления*. В меньшей степени представлена группа *артефактных* объектов (предметы быта и домашнего обихода, предметы одежды и продукты питания) и антропомерная группа (соматизмы, имена людей по профессии, роду деятельности, термины родства, собственные имена, клички, прозвища и др.).

3. *База*, основание эталонного сравнения, для выполнения своей функции должна обладать рядом характеристик. Это должны быть имена, входящие в базисный уровень категоризации, который формирует языковой инструментарий познания мира. Они должны быть отмечены стереотипным характером, т.е. занимать устойчивое, стабильное положение в когнитивной базе носителей языка.

4. В системе признаков, обеспечивающих конструирование эталонного сравнения, были выделены следующие признаки. Первую группу образуют *сущностные* признаки, входящие в интенционал лексического значения и находящие отражение в словарной дефиниции соответствующих лексем. Это группа занимает 10% от общего числа эмпирического материала. Она отмечена ограниченным диапазоном используемых эталонов. *Сущностные* признаки были выявлены в группах, обозначающих *цвет, вкус, медлительность*.

Вторую группу образуют – *характерные* признаки – входящие в периферию признаков *импликационала* лексического значения и не включенные в словарное толкование слова. Она самая многочисленная – 80 % от общего числа эмпирического материала.

Третью группу образуют *приписанные* признаки, не входящие в спектр признаков, образующих логико-предметное содержание слова и периферию признаков значение слова. Они составляют 10 % от общего числа примеров. Обращение к интерпретации экстралингвистических фактов, к историческим и культурным событиям в некоторых случаях позволяет установить связь *базы* и *цели* эталонного сравнения. В некоторых случаях конструирование эталонного сравнения обусловлено спецификой ассоциативного мышления конкретного этноса.

5. Характерные признаки, объединяющие широкий диапазон периферийных признаков, качеств и свойств играют решающую роль в конструировании компаративных сочетаний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная когнитивно-дискурсивная парадигма исследования языка, получившая широкое распространение в последние десятилетия, диктует необходимость изучения языковых явлений с новых позиций, дает возможность взглянуть на существующие факты языка под новым углом, позволяет приблизиться к решению сложного вопроса о соотношении когнитивных и языковых структур.

Постулируемый когнитивной семантикой принцип экспланаторности, предопределяет стратегию лингвистических исследований, направленных на объяснение появления языковых фактов, интерпретацию их функционирования, вариативности, избирательности, и т.д. Такой подход позволяет приблизиться к пониманию мышления человека, познавательных процессов, памяти, т.е. получить цельную картину о том, как устроено языковое знание человека, как он его использует в процессе познания, порождения и восприятия речи, и конечно, в процессе познания мира и себя в этом мире.

Диссертационное исследование посвящено изучению одной из древнейших форм познания мира – сравнения. На протяжении многих лет категория сравнения становилась предметом исследования во многих науках – философии, психологии, логики, лингвистики. При кажущейся простоте, этот феномен сопряжен с целым комплексом сложных вопросов, касающихся теории познания, теории значения, фразеологии, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики. Названный спектр вопросов предопределил ракурс рассмотрения сравнения в настоящей работе.

Сравнение обеспечивает дифференциацию наших ощущений, возникающих на основе действия внешних раздражителей, лежит в основе формирования представлений и влияет на языковое оформление, некоторого смы-

слового содержания. Сравнение является основой процедуры категоризации, которая вместе с концептуализацией формируют основные процессы когнитивной деятельности человека.

Сравнение имеет универсальную трехчастную логическую структуру, элементы которой получили различные терминологические обозначения в науке, что еще раз говорит о сложности и многоаспектности изучаемого явления. Критерии лаконичности и четкости обусловили наш выбор терминов, предложенных S. Gentner и его коллегами: *цель* – понятие, требующее разъяснений; *база* – понятие, которое выполняет разъясняющую функцию; *модус* – объединяющий *базу* и *цель* признак.

Сравнение входит в один в один ряд с такими смежными понятиями, как тождество, аналогия, метафора. В работе были показаны отличительные черты каждого из приведенных понятий. Тождество, например, основываясь на сравнении, преследует цель установления совпадения свойств и качеств сравниваемых объектов. Оно стремится к объективным результатам и потому лишено оценочной градации и не генерирует образность.

Сравнение лежит в основе аналогии – транспозиции известного подобия, сходства в новые области быденного и научного знания, что высвечивает возможные перспективы развития явления, события. В этом свойстве проявляются эвристические возможности аналогии.

Известное выражение, что метафора это развернутое сравнение, восходящее еще к Аристотелю, но имеющее противников и сторонников и в наше время, обусловили их аналитическое сравнение. Было показано, что сравнение предполагает *совмещение* двух объектов на основании сходного признака, но исключает *замещение* одного другим. Совмещение проявляется на уровне языка в виде компарации, имеющей формальные маркеры: морфологические, словообразовательные, лексические и синтаксические. Метафора

является вторым именовани^{ем} объекта, который имеет уже одно название. Причина появления нового имени заключается в реализации прагматических функций языка, в необходимости выражения коммуникативных интенций говорящего, что, в конечном счете, складывается в коннотативный шлейф, «обрамляющий» денотативное содержание лексемы. Метафора это всегда *замещение* одного объекта другим. Добраивание, домысливание проходит в индивидуальном плане, с опорой на коннотации опорного слова. В этом смысле метафора богаче, так как в действие приводится ассоциативное мышление человека, не выделен конкретный признак, на основе которого порождается новое именование.

В работе была показана системообразующая роль компаративных сочетаний в формировании языковой картины мира. Единицы косвенной номинации являют собой особый когнитивный процесс, который формирует новые знания об объекте действительности, на основе имеющегося у человека опыта взаимодействия с другими объектами, познания их свойств и признаков. Этот комплекс знаний о предмете занимает определённое место в когнитивной базе человека. Выделение того или иного признака обусловлено стереотипами обыденного сознания языкового коллектива.

Любой предмет является сочетанием определённых признаков, которые образуют некоторую иерархию. В работе было показано, что значение слова есть отражение признаков и свойств денотата. Они могут входить в ядро, логико-предметное содержание – интенционал, или периферию признаков – импликационал.

Исследование большого эмпирического материала показало, что в качестве *базы* – эталона сравнения выступает лексика базисного уровня, что вполне закономерно. Только условие прочного и стабильного вхождения эталона в когнитивную базу человека с полным пакетом знаний о нем, обеспе-

чивает его выбор носителями языка. Базисная лексика – это конкретная лексика, легко запоминается, формирует языковой инструментарий познания мира. Эталоны сравнений представлены тремя большими группами: натуромерные, артефактные, антропомерные, которые подверглись детальной рубрикации. Исследование показало влияние экстралингвистических факторов, таких как особенности жизненного уклада, географического расположения, условий исторического развития, особенности менталитета и пр. на выбор *базы* – эталона сравнения.

На основании изучения признаков, объединяющих *базу и цель* компаративов, и их отражения в структуре лексического значения было выявлено несколько групп. Учитывая, что ядро, логико-предметное содержание значения, отражает сущностные признаки денотата, неизменные при любых условиях, термином *сущностные* были названы признаки, входящие в ядро значения, в его *интенционал*. Она не многочисленна и не разнообразна по своему составу.

Вторая, *характерная* группа признаков – самая многочисленная (80 % материала), входит в периферию значений эталонов сравнений, его *импликационал*. Такое распределение закономерно, так как периферия признаков это пакет знаний, которые носители языка накапливают в течение долгого контакта и «общения» с объектом, послужившим эталоном. Периферия признаков переменчива, разнородна, разнообразна, постоянно пополняется новыми элементами. Ее границы открыты, нет ограничений. В этой группе проявляется все богатство самобытности и уникальности этноса, его менталитет и культура.

Последняя из выделенных групп не позволила установить признак, связывающий *базу и цель* на основе анализа интенционала и импликационала, совмещенных в компаративе слов, т.е. на языковом уровне. Поэтому призна-

ки, объединяющие элементы сочетания, получили название *приписанные*. Она составляет 10 % от общего числа эмпирического материала. Это уникальная группа, которая в полной мере иллюстрирует особенности ассоциативного мышления этноса, в котором проявляются определённые закономерности. Обращение к интерпретации экстралингвистических фактов, к историческим и культурным событиям в некоторых случаях позволило установить связь *базы* и *цели* эталонного сравнения.

Эталонные сравнения представляют собой богатейший материал в плане исследования когнитивных основ их конструирования, выявления экстралингвистических факторов их появления, которые охватывают достаточно широкий круг разнообразных источников.

В дальнейшем особый интерес представляет применение выработанной методики на материале глагольных сравнений. Не менее интересным будет расширенное исследование третьей группы компаративов, отмеченной приписанными признаками, с целью выявления в ней системных отношений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абрамова Г.И. Этносемантика фразеологических компаративных фразеологических единиц как элемент национально-культурной специфики языкового сознания (на примере русского, казахского, и английского языков): автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 2004. – 22 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
3. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. – М.: Элипс, 2008. – 271 с.
4. Алефиренко Н.Ф., Корина Н.Б. Проблемы когнитивной лингвистики. Нитра (Словакия): Университет им. Константина философа, 2011. – 215 с.
5. Аликаев Р.С. Язык науки в парадигме современной лингвистики. – Нальчик: Эль-фа, 1999. – 318 с.
6. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. – Л., 1963.
7. Апажев М.Л. Проблемы кабардинской лексики. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 336 с.
8. Апресян Ю.Д. Избранные труды // Лексическая семантика. Т. 1. – М.: Восточная литература, 1995. – 472 с.
9. Аристотель. Риторика / пер. Н. Платоновой // Античные риторики. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 352 с.
10. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебное пособие – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
11. Арутюнова Н.Д. функциональные типы языковой метафоры // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – М.: Наука, 1978. – Т. 37, № 4. – С. 333–343.
12. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

13. Багов П.М. Двухкомпонентные именные комплексы // Вопросы грамматики и лексики кабардино-черкесского языка. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – С. 3–16.
14. Баранов Б.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. Серия литературы и языка. – М., 1997. – Т. 56, № 1. – С. 11–21.
15. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии – М.: Знак, 2008. – 656 с.
16. Бартон В.И. Сравнение как средство познания. – Минск: Изд-во БГУ, 1978. – 128 с.
17. Башиева С.К. Благопожелание как лингвокультурный фрагмент этнической картины мира // Язык и общество: материалы международной научной конференции. – Алматы: Каз УМО и МЯ им. Абылай хана, 2018. – С. 46–52.
18. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 232 с.
19. Беляевская Е.Г. Три парадигмы семантических исследований (чем отличается когнитивный подход к лексической семантике от «традиционного») // На стыке парадигм лингвистического знания в начале XXI века: грамматика, семантика. Словообразование: материалы международной конференции. – Калининград: КГУ, 2003. – С. 60–73.
20. Бендикс Э.Г. Эмпирическая база семантического описания // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XIV. – М.: Прогресс, 1983. – С. 75–108.
21. Берлизон, С.Б. Компаративно-фразеологические единицы: средство выражения экспрессии и эмоциональной оценки (на материале английского языка) / С.Б. Берлизон // Проблемы семасиологии и лингвостилистики. Вып. 1. Ч. 1. – Рязань: Изд-во Рязанского пед. ин-та, 1973. – С. 1–72.
22. Бижева З. Х. Культурные концепты в кабардинском языке. – Нальчик: КБГУ, 1997. – 140 с.

23. Бижева З.Х. Адыгская языковая картина мира. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 128 с.
24. Битокова С.Х. Когнитивный анализ устойчивых когнитивных оборотов // Русский язык в полиэтнической среде: состояние и перспективы: материалы международной научной конференции. – Нальчик, 2003. – С. 49–52.
25. Битокова С.Х. Взаимодействие языка и культуры: филогенетический и онтогенетический взгляд на проблему // Концепт и культура: материалы III Международной научной конференции. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – С. 27–35.
26. Битокова С.Х. Культура и язык в аспекте стереотипов и эталонов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: межвузовский сборник научных трудов. Вып. XI. – Владикавказ: СОГУ, 2009. – С. 252–256.
27. Битокова С.Х. Когнитивные и коммуникативные свойства метафоры // Когнитивные исследования языка. Вып. 29 – М.: ИЯ РАН; Тамбов, 2017. – № 29. – С. 219–225.
28. Битокова С.Х. Восприятие в контексте когнитивной лингвистики Когнитивные исследования языка. Вып. 33. – М.: ИЯ РАН; Тамбов, 2018. – С. 32–36.
29. Битокова С.Х., Ошроева К.В. Конструирование компаративных словосочетаний: когнитивный аспект // Когнитивные исследования языка. Вып. 3 (42) – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов, 2020. – С. 687–693.
30. Бойко Л.Г. Культурно маркированное содержание устойчивых сравнений русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2009. – 14 с.
31. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. – 2-е изд., стер. — Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – 123 с.
32. Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5–22.

33. Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 1 (42). – С. 5–12.
34. Болдырев Н.Н. Интерпретирующий фактор языка в познании и коммуникации // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIX. – М., 2017. – С. 40–48.
35. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. – М.: 2018. – 478 с.
36. Брутян Г.А. Языковая картина мира и ее роль в познании // Методологические проблемы анализа языка. – Ереван: Ереванский государственный университет, 1976. – С. 57–65.
37. Брутян Г.А. Язык и картина мира // Философские науки. – 1973. – № 1. – С. 84–97.
38. Ван Ливэнь Внешность человека как объект образной характеристики в системе устойчивых сравнений русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2014. – 24 с.
39. Васильев С.А. Философский анализ гипотезы лингвистической относительности. – Киев: Наук. Думка, 1974. – 135 с.
40. Васильев Л.М. Современные способы формального описания языковых единиц // Теория содержательной формы. – Тамбов, 1981.
41. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.
42. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика в свете когнитивной теории языка // Germanica. Slavica. Turkica: сборник научных статей. – Уфа, 2000. – С. 248–252.
43. Верещагин Е.М., Костомаров В.Т. Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.

44. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание // под ред. М.А. Кронгауз. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
45. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
46. Верещагин Е.М., Костомаров В.Т. Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
47. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М., 1963. – 255 с.
48. Выготский Л.С. Мышление и речь // Проблемы общей психологии: собрание сочинений. В 6 т. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 2. – 361 с.
49. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
50. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. – 459 с.
51. Геляева А.И. Человек в языковой картине мира. – Нальчик: КБГУ, 2002. – 177 с.
52. Головин Б.Н. Введение в языкознание. – М.: Высшая школа, 1977. – 311 с.
53. Гольдберг В.Б. Компаративные словосочетания и компаративная категоризация как отражение познания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 71–80.
54. Гольдберг В.Б. Построение когнитивной модели образного сравнения // Когнитивные исследования языка. Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сборник материалов. Вып. XI. – М.: ИЯ РАН; Тамбов, 2012. – С. 111–113.
55. Гольдберг В.Б. Образность как способ концептуализации действительности (на материале образных глагольных сравнений) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 1. – С. 64–74.

56. Гукетлова Ф.Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира. – М.: Тезаурус, 2009. – 227 с.
57. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
58. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. под ред. и с предисл. Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 2001. – 397 с.
59. Демьянков В.З. Культурные и цивилизационные параметры варьирования языка с когнитивной точки зрения // Когнитивные исследования языка. Вып. XIX. – 2014. – С. 28–38.
60. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
61. Денисова Г.Л. Когнитивный механизм сравнения в немецком языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Самара, 2009. – 36 с.
62. Денисова Г.Л. Когнитивные основания анализа сравнены (на материале немецкого языка) // Мир лингвистики и коммуникации. – Электронный журнал. – 2010. – № 21. – С. 41–52.
63. Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка / сост., ред., вступ. ст. В.В. Петрова и В.И. Герасимова. Вып. XXIII. – М.: Прогресс, 1988. – С. 234–258.
64. Дзуганова Р.Х., Ошроева К.В. Структурно-семантические особенности компаративных фразеологизмов с продуктами питания в кабардино-черкесском языке // Актуальные проблемы кавказоведения в XXI веке: материалы международной научно-практической. – Назрань, 2015. – С. 61–63.
65. Дзуганова Р.Х., Ошроева К.В. Компаративные фразеологизмы в художественной литературе (на материале кабардино-черкесского языка) // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – С. 1239.
66. Дзуганова Р.Х., Ошроева К.В. Компаративные фразеологизмы в произведениях З.М. Налоева // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. – Владикавказ, 2015. – С. 224–229.

67. Дзуганова Р.Х., Ошроева К.В. Сравнительные обороты с зоонимами *шы* «лошадь» и *хьэ* «собака» в кабардино-черкесском языке (на материале художественных произведений) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Вып. 10. – Тамбов: Грамота, 2020. – Т. 13. – С. 155–158.

68. Дзуганова Р.Х., Ошроева К.В. Особенности компаративных фразеологизмов с фитонимами в кабардино-черкесском языке // Вестник КБИГИ. – 2020. – № 3 (46). – С. 76–81.

69. Дмитриева Н.В. Роль признака в выборе эталона сравнения (на материале адъективных сравнений английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2000. – 15 с.

70. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.1. – М., 1960. – С. 264–390.

71. Жилин И.М. О категории компаративности // Вопросы синтаксиса в стилистике современного немецкого языка: ученые записки Ленинградского пед. ин-та им. Герцена. – Л., 1963. – Т. 255. – С. 83–90.

72. Залевская А.А. Проблемы признака как основания для взаимопонимания и для расхождений при этнических контактах // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 163–175.

73. Залевская А.А. Значение слова и возможности его описания // Языковое сознание: Формирование и функционирование: сборник статей / отв. ред. Н.Ф. Уфимцева. – М., 1998. – С. 35–55.

74. Залевская А.А. Проблемы признака как основания для взаимопонимания и для расхождений при этнических контактах // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 163–175.

75. Замай С.Ю. Функционально-семантическая категория компаративности и средства её репрезентации в русском и английском языках // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Вып. 6. – Майкоп: Адыгейский гос. ун-т, 2008. – С. 93–96.

76. Зарецкая Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. – М.: Дело, 2002. – 480 с.
77. Заруднева Е.А. Компаративные конструкции в лингвокогнитивном аспекте (на материале русского и английского языка). – Краснодар, 2007. – 22 с.
78. Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. – М.: Изд-о Московского ун-та, 1973. – 247 с.
79. Иванова Л.А. Глаголы в составе функционально-семантического поля равенства (на материале русского языка): дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 1990. – 175 с.
80. Иванова С.В. Интерпретация сравнительных конструкций и языковая картина мира // Семантика языковых единиц и ее роль в интерпретации текста. – Уфа, 1994. – С. 19–22.
81. Иванова Л.А. Понятие равенства в логике и языке // Исследования по семантике: Семантика языковых единиц разных уровней. – Уфа: Башкирский государственный университет, 1988. – С. 114–122.
82. Ивин А.А. Логика: учебник. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 320 с.
83. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 262 с.
84. Караулов Ю.Я. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира: сборник статей / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М., 2000. – 320 с.
85. Карданов Б.М. Фразеология кабардинского языка. – Нальчик: Эльбрус, 1973. – 246 с.
86. Кассирер Э. Познание и действительность. – СПб.: Алетейя, 2000 – 456 с.
87. Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. – М., 2001. – 863 с.

88. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 350 с.
89. Кобрин Н.А. Когнитивная лингвистика: истоки становления и перспективы развития // Когнитивная семантика Ч. 2. – Тамбов, 2000. – С. 170–175.
90. Ковшова М.Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц (когнитивные аспекты): автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 1996. – 22 с.
91. Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с.
92. Колшанский Г.В. Семантика слова в логическом аспекте // Язык и мышление. – М., 1967. – С. 187–208.
93. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – 2-е изд., доп. – М.: Эдиториал УРСС, 2005. – 128 с.
94. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. – М.: КомКнига, 1969. – 192 с.
95. Конюшкевич М.И. Категория сравнения и её место в системе языка // Вопросы функциональной грамматики: сборник научных трудов / под ред. М.И. Конюшкевич. Вып. 4. – Гродно: ГрГУ, 2001. – С. 82–94.
96. Конюшкевич М.И. К вопросу о границах компаративности // Материалы Международной научной конференции. – Шымкент, 2003. – С. 117–122.
97. Копыленко М.Л. Основы этнолингвистики. – Алматы: Евразия, 1995. – 178 с.
98. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии (фразеосочетания в системе языка). – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 190 с.
99. Кравченко А.В. Когнитивная лингвистика сегодня: интеграционные процессы и проблема метода // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 37–52.

100. Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск: изд-во Иркутского ун-та, 1996. – 160 с.
101. Красных В.В. Строение языкового сознания: фрейм-структуры // Когнитивная семантика. Ч. 1. – Тамбов, 2000. – С. 53–55.
102. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
103. Кронгауз М.А. Семантика. – М., 2001. – 399 с.
104. Крипке С. Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. – М., 1982. – С. 340–377.
105. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – С. 144–238.
106. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия АН СЛЯ. – 2004. – Т. 63, № 3. – С. 6–17.
107. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
108. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. – М.: Знак, 2012. – 208 с.
109. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. Вып IV. Концептуализация мира в языке: коллективная монография / гл. ред. Е.С. Кубрякова. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Державина, 2009. – С. 11–25.
110. Кумахов М.А. Очерки общего и кавказского языкознания. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 325 с.
111. Кунин А.В. Устойчивые адъективные сравнения в русском и английском языках // Русский язык за рубежом. – 1969. – № 3. – С. 80–86.

112. Кыржинакова Э.В. Способы выражения сравнения в хакасском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 24 с.
113. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. – М.: Прогресс, 1978. – 542 с.
114. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. – М.: Прогресс, 1981. – С. 356–368.
115. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
116. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии. – Краснодар, 1999. – 196 с.
117. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: тематический словарь. – М.: Флинта: Наука, 2013 – 316 с.
118. Маекадыня В.Н. Способы выявления типичных примеров категории // Проблемы семантики: психолингвистические исследования. – Тверь, 1991. – С. 36–40.
119. Малых Л.М. Сравнение как логическая основа обыденного и научного познания // Вестник РУДН. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2014. – № 2. – С. 5–14.
120. Малых Л.М. Логическая формула языкового сравнения // Вестник Иркутского гос. ун-та. – 2012. – № 1 (17). – С. 184–191.
121. Малых Л.М. Статус категории сравнения в современных лингвистических исследованиях // История и филология. – 2011. – № 2. – С. 105–110.
122. Марковина И.Ю., Крюков А.Н. и др. Этнопсихолингвистика / под ред. Ю.А. Сорокина. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
123. Маслова В.А. Языковая картина мира и культура // Когнитивная лингвистика конца XX века: материалы международной научной конференции (в 3-х ч.). Ч. 1. – Минск, 1997. – С. 35–47.

124. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Academia, 2001. – 204 с.
125. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учебник пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск: Тетра Система, 2008. – 272 с.
126. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. – СПб., 2008. – 800 с.
127. Москвин В.П. Русская метафора. Очерк семиотической теории. – 3-е изд., перераб. и доп.. – М.: ЛКИ, 2007. – 184 с.
128. Найда Ю.А. Процедуры анализа компонентной структуры референционного значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. – М.: Прогресс, 1983. – С. 61–75.
129. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: учебное пособие – 2-е изд., доп. и испр. – СПб.: Изд-во РГПУ, 2007. – 819 с.
130. Никитин М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). – М.: Высшая Школа, 1983. – 127 с.
131. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. – М.: Высшая школа, 1988. – 168 с.
132. Никитин М.В. Об отражении картины мира в языке // *Studia Linguistica*. Слово, предложение и текст как интерпретирующие системы. Вып. 8. – СПб.: Тригон, 1999. – С. 6-14.
133. Никитин М.В. Концепт и метафора // *Studia linguistica*. Проблемы европейских языков. Вып. 10. – СПб., 2001.
134. Никитин М.В. Метафора: уподобление vs. интеграция концептов // С любовью к языку: сборник научных трудов. – М. –Воронеж, 2002. – С. 255–269.
135. Николаева Т.Н. Типологическая параметризация компаративной фразеологии современного якутского и немецкого языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Якутск, 2003. – 23 с.

136. Новикова Е.В. Эталоны сравнения в немецкой языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2006. – 24 с.
137. Новоселов М.М. Сравнение // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2001. – Т. 3. – С. 625–626.
138. Огольцев, В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. – 2-е изд., исправ. и допол. – М.: Книжный дом, 2001. – 192 с.
139. Огольцева Е.В. Лицо человека в зеркале сравнения // Русский язык в школе. – 2006. – №5. – С. 86–91.
140. Ошроева К.В. Зооморфизмы в компаративных фразеологических единицах (на материале кабардино-черкесского, английского и русского языков) // Материалы международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспектива–2013». Т. 1. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2013. – С. 254–258.
141. Ошроева К.В. Структурно-семантическая организация компаративных фразеологических единиц с элементом *хуэдэу* в кабардино-черкесском языке // Известия КБНЦ РАН. – 2013. – № 5 (55). – С. 199–203.
142. Ошроева К.В. Этнокультурная специфика компаративных фразеологических единиц с зоонимическим компонентом «собака» (на материале кабардино-черкесского, английского и русского языков) // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии: мат-лы VII международной научной конференции. – Майкоп, 2013. – С. 251–253.
143. Ошроева К.В. Натуромерные компаративные фразеологические единицы в английском, русском и кабардино-черкесском языках // Язык, культура, этикет в современном полиэтническом пространстве: материалы III международной конференции: – Нальчик, 2013. – С. 209–213.

144. Ошроева К.В. Лексико-грамматические особенности двухкомпонентных компаративных фразеологических единиц в кабардино-черкесском и английском языках // Вестник КБИГИ. – 2013. – № 1(20). – С. 69–72.

145. Ошроева К.В. Антропонимы в компаративных фразеологических единицах (на материале кабардино-черкесского и английского языков) // Известия КБНЦ РАН. – 2014. – № 4 (60). – С. 203–207.

146. Ошроева К.В. Соматизмы в компаративных фразеологических единицах (на материале кабардино-черкесского и русского языков) // Вопросы кавказской филологии. – Нальчик, 2014. – С. 182–186.

147. Павилёнис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. – М., 1983. – 286 с.

148. Пашковская Н. В. Национально-культурная специфика адъективных сравнений английского и русского языков // Психолингвистические исследования слова и текста // Сборник научных трудов. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 1997. – С. 99–103.

149. Петкелите К.Р. (2011). Когнитивные основы формирования значения устойчивых сочетаний с компонентом-цветообозначением: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Калининград 2011. – 24 с.

150. Подхомутников В.Г. Линвокультурологические особенности устойчивых сравнений в русском и английском языках (на примере идеографического поля «Внешность»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 15 с.

151. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. – 314 с.

152. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / под ред. Б.А. Серебренникова. – М.: Наука, 1988. – С. 8–69.

153. Потебня А.Л. Мысль и язык. – Киев: СИНТО, 1997. – 192 с.

154. Потехня А.Л. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. – Харьков: Мирный труд. – 1914. – 164 с
155. Прохорова Н.М. Устойчивые компаративы английского языка (семантико-функциональный аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук.. – М., 1973. – 18 с.
156. Прохорова М.Е. Выделение как механизм отражения действительности в компаративных словосочетаниях// Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Вып. 2(42). – Тамбов, 2006. – С. 218–221.
157. Прохорова М.Е. Цветовые сравнения как средство описания облика человека и его оценки // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Вып. 8 (76). – Тамбов, 2009. – С. 218–223.
158. Прохорова М.Е. Проблема категоризации репрезентантов признаков в сравнениях // *Lingua Mobilis*. – 2012а. – № 3 (36). – С. 90–99.
159. Прохорова М.Е., Болдырев Н.Н. Характеристика человека посредством цветовых сравнений: когнитивный аспект. – Saarbrcken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012б. – 251 с.
160. Прохорова, М.Е Проблема категоризации репрезентантов признаков в сравнениях // *Lingua mobilis*. – 2012. – № 3 (36). – С. 90–99.
161. Рузин И.Г. Когнитивные стратегии именованя: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания. – 1994. – № 6. – С. 79–100.
162. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. – М.: Academia, 2005. – 640 с.
163. Самойленко Е.С. Проблемы сравнения в психологическом исследовании. – М.: Изд-во Института психологии РАН, 2010. — 416 с.

164. Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.К., Телия В.Н., Уфимцева А.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
165. Сеченов И.М. Кому и как разрабатывать психологию. Психологические этюды. – СПб., 1973. – 225 с.
166. Скляревская Г.Н. Реальный и ирреальный мир в толковом словаре: (К вопросу о прагматическом компоненте слова) // Семантика и коммуникация. Вып. 4. – СПб., 1996. – С. 70.
167. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб., 2004. – 165 с.
168. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с.
169. Сологуб Ю.П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования: (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица): автореф. дис. ... на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук – М., 1985. – 31 с.
170. Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология. – Самара. – 1994. – 94 с.
171. Степанова А.В. Интертекстуальная природа образа и образности (на материале образных сравнительных конструкций английской и американской литературы XIX–XX вв.): дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2006. – 212 с.
172. Сторчак М.В. Когнитивно-семантические особенности сравнения контексте художественной картины мира (на материале современной англоязычной прозы) контексте художественной картины мира: дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2018. – 24 с.
173. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
174. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (Виды наименований). – М.: Наука, 1977. – С. 129–221.

175. Телия В.Н. Семантика связанных значений слов и их сочетаемости // Аспекты семантических исследований. – М. : Наука, 1980. – Гл. 4. – С. 250–319.
176. Телия В.Н. Культурно-языковая компетенция // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 19–30.
177. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / под ред. Б.А. Серебренникова. – М.: Наука, 1988. – С. 173–204.
178. Телия В.Н. Культурно-языковая компетенция // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 19–30.
179. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 334 с.
180. Трегубчак А.В. Семантика сравнения и способы ее выражения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 23 с.
181. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Зарубежная лингвистика: В 3-х т. – М.: Прогресс, 1999. – Т. 1. – С. 58–91.
182. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: аналогия в семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.
183. Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения. – М.: Просвещение, 1968. – 557 с.
184. Фелицина Ф.П., Мокиенко В.М. Русские фразеологизмы. – М., 1990. – 220 с.
185. Фефилов А.И. Введение в когнитологию. – М.: Наука, 2010. – 240 с.
186. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Прикладная лингвистика. Вып. 12. – М.: Радуга, 1983. – С. 74–122.

187. Харитончик З.А. Очерки о языке. – Минск: Изд-во МГЛУ, 2004. – 367 с.
188. Чесноков П.В. Неогумбольдианство // *Философские основы зарубежных направлений в языкознании* / под ред. В.З. Панфилова. – М., 1977. – С. 15–18.
189. Чеснокова, Р.А. Актуализация семантики тождества в английском языке // *Мир науки, культуры, образования*. – 2008. – № 2(9). – С. 71–74.
190. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М., 1985. – 160 с.
191. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
192. 136. Шмелева Т.В. Специфика опорного слова устойчивого адъективного сравнения в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Калинин, 1988. – 16 с.
193. Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию / отв. ред. Л.А. Абышко. – СПб., 1996. – 279 с.
194. Южакова Ю.А. Явление тождества в русском языке // *Вестник Челябинского гос. ун-та*. Вып. 89. – 2014. – № 7 (336). – С. 220–222.
195. Яковлев Н.Ф. Культура кабардинцев и черкесов по данным словаря / *Грамматика литературного кабардино-черкесского языка*. – М., 1948. – С. 229–235.
196. Barfield O. *Poetic Diction: A Study in Meaning*. – London: Faber and Faber, 1952. – 238 p.
197. Bitokova S., Barannikova T., Magamdarov R. Tertium Comparationis of Comparative Combinations: Cognitive Analysis // *SCTCMG 2019: The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS*. – 2019. – Vol LXXVI. – p. 437–446.
198. Dzuganova R., Guketlova F., Berbekova F., Oshroeva K. Ethno-Linguo-Cultural Specificity of Zoonyms In Comparative Phraseological Units // *SCTCMG 2019:*

The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. – 2019. – Vol. LXXVI. – p. 845–850.

199. Fadaee, E. Symbols, metaphors and similes in literature: A case study of “Animal Farm” // *Journal of English and Literature*. – 2011. – Vol. 2 (2). – P. 19–27.

200. Gentner, D., Holyoak, K.J., Kokinov, B.N. (2001). *The Analogical Mind Perspectives from Cognitive Science*. – 2001. – 553 p.

201. Gibbs R. W. Jr. Embodied experience and linguistic meaning // *Brain and Language*. – 2003. – № 84. – P. 1–15.

202. Gibbs, R.W. *The Poetics of Mind: Figurative Thought, Language, and*

203. *Understanding* / R.W. Gibbs. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1994. – 540 p.

204. Gibbs R.W., Colston H.-L. *The Cognitive Psychological Reality of Image Schemas and their Transformations* // *Cognitive Linguistics: Basic Readings* / Ed. by D.Geeraerts. – Berlin–New-York: Mouton de Gruyter, 2006. – P. 239–268.

205. Glucksberg S. *Understanding Figurative Language*. – Oxford and New York: Oxford University Press, 2001. – 144 p.

206. Kovecses Z. *Metaphor in Culture. Universality and variation*. – Cambridge University Press, 2005. – 314 p.

207. Lakoff G. *Classifiers as reflection of mind* // Ed. Graig C. *Noun Classes and Categorization*. – Amsterdam: John Benjamins. 1986. – P. 13–51.

208. Lakoff G. *Cognitive models and prototype theory* // *Concepts and conceptual development: Ecological and intellectual factors in categorization*. – New York: Cambridge University Press, 1987. P. 63-101.

209. Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought*. – New-York: Basic Books, 1999. – 312 p.

210. Lakoff G. Johnson M. *Why cognitive linguistics requires embodied realism*. – *Cognitive Linguistics* 13-3, 2002. – P. 245–263.

211. Langacker R. W. Grammar and conceptualization. – Berlin, New-York: Mouton de Gruyter, 2000. – 427 p.
212. Miller, G.A. Images and models, similes and metaphors / G.A. Miller // Metaphor and Thought. – Cambridge University Press, 1993. – P. 357–400.
213. Neisser U. From direct perception to conceptual structure // Concepts and conceptual development: Ecological and intellectual factors in categorization. – New York: Cambridge University Press, 1987. P. 11–25.
214. Ortony A. Metaphor, Language, and Thought // Metaphor and Thought / Ed. by A.Ortony. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P. 42–57.
215. Rosh E.H. On the Internal Structure of Perceptual and Semantic Categories // Cognitive development and the acquisition of language. – New York; London: Academic Press, 1973. – P. 111–114.
216. Rosch E. Cognition and categorization. – Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – P. 27–48.
217. Rosch E. Coherence and categorization: a historical view // The Development of Language and Language Researches. Essays. – Hillsdale, NJ; NY: Lawrence Erlbaum, 1988. – P. 373–392.
218. Rosch E. Principles of Categorization //E. Margolis, S. Lawrence (eds). Concepts. – Cambridge, Ma: The MIT Press, 1999.
219. Sapir E. Language // Language, Culture and Society: A Book of Readings. – Cambridge, Mass: Winthrop Publishers Inc., 1974. – P. 4–17.
220. Taylor J.R. Linguistic categorization. Prototypes in Linguistic Theory. – Oxford: University Press, 1995. – 312 p.
221. Ungerer F., Schmid H.-J. An Introduction to Cognitive Linguistics. – London and New York: Longman, 2006. – 293 p.
222. Wierzbicka A. Semantics. Primes and Universals. – Oxford, New-York: Oxford University Press, 1996.

Словари

1. Англо-русский фразеологический словарь. В 2 т. / сост. А.В. Кунин. – М., 1967 – 1455 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – 2-е изд. – М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
3. Бербеков Б.Ч., Бижоев Б.Б., Утижев Б.К. Школьный фразеологический словарь кабардино-черкесского языка. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 240 с.
4. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 1999. – 701 с.
5. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
6. Кабардино-русский словарь / под ред. Б.М. Карданова. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1957. – 576 с.
7. Карданов Б.М. Кабардино-русский фразеологический словарь. – Нальчик: Эльбрус, 1968. – 342 с.
8. Кириленко Г.Г., Шевцов Е.В. Краткий философский словарь. – М.: Эксмо, 2004. – 480 с.
9. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
10. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 248 с.
11. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., допол. – М.: А ТЕМП, 2006. – 944 с.

13. Розенталь Д.Е., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
14. Словарь кабардино-черкесского языка. – М.: Дигора, 1999. – 860 с.
15. Словарь образных выражений русского языка / под ред. В.Н. Телия. – М.: Отчизна, 1995. – 368 с.; 1999. – 860 с.
16. Философский энциклопедический словарь. – М.: 1989. – 840 с.
17. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – URL: [https://www. dictionary.cambridge.org](https://www.dictionary.cambridge.org).
18. Collins English Dictionary / Collins Dictionaries [Electronic resource] URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/bullhorn?>
19. English Oxford Living Dictionaries [Electronic resource]. – URL: <https://www.en.oxforddictionaries.com>.

Интернет источники

1. <https://www.phrases.org.uk>
2. <https://idioms.thefreedictionary.com/>
3. <https://www.usingenglish.com/reference/idioms>
4. <https://www.etymonline.com/word/idiom>
5. <https://slovar.cc/rus/tolk.html>
6. <https://slovar.cc/rus/ushakov/410234.html>Лакофф 2004б 224
7. <https://www.efremova.info>
8. <https://psychological.slovaronline.com/>
9. <https://rus-istoria-philosophii.slovaronline.com/>
10. <http://ru.scribd.com/doc/76496978/033525-4B20B-kuharenko-v-a-galperin-i-r-arnold-i-v-slovar-terminov-po-sti#scribd>.
11. https://www.endic.ru/enc_sociology.
12. <https://www.endic.ru/ozhegov>.

13. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://www.dictionnaire.cambridge.org>
14. Collins English Dictionary / Collins Dictionaries [Electronic resource] URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/bullhorn?>
15. English Oxford Living Dictionaries [Electronic resource]. – URL: <https://www.en.oxforddictionaries.com>

Список использованных литературных источников

1. Абазэ Л. Анэм и джэ макъ // Бжьыхьэ нэпсхэр. – Налшык: Эльбрус, 1994. – 280 н.
2. АбытIэ В. Къ. Индыл и зы щэху. – Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 2005. – 284 н.
3. АбытIэ В.Къ. ЩакIуэр зи унэ. – Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1986. – 256 н.
4. АбытIэ В. Уанэгу нэщI. – Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 2009. – 217 н.
5. Адэмокъуэ М.А. НатIэм итхар. – Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ, Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1986. – 192 н.
6. Гъуэщокъуэ Хъу. Адэмрэ къуэмрэ. – Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1973. – 383 н.
7. Дыгъужь Къу. Бжьыхьэ псыдзэ. – Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1983. – 216 н.
8. Дыгъужь Къу. Щымахуэ лэгъуыкъу. – Черкесск: Къэрэшей-Шэрджэс тхыль тедзапIэ, 2011. – 174 н.
9. Елгъэр К.М. Ухеймэ – ульэщц. – Налшык: Эльбрус, 1976. – 348 н.
10. Журт Б. Мэрэмэжьей. – Налшык:Эльбрус, 1997. – 440 н.

11. КІэрэф М. Ж. Лъэужь е лІэужь. – Налшык: Эльбрус, 2009. – 572 н.
12. КІыщокъуэ А. П. КІапсэ кІапэ // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъэсауэ. – Налшык: Эльбрус, 2007. – Т. 6. – Н. 5–18.
13. КІыщокъуэ А.П. Хъуэпсэгъуэ нур// Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъэсауэ. – Налшык: Эльбрус, 2005. – 488 н.
14. КІыщокъуэ А.П. Эмирым и сэшхуэ // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъэсауэ. Т.3. – Налшык: Эльбрус, 2005.- 752 н.
15. КІыщокъуэ А.П. Лъапсэ// Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъэсауэ. Роман. – Налшык: Эльбрус, 2006. – Т. 5. – 552 н.
16. КІыщокъуэ А.П. Нал къута // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъэсауэ. – Налшык: Эльбрус, 2006. – Т. 4. – 688 н.
17. Къашыргъэ Хь. Хь. Насыпым и хэкІыпІэ. – Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапІэ, 1957. – 308 н.
18. Къашыргъэ Хь. ПшэкІухь. – Налшык: Эльбрус, 1976. – 378 н.
19. КхъуэІуфэ Хь. Хь. Мэзыр жыг зырызурэ зэхэтщ. – Налшык: Эльбрус, 2000. – 480 н.
20. Махуэ А.М., Къардэнгъуці З.П. Хъуэжэ и таурыхъищэ. – Майкоп: РИПО Адыгея, 1994. – 126 н.
21. МафІэдз С. Мыхъур. – Налшык: Эльбрус, 2003. – 344 н.
22. Нало З. М. Къру закъуэ. – Налшык: Эльбрус, 1981.- 400 н.
23. Теунэ Хь.И. ШыкІэсу къахъа // Тхыгъэ кыыхэхахэр. – Налшык: Эльбрус, 1973. – Н. 103–119.
24. Теунэ Хь.И. Шэджэмокъуэ лъэпкъыр // Тхыгъэ нэхъыщхъэхэр томитІу. ЕтІуанэ Іыхъэ. – Налшык: Эльбрус, 1980. – 568 н.
25. Тыуаршы А.У. Сэтэнейр къэгъагъэмэ. – Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапІэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1978. – 424 н.

26. Хьэкьун И. Бзылхугъэ шу щэху. – Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1974. – 222 н.
27. Хьэх С. Махуэм дунейр и кIыхьагъщ. – Налшык: Эльбрус, 1992. – 304 н.
28. Хьэх С. Лъагъуэр гъуэгуи хуокIуэ. – Налшык: Эльбрус, 2013. – 624 н.
29. Хьуажь Ф.М. Уэрамэ сыт ебгъэщIэнт? – Налшык: Принт центр, 2019. – 335 н.
30. Хьупсырокъуэ Хь.ГъукIэ. – Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1980. – 262 н.
31. ШэджыхьэщIэ Хь.ЩакIуэ. – Налшык: Эльбрус, 1992. – 432 н. (Шекхачев Х. Охотник. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 432 с.)
32. Шортэн А. Бгырысхэр // Роман-эпопея, тхыльиплI хьууэ. – Налшык: Эльбрус, 2016. – 1224 н.
33. ЩоджэнцIыкIу А.А. Тхыгъэхэр. – Налшык: Эльбрус, 2000. – 432 н.
34. ЩоджэнцIыкIуI. Софят и гъатхэ.- Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапIэ, 1962. – 232 н.